This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

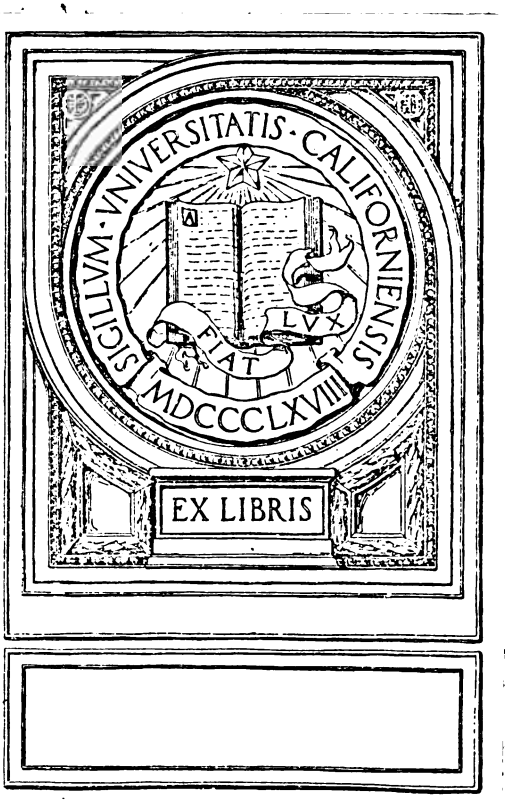
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DC
204
M35


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Nord

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ИНОСТРАННАЯ АРМИЯ".

CALIFORNIA

НАПОЛЕОНЪ и ЖЕНЩИНЫ.

Frédéric Masson

Фредерикъ Массонъ.

„Здѣсь и только здѣсь, женщины достойны быть повелительницами. Всякой женщинѣ необходимо провести 5—6 мѣсяцевъ въ Парижѣ для того, чтобы узнать чего она стоитъ и въ чемъ заключается ея могущество, ея царство".

Наполеонъ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Переводъ книгоиздательства.

МОСКВА.

Типографія М. Борисенко и А. Бреслинъ, Б. Дмитровка, д. Рос. Бл. Собранія.

1899.

— Вы очень озябнете здѣсь, сказалъ я ей,—какъ вы рѣшаетесь ходить по аллеямъ въ такую погоду?

— Ахъ, сударь, меня ободряетъ надежда; надо же какъ-нибудь убить этотъ вечеръ.

Покорное равнодушіе, звучавшее въ этихъ словахъ, и самая послѣдовательность отвѣта обезоружили меня окончательно и я пошелъ рядомъ съ ней.

— Но вы на видъ такая нѣжная, слабенькая и я удивляюсь, какъ ваше ремесло не утомляетъ васъ?

— Ахъ, Боже мой, сударь, надо же дѣлать что-нибудь??

— Разумѣется надо, но развѣ нельзя найти другое занятіе, болѣе сообразное съ вашими силами?

— Нельзя, сударь, а жить надо.

Я былъ въ восторгѣ. Эта по крайней мѣрѣ отвѣчала на мои вопросы и то былъ, на мой взглядъ настоящій успѣхъ, которымъ далеко не увѣнчались мои предыдущія попытки въ этомъ же родѣ.

— Вы, вѣроятно, уроженка сѣвера, такъ какъ совсѣмъ не боитесь холода?

— Я изъ Нанта, въ Бретани.

— Я знакомъ съ этой мѣстностью... послушайте, вы непремѣнно должны сдѣлать мнѣ удовольствіе и разсказать исторію вашего паденія.

— Извольте. Меня увлекъ одинъ офицеръ.

— И что же? Это огорчаетъ васъ?

— О, да, очень, увѣряю васъ (и въ голосѣ ея зазвучали какія-то новыя, мягкія бархатныя ноты) моя сестра въ настоящее время такъ хорошо устроилась, почему бы и я не могла сдѣлать того же?

— Какъ же вы попали въ Парижъ?

— Очень просто. Офицеръ, который обезчестилъ меня и котораго я такъ ненавижу, бросилъ меня очень скоро. Надо было избѣжать какъ-нибудь домашнихъ сценъ и упрековъ матери. Тутъ явился другой, онъ привезъ меня въ Парижъ и тоже бросилъ; его замѣнилъ третій, съ которымъ я прожила вотъ уже цѣлыхъ три года. Онъ хотя и французъ, но по дѣламъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и теперь находится... Идемъ къ вамъ.

— Но что же мы будемъ тамъ дѣлать?

— Пойдемте, все равно,—мы обогрѣемся и я исполню ваше желаніе.

Я былъ далекъ отъ всякой щепетильности. Я нарочно заинтересовалъ, старался развлечь ее и боялся, чтобы она не убѣжала отъ меня, вообразивъ себѣ, будто я приготовился докучать ей проповѣдью о нравственности, а потому вовсе не

хотѣлъ дать ей возможность догадаться о моемъ собственномъ цѣломудріи....

Въ тотъ день, когда Бонапартъ описываетъ этотъ эпизодъ, ему было всего только 18 лѣтъ и три мѣсяца, такъ какъ онъ родился 15 августа 1769 г. Мы можемъ думать, что это то и была его первая любовница, а бѣглый обзоръ его дѣтства и ранней юности даетъ намъ достаточно вѣскіе мотивы для признанія полной основательности подобнаго предположенія. Самъ Наполеонъ въ своихъ запискахъ всюду помѣчаетъ годъ и число, а результаты историческихъ справокъ о немъ только еще болѣе подтверждаютъ всегда строгую точность его указаній.

15-го декабря 1778 г. 9—10 лѣтъ отъ роду Бонапартъ, покинувъ Аяччіо; переселился во Францію. Изъ окружавшихъ его въ дѣтствѣ женщинъ съ роднаго острова, онъ сохранилъ воспоминаніе о своей кормилицѣ Каммилѣ Карбоне, вдовѣ, по мужу Иляри, двухъ старыхъ нянькахъ и о маленькой школьной подругѣ—Джакоминеттѣ, о которой онъ почему то особенно часто вспоминалъ на островѣ св. Елены.

Позже онъ осыпалъ милостями кормилицу, щедро одарилъ дочь этой кормилицы—г-жу Тавера и внучку ея г-жу Поли, которую самъ при крещеніи назвалъ Фаустиной, и если не смогъ сдѣлать ничего для своего молочнаго брата Игнатія Иляри, то лишь потому, что Игнатій, еще будучи юношей, уѣхалъ въ Англію, гдѣ поступилъ на службу въ британское морское военное вѣдомство.

Что же касается двухъ воспитавшихъ Наполеона нянекъ, то одна изъ нихъ, Ксаверія, до самой смерти своей жила при матери Бонапарта, другая же, Катерина, умерла задолго до возникновенія Имперіи, такъ-же какъ и малютка Джакоминетта—та самая, къ которой Наполеонъ-дитя относился съ трогательной нѣжностью старшаго брата.

Въ Отюнской коллегіи гдѣ, Наполеонъ прожилъ съ 1-го января до 12 мая 1779 года, затѣмъ въ Бретонской, въ которой онъ находился съ мая 1779 г. вплоть до 14 октября 1784 года, и наконецъ въ Парижскомъ Военномъ Училищѣ, гдѣ онъ провелъ всего только одинъ годъ—съ 22 октября 1784 до 30 октября 1785 года, все это время около Наполеона не было ни одной женщины, хотя, если вѣрить свидѣтельству г-жи д'Абрантэсъ, Наполеонъ, не смотря на строгости порядковъ даже такого закрытаго заведенія, какъ военное училище, съумѣлъ подъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ вырваться изъ своего затворничества и провелъ цѣлую недѣлю на свободѣ у г-на Пермонъ въ домѣ № 5, на улицѣ Конти. Въ то время ему только что исполнилось 16 лѣтъ.

Описанное же имъ уличное похожденіе 22 ноября 1787 года относится несомнѣнно къ промежуточному періоду между выходомъ его изъ Военнаго Училища и окончательнымъ водвореніемъ въ Парижѣ. И, дѣйствительно, уже 30 октября 1785 года Наполеонъ выѣзжаетъ въ Валенсію, а менѣе чѣмъ черезъ два года изъ Валенсіи отправляется въ Корсику, откуда возвращается обратно во Францію только 12-го сентября 1787 года; извѣстно, что въ этотъ разъ Наполеонъ посѣтилъ и Парижъ.

Своей конечной, такъ сказать «эмансипаціей» онъ не обязанъ ни Корсикѣ, ни тѣмъ менѣе своему первому десятимѣсячному пребыванію въ Валенсіи; тамъ всѣ видѣли въ немъ еще очень застѣнчиваго, скромнаго, немного грустнаго юношу, погруженнаго въ чтеніе и литературныя занятія, хотя и тогда уже томимаго желаніемъ выдвинуться и найти доступъ въ высшее общество.

Благодаря Традивону, аббату въ Сенъ-Рюффѣ, которому семья Марбеффовъ рекомендовала Наполеона, и который, въ качествѣ начальника конгрегаціи, обладателя митры и множества всевозможныхъ орденовъ и крестовъ, давалъ тонъ всей Валенсіи, Наполеонъ скоро былъ принятъ во всѣ избранные салоны края, какъ-то: къ г-жамъ Грегуаръ-де Коломбье, Лобери де Сенъ-Жерменъ, и г-жѣ Лорансенъ. Дамы эти, въ особенности же двѣ послѣднія, наиболѣе чопорныя представительницы провинціальной аристократіи, принадлежа къ мелкопомѣстному дворянтсву или богатой буржуазіи, вели образъ жизни строгій почти до суровости, и будучи предубѣждены вообще противъ посѣщающихъ ихъ гостиныя офицеровъ, ни подъ какимъ видомъ не допустили бы и тѣни короткости между собственными дочерьми и тѣми изъ молодыхъ людей, поведеніе которыхъ казалось бы хотя сколько-нибудь небезукоризненнымъ.

Дочь г-жи Коломбье, хорошенькая Каролина, которой мать предоставляла сравнительно бо́льшую свободу, сильно заинтересовала Наполеона и хотя ему тогда едва минуло 17 лѣтъ и она была много старше его, мысль о женитьбѣ на ней, очевидно уже мелькала въ юной головѣ Бонапарта. Несмотря однако на его увлеченіе ею и на ея склонность къ нему, ухаживаніе Наполеона носило здѣсь вполнѣ корректный и цѣломудренный, даже нѣсколько ребяческій характеръ; словомъ то былъ романъ во вкусѣ Руссо, того Руссо какимъ онъ является въ «М-lle Галлей». И въ самомъ дѣлѣ: обрывая ягоды съ вишневыхъ кустовъ въ саду Коломбье для хорошенькой Каролины, не говорилъ ли себѣ и Бонапартъ, какъ Руссо: «Ахъ, зачѣмъ мои губы не вишни? Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ бы ихъ тебѣ». Каролина не замедлила, однако, выйти очень скоро замужъ

за отставнаго офицера, Гарампеля-де-Брессье, который увезъ жену изъ Валенсіи и поселился съ нею въ родовомъ замкѣ своемъ близъ Ліона. Почти 20 лѣтъ спустя, Наполеонъ, такъ давно ничего незнавшій о судьбѣ милой дѣвушки, для которой онъ когда-то такъ усердно опустошалъ вишневые кусты, расположившись лагеремъ въ Булонѣ, неожиданно получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она просила Бонапарта позаботиться объ ея братѣ, находившемся на военной службѣ. Наполеонъ немедленно послалъ съ курьеромъ отвѣтное письмо съ увѣреніемъ въ томъ, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ быть полезнымъ молодому Коломбье, при чемъ добавилъ слѣдующее: «Судьба вашей матушки и ваша всегда живо интересовали меня; по вашему письму вижу, что вы живете около Ліона и потому не могу не попенять вамъ за то, что вы не пріѣхали въ Ліонъ, повидаться со мною, когда я былъ тамъ. Вы знаете, что свиданіе съ вами во всякое время доставило бы мнѣ большое удовольствіе». Это пожеланіе не пропало даромъ и свиданіе состоялось вскорѣ послѣ того, а именно 12 апрѣля 1806 года, когда Наполеонъ-Императоръ, по дорогѣ въ Миланъ, проѣздомъ остановился въ Ліонѣ. Г-жа де-Брессье представлялась ему одна изъ первыхъ и хотя она сильно постарѣла, измѣнилась, подурнѣла и была только тѣнью прежней обаятельной Каролины, она тѣмъ не менѣе добилась всего, о чемъ просила: исключенья себя и семьи своей изъ списка эмигрантовъ, почетнаго поста для мужа и чина лейтенанта для брата. Въ январѣ 1806 года, г-жа де-Брессье напоминаетъ о себѣ Наполеону письмомъ на Новый годъ, въ которомъ справляется о состояніи его здоровья, на что Императоръ отвѣчаетъ ей собственноручно и почти тотчасъ же. Далѣе, въ 1808 году, онъ назначаетъ ее придворной дамой при особѣ Императрицы-Матери; г-на де-Брессье дѣлаетъ президентомъ избирательной коллегіи въ Изерѣ, а въ 1810 году—барономъ Имперіи. Благодарныя воспоминанія, которыя Наполеонъ сохранилъ о всѣхъ тѣхъ, кто былъ добръ и привѣтливъ съ нимъ во дни его юности, такъ глубоко запечатлѣлись въ душѣ этого человѣка, что ни одинъ изъ этихъ людей не былъ забытъ имъ впослѣдствіи, не нашлось изъ нихъ ни одного такого, котораго бы онъ не одарилъ, не обезпечилъ, не осчастливилъ на всю жизнь, какъ нѣтъ ни одного изъ этихъ друзей его молодости, о которомъ бы онъ забылъ упомянуть въ своихъ замѣткахъ и разсказахъ, писанныхъ имъ за время плѣна. Женщины въ особенности пользуются его благодарнымъ вниманіемъ, и даже тѣмъ изъ нихъ, къ которымъ Наполеонъ имѣлъ основаніе относиться почему либо враждебно, достаточно было обойтись съ нимъ сердечно и ласково для того, чтобы все прошлое тотчасъ

же было прощено и забыто. Такъ напр. M-lle de Lauberie de Saint-Germin, на которой Наполеонъ серьезно мечталъ когда-то жениться, предпочла ему своего кузена г-на Башассона-де-Монталивэ, уроженца ея родной Валенсіи; это обстоятельство, однако, вовсе не заставило Наполеона прекратить сношенія съ вѣроломной героиней его романа и со своимъ счастливымъ соперникомъ. Наполеонъ, напротивъ, не мститъ ему за это и нисколько не сердится на нее; мало того: онъ самъ выдвигаетъ г-на Монталивэ, помогаетъ ему сдѣлать карьеру и составить состояніе, давая ему послѣдовательно такія должности, какъ префекта Ла-Манша и департамента Сены и Уазы, директора мостовъ и шоссейныхъ дорогъ, портфель министра внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, титулъ и постъ Имперскаго Графа съ окладомъ жалованья въ 80,000 франковъ. Что же касается г-жи де Монталивэ, передъ добродѣтелями которой Наполеонъ, по его собственнымъ словамъ, благоговѣлъ и преклонялся, и о красотѣ которой говорилъ съ такимъ искреннимъ восхищеніемъ, то въ 1806 году онъ сдѣлалъ ее фрейлиной императрицы, при чемъ она же поставила ему свои условія, высказавъ ихъ такимъ образомъ: «Ваше Величество, сказала она, вы знаете мои убѣжденія относительно назначенія женщины въ этомъ «мірѣ», и потому поймете, что та высокая милость, которой здѣсь всѣ домогаются и которою вы желаете почтить меня, сдѣлаетъ меня несчастной, если ради нея мнѣ придется отказывать мужу въ моихъ попеченіяхъ въ тѣ дни, когда онъ страдаетъ подагрою или перестать кормить грудью моихъ дѣтей, если Провидѣніе пошлетъ ихъ мнѣ». При этихъ словахъ Императоръ немного нахмурился,—но и то на мгновенье, и тотчасъ же затѣмъ привѣтливо улыбнулся смѣлой молодой женщинѣ.

— А, добродушно возразилъ онъ съ легкимъ поклономъ, вы ставите мнѣ условія, г-жа Монталивэ! Я не привыкъ къ этому—но, что дѣлать?—я подчиняюсь имъ. Вы будете фрейлиной и все устроится такъ, что вы останетесь супругой и матерью въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете то и другое.

Г-жа Монталивэ и впослѣдствіи не выдвинулась ничѣмъ, не оказала никакихъ особыхъ услугъ Наполеону, но это не мѣшало ему окружать ее знаками особаго вниманія и почтенія. Онъ любилъ всю эту семью и за то, говаривалъ онъ, «что она прямодушно до суровости и состоитъ изъ людей способныхъ на подвиги глубочайшей преданности. Въ ихъ привязанность я вѣрю безгранично».

Вотъ какого рода отрадныя воспоминанія всю жизнь хранилъ Наполеонъ въ своемъ признательномъ сердцѣ, и молодыя дѣвушки, героини этихъ воспоминаній, по справедливо-

сти могутъ ими гордиться. Но—этимъ и исчерпываются всѣ отношенія между Наполеономъ и женщинами Валенсіи, что мы и можемъ утверждать смѣло, такъ какъ Наполеонъ всегда аккуратно и подробно велъ свои записки, а въ запискахъ, относящихся къ этому времени, не упоминается ни о чемъ другомъ. Яркимъ доказательствомъ того, что любовь къ отечеству стояла для Наполеона уже и тогда на первомъ планѣ, тогда какъ простой любви онъ уже отводилъ второстепенное мѣсто въ своей жизни и что поэтому обѣ страсти, къ славѣ и женщинамъ, совмѣщались въ немъ, нѣсколько не враждуя между собой и не вытѣсняя другъ друга,—служитъ его знаменитая фраза, помѣщенная въ его мемуарахъ за это время: «Если бы мнѣ пришлось, говоритъ онъ, провести параллель между вѣками процвѣтанія Рима и Спарты и духомъ нашего времени, я сказалъ бы: тамъ царила любовь къ отечеству; здѣсь царитъ просто любовь». Если судить по тѣмъ противуположнымъ другъ другу вліяніямъ, какія имѣютъ эти два рода любви на духъ народовъ, то слѣдуетъ признать ихъ безусловно несовмѣстимыми одна съ другою. Несомнѣнно одно: народъ, въ жизни котораго любовныя похожденія занимаютъ первое мѣсто, теряетъ даже способность поддерживать въ себѣ ту дозу энергіи, которую еще можетъ возбудить въ немъ патріотическое чувство. Вотъ до этой-то точки и дошло въ настоящее время современное общество». Можно сказать почти съ увѣренностью, что та куртизанка изъ Palais Royal'я была его первой любовницей, и даже въ этомъ приключеніи не смотря на всю его вульгарность, высказались нѣкоторыя характерныя особенности натуры Наполеона, какъ то: его отвращеніе къ продажнымъ женщинамъ, рѣзкость опредѣленій и выводовъ, та манера вести разговоръ отрывисто и въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которой онъ придерживался, въ теченіи всей своей жизни, наконецъ его удивительная память, о которой свидѣтельствуетъ записанный имъ чуть ли не слово въ слово разговоръ его съ этой дѣвушкой, всѣ особенности ея рѣчи и ея восклицанія, отзывающіяся бретонскимъ нарѣчіемъ.

Кажется, онъ никогда не видалъ ее болѣе.

Правда въ его бумагахъ мы находимъ изложеніе цѣлой длинной диссертаціи на тему о патріотизмѣ, написанной для какой-то неизвѣстной дѣвушки, но врядъ ли это былъ подходящій предметъ для разговора съ ночной посѣтительницей галлерей, а поэтому едва ли онъ ей и предназначался.

Проживъ на этотъ разъ въ Парижѣ съ октября до декабря 1787 года, Наполеонъ вновь выѣхалъ въ Корсику, куда и прибылъ 1-го января 1788 г. Здѣсь онъ пробылъ съ полгода и

и уже 1-го іюня того же года поступилъ въ Оксоннскій полкъ. За все время пребыванія его въ означенномъ полку также нѣтъ слѣда ни одного романическаго приключенія. Однако въ Серрѣ, куда онъ былъ посланъ съ отрядомъ въ началѣ 1789 года, ему уже приписываютъ близкія сношенія съ г-жей Л., урожденной Н., женой крупнаго торговца, съ г-жей Ж., фермершей, къ которой онъ часто ходилъ пить молоко и наконецъ съ дочерью своихъ квартирныхъ хозяевъ. Этого черезчуръ ужъ много для какихъ-нибудь 25 дней тѣмъ болѣе, что его тетради за это время свидѣтельствуютъ объ усидчивой и серьезной работѣ; тѣмъ не менѣе, когда 6-го апрѣля 1805 года, Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Серръ по дорогѣ въ Миланъ, утверждаютъ, что г-нъ Тіаръ, бывшій въ то время при немъ камергеромъ; представилъ ему эту «хозяйскую дочь», которая получила отъ него стипендію въ одно изъ казенныхъ училищъ для ея «двѣнадцатилѣтняго сына».

Возрастъ мальчика исключаетъ всякую возможность предположить, что Наполеонъ считалъ себя отцомъ этого ребенка. Если бы это было такъ, то, разумѣется, онъ далъ бы ему больше чѣмъ школьную стипендію, не дожидаясь чьихъ-либо напоминаній и просьбъ.

Далѣе ни за время его пребыванія въ Корсикѣ, гдѣ онъ провелъ весь 1790 годъ, ни въ Оксоннѣ и Валенсіи, ни во вторичный пріѣздъ его въ Корсику, ни, наконецъ, въ Парижѣ, въ серединѣ 1792 г., у Наполеона совсѣмъ не было любовныхъ похожденій, не было у него ихъ и въ эпоху его первой компаніи противъ федералистовъ, ни даже въ Тулонѣ. Итакъ, пропустимъ четыре года.

Изъ лейтенанта Наполеонъ сдѣлался уже бригаднымъ генераломъ и командуетъ артиллеріей итальянской арміи. Въ эту-то армію пріѣзжаетъ командированный отъ Конвента гражданинъ Луи Тюрро, прозванный Тюрро Линьерскимъ, бывшій однимъ изъ вліятельныхъ членовъ конвента; его сопровождаетъ молоденькая жена, съ которой онъ только что повѣнчался, Фелисита Готье, дочь хирурга изъ Версаля. Она пріѣхала въ Кіаро, въ Пьемонтѣ, гдѣ въ то время находился Бонапартъ, по всей вѣроятности, 21 сентября 1794 г. Бонапартъ съумѣлъ понравиться представителю Конвента, но еще больше понравился его женѣ. Она въ свою очередь стоитъ того, чтобы на нее обращали вниманіе. Симпатичное личико, мягкій пріятный голосъ, густыя бѣлокурыя косы, живой нѣсколько даже филосовскій умъ, сильно развитое патріотическое чувство—всего этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы нравится. И вотъ между нею и Бонапартомъ возникаютъ отношенія, которыхъ, если и

нельзя назвать «связью», такъ какъ г-жа Тюрро отличалась крайнимъ непостоянствомъ и легкомысліемъ, но и нельзя отнести къ разряду случайныхъ, мимолетныхъ интригъ, такъ какъ воспоминанія мужа и жены о талантахъ молодаго офицера таковы, что когда во время 13-го Вендемьера Конвентъ находится въ опасности, самъ Тюрро наравнѣ съ Барра предлагаетъ довѣрить Бонапарту начальство надъ войсками и вмѣстѣ съ корсиканскими депутатами готовъ поручиться за него.

Бонапартъ не забываетъ этой услуги. Сдѣлавшись главнокомандующимъ Итальянской арміи, онъ назначаетъ Тюрро смотрителемъ магазина, но Тюрро и тутъ беретъ съ собой жену, которая за неимѣніемъ генераловъ, завязываетъ интриги съ кѣмъ попало. Отсюда между супругами возникаютъ безконечныя стычки и сцены; слѣдствіемъ всѣхъ этихъ передрягъ и была, какъ предполагаютъ, ранняя смерть г-на Тюрро, который, говорятъ, умеръ просто съ горя. Вдова бѣдняги возвращается снова въ Версаль, гдѣ первое время Имперіи сильно нуждается и, не смотря на всѣ свои стремленья попасть ко двору, не находитъ никого, кто оказалъ бы ей въ этомъ содѣйствіе. Наконецъ, какъ-то разъ на охотѣ, Наполеонъ произнесъ ея имя, въ присутствіи нѣкоего Бертье, уроженца Версаля, знавшаго м-мъ Тюрро еще съ дѣтства, и этотъ Бертье поспѣшилъ представить ее ко двору Наполена. Императоръ сдѣлалъ для нея все, чего она добивалась и не только осуществилъ всѣ ея мечты, но осыпалъ такими милостями, какія ей и во снѣ, вѣроятно, не снились. Такимъ образомъ всѣ любовныя похожденія Наполеона, во дни его молодости, сводятся или къ простому флирту, не имѣвшему никакихъ серьезныхъ послѣдствій, или же къ самымъ банальнымъ приключеніямъ. Помимо г-жи Тюрро, эпизодъ съ которой можетъ по справедливости считаться своего рода благополучіемъ, всѣ прочія женщины очень мало думали объ этомъ маленькомъ офицерикѣ, тщедушномъ, худомъ и всегда дурно одѣтомъ. Да и самъ онъ вовсе не заботился о своей наружности, весь поглащенный мечтами о карьерѣ, помышляя только о томъ, какъ бы скорѣе и рѣзче выдвинуться впередъ. Существовала, однако, еще болѣе важная причина его воздержанія: дѣло въ томъ, что онъ былъ бѣденъ, и, какъ всѣ бѣдные люди, мечталъ жениться, чтобы вести вполнѣ нормальную половую жизнь.

II.

МАТРИМОНІАЛЬНЫЕ ПРОЭКТЫ.

Во время своего пребыванія въ Марсели, въ домѣ жены своего старшаго брата, гжи Жовефъ, Наполеонъ принялся шутя «играть въ мужа и жену» съ хорошенькой, совсѣмъ молоденькой, едва шестнадцатилѣтней дѣвушкой, сестрой своей невѣстки, по имени Дезире-Евгенія-Клари. Малютка однако приняла въ серьезъ эту невинную забаву. Очень скоро прекратились ея ребяческія выходки и неудержимая пламенная страсть сокрушительнымъ ураганомъ ворвалась въ ея юную душу. «О, другъ мой, писала она Наполеону, береги себя, если дорожишь жизнью твоей Евгеніи, такъ какъ я не переживу тебя. Будь вѣренъ той клятвѣ, которую ты мнѣ далъ, какъ я вѣрна той, которую дала тебѣ.» Въ этихъ письмахъ, полныхъ задушевной и безыскуственной нѣжности, молодая дѣвушка называетъ себя и подписывается именемъ Евгеніи, и это имя она даетъ себѣ только при Наполеонѣ и въ письмахъ къ нему; въ семьѣ ее звали, какъ обыкновенно принято, ея первымъ именемъ Дезире. Только нѣжная любовь дѣвушки могла подсказать ей это желаніе имѣть лишь для любимаго человѣка такое имя, какимъ никто кромѣ него не называлъ бы ее. Эти письма Дезире нашлись шестьдесятъ пять лѣтъ спустя въ бумагахъ той, которая писала ихъ и бережно сохраняла потомъ, какъ святыню. Письма эти представляютъ собою трогательный образчикъ той эпохи, къ которой они относятся, того тяжкаго, времени когда послѣ цѣлаго ряда томительныхъ дней, проведенныхъ сплошь среди бѣдствій и смерти, душа женщины, пораженная и измученная кровавыми зрѣлищами, въ неудержимомъ порывѣ, похожемъ на религіозный экстазъ, рвалась къ любви и жизни, и не безъ основанія, ибо любовь и жизнь однѣ устояли на развалинахъ тогдашняго интеллигентнаго общества.

Дезире и Наполеонъ познакомились въ Январѣ 1795 года; Оффиціальное предложеніе, если только оно было такимъ, Наполеонъ сдѣлалъ только 21 Апрѣля, остановившись въ Марселѣ проѣздомъ въ Парижъ. Жозефъ Бонапартъ и жена его Юлія, урожденная Клари, не мало способствовали этому сватовству. Они оба заранѣе составили планъ сближенія молодыхъ людей и въ видахъ заключенія между ними брачнаго союза все было устроено такъ, что со стороны семейства Клари не предполагалось никакихъ затрудненій или препятствій.

Отецъ Дезире, часто говаривавшій, что ему «и одного Бонапарта въ семьѣ за глаза достаточно»—въ то время уже умеръ; такимъ образомъ участь молодой дѣвушки зависѣла только отъ матери и брата, а при ея характерѣ пожалуй вѣрнѣе было бы сказать, что Дезире зависѣла только отъ себя самой. Возрастъ невѣсты также не могъ служить препятствіемъ къ предполагаемому браку, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху рѣдкая дѣвушка выходила замужъ позже 18 лѣтъ, а новое постановленіе перваго гражданскаго Уложенія гласило, что женскій брачный возрастъ начинается уже съ 13-ти лѣтъ.

Что же касается состоянія и общественнаго положенія жениха, то если Юлія могла довольствоваться старшимъ братомъ, не имѣющимъ рѣшительно никакого общественнаго положенія и состоянія, то почему же Дезире не взять меньшаго и не сдѣлаться женою бригаднаго генерала? Бонапартъ, пріѣхавъ въ Парижъ въ Маѣ мѣсяцѣ, чувствуетъ себя крайне плохо безъ друзей и безъ денегъ и потому хватается за эту женитьбу, какъ за единственный исходъ изъ его тяжелаго положенія: вѣдь если и она ускользнетъ отъ него, то ему ничего не остается дѣлать, какъ только поступить на турецкую службу или еще того хуже, по примѣру многихъ другихъ, пользуясь своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, пуститься на спекуляціи національными доходами. Даже и тогда, когда его положеніе понемногу начинаетъ улучшаться съ назначеніемъ его отъ Комитета Народнаго Здравія для вырабатыванія плана кампаніи, онъ понимаетъ, какъ шатко и недолговѣчно это случайно свалившееся откуда-то мѣсто. Одна Дезире можетъ нывести его изъ настоящаго невыносимаго положенія и потому Бонапартъ торопитъ брата поскорѣе узнать отвѣтъ молодой дѣвушки. Въ каждомъ письмѣ его адресованномъ Жозефу есть нѣсколько словъ о Дезире. Она въ свою очередь въ перепискѣ съ Наполеономъ и проситъ прислать ей его портретъ; Наполеонъ, конечно, исполняетъ ея желаніе. Когда Дезире уѣзжаетъ въ Геную съ братомъ и сестрою и долго не даетъ ему извѣстій о себѣ, онъ пишетъ ей: «Неужели дорога въ Геную идетъ черезъ рѣку забвенья—Лету». Далѣе онъ называетъ ее «воплощеннымъ молчаніемъ» и нѣжно упрекаетъ въ томъ, что она такъ долго не пишетъ ему. Мало того—вдругъ охваченный какой-то особой горячкой нетерпѣнія, онъ начинаетъ настаивать на немедленномъ и окончательномъ отвѣтѣ, и съ этой цѣлью поручаетъ Жозефу переговорить съ братомъ Евгеніи. «Извѣсти меня о результатѣ и дѣло съ концомъ» говоритъ онъ. И уже на другой день, не дождавшись еще отвѣта Жозефа, онъ пишетъ: «надо же, наконецъ, окончить это дѣло такъ или иначе. Я съ нетерпѣньемъ жду отвѣта»... Но... проходитъ мѣсяцъ и этого нетерпѣнья

какъ не бывало. Остаются только воспоминанія. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ этого огромнаго блестящаго Парижа бѣдная Евгенія, не красавица въ прямомъ смыслѣ слова, нашла опаснаго и могучаго соперника; между Наполеономъ и этой миловидной уроженкой Марселя съ ея правильно очерченными, черными, какъ уголь бровями, большими, серьезными и кроткими глаазми, слегка вздернутымъ носикомъ и приподнятыми вверхъ уголками маленькихъ розовыхъ губъ, между этой скромной и чистой дѣвушкой и Наполеономъ всталъ вдругъ во всей своей грубой, но ослѣпительной яркости, огромный и шумный Парижъ, тотъ Парижъ, о которомъ Наполеонъ еще не имѣлъ понятія: полуголодная пестрая толпа въ растоптанныхъ сапогахъ и изношенныхъ засаленныхъ мундирахъ съ одной стороны, и парижскія женщины съ другой. И какія женщины: полныя граціи, элегантности, изящества, существа при видѣ которыхъ глаза загораются блескомъ, существа, туалеты которыхъ облегаютъ ихъ полныя округлыя формы, смѣло выставляя на показъ-то, чѣмъ можно любоваться, чего можно желать и искусно скрывая или смягчая-то, что некрасиво, что слѣдуетъ прятать: существа, созданныя для веселья и удовольствій, жрицы наслажденья пропитанныя ароматомъ утонченностей, избалованныя, изнѣженныя свѣтскія женщины, похожія на тепличные фрукты пышно и роскошно созрѣвшіе несмотря на отсутствіе свѣжаго воздуха и ласки, солнечныхъ лучей, уложенныя въ элегантныя корзинки и заботливо выставленныя купцомъ на зеркальныя окна въ разсчетѣ на то, чтобы привлечь жадные взоры посѣтителей ихъ обманчивой свѣжестью и яркой окраской, благодаря которымъ эти чахлыя питомки спертой тепличной атмосферы кажутся на видъ аппетитнѣе и вкуснѣе первыхъ плодовъ съ деревьевъ растущихъ на волѣ, даромъ, что тѣхъ подрумянило лѣтнее солнышко и вѣтеръ игралъ ихъ нѣжнымъ пушкомъ, даромъ, что ихъ здоровая сочность и нѣсколько терпкій вкусъ благотворно дѣйствуютъ на желудокъ и пріятно освѣжаютъ ротъ.

«Здѣсь и только здѣсь, пишетъ Бонапартъ, женщины достойны быть повелительницами. Всякой женщинѣ необходимо провести 5—6 мѣсяцевъ въ Парижѣ для того, чтобы узнать чего она стоитъ и въ чемъ заключается ея могущество. ея царство»,—а черезъ нѣсколько дней прибавляетъ:—«да, такія чудныя женщины, какъ здѣшнія—великое дѣло. Съ ними, дѣйствительно, стоитъ считаться».

Разумѣется хороши парижскія женщины, хороши несравненно! Какъ не потерять голову отъ этихъ тридцати, тридцати пяти и даже сорокалѣтнихъ сиренъ, въ совершенствѣ изучившихъ искусство нравиться и уже гораздо болѣе способныхъ

увлекать, чѣмъ увлекаться, и вотъ Наполеонъ, не будучи въ состояніи предложить этимъ женщинамъ ничего кромѣ себя самого дѣлаетъ предложеніе, какъ говорятъ, г-жѣ Пермонъ, г-жѣ Бушарди, а позже г-жѣ Леспода, и даже г-жѣ Монтазье, какъ утверждаетъ Барра, если, конечно, свидѣтельство такого человѣка можетъ быть принято во вниманіе; въ концѣ же концовъ его ловитъ знаменитая Жозефина Богарне. Что касается Дезире, то абсолютнымъ молчаніемъ отвѣчаетъ ей Наполеонъ на ея тихую, нѣжную трогательную жалобу, которая звучитъ въ ушахъ, какъ пѣвучіе стоны разбиваемой арфы: «Вы, пишетъ она, сдѣлали меня несчастной на всю мою жизнь, а я же такъ слаба, что все вамъ прощаю. Итакъ—вы женаты. И ваша бѣдная Евгенія не смѣетъ, не должна уже болѣе ни любить васъ, ни думать о васъ... Послѣднее утѣшеніе осталось мнѣ въ сознаньи, что вы вѣрите моей неизмѣнной любви, а я ничего, ничего не желаю болѣе, кромѣ смерти».

«Жизнь,—говоритъ она далѣе,—стала для меня ужасной пыткой съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я не могу болѣе посвятить ее вамъ... Вы женаты. Я не могу привыкнуть къ этой мысли, она убиваетъ меня, я не переживу этого. Я докажу вамъ, что я умѣю держать свое слово, и хотя вы порвали узы, которыя связывали насъ, я никогда не буду принадлежать другому, никогда не выйду замужъ. Я желаю вамъ, чтобы избранная вами женщина сдѣлала васъ такимъ же счастливымъ, какимъ я мечтала васъ сдѣлать, и какъ вы того заслуживаете, но среди вашего счастья, прошу васъ, не забудьте свою Евгенію и пожалѣйте ее».

Для Бонапарта, неспособнаго забыть, чтобы-то ни было, воспоминаніе о бѣдной дѣвушкѣ, любившей его такой беззавѣтной и такъ легкомысленно попранной имъ любовью,—навсегда осталось горькимъ упрекомъ: всю свою жизнь онъ, казалось неусыпно заботился о томъ, чтобы заслужить ея прощеніе и загладить свою вину передъ этимъ ребенкомъ, сердце котораго онъ безжалостно разбилъ, увлекшись тщеславной мечтой о бракѣ съ блестящей свѣтской женщиной. Уже съ 1797 года въ Миланѣ онъ заботится о подысканіи подходящей партіи для бѣдной Дезире, находившейся въ то время въ Римѣ съ сестрой и Жозефомъ Бонапартомъ, назначеннымъ посломъ къ Папѣ Пію VI и съ этой цѣлью посылаетъ къ брату генерала Дюфо, о которомъ въ очень задушевныхъ выраженіяхъ, отзывается какъ о: «славномъ маломъ и безукоризненномъ офицерѣ, союзъ Дезире съ которымъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ не только желательнымъ, но и блестящимъ». Пріѣзжаетъ Дюфо и успѣваетъ понравиться; обрученіе вскорѣ должно состояться, но тутъ происходитъ ужасная драма 28 декабря и

алая кровь несчастнаго жениха обагряетъ бѣлоснѣжный нарядъ невѣсты.

Наконецъ послѣ нѣсколькихъ другихъ предложеній, которыя Дезире упорно отклоняетъ, рѣшается она выйти за генерала Бернадота; партія, разумѣется, завидная, но далеко не во вкусѣ Наполеона; и не мудрено. Бернадоттъ заядлый, нетерпимый, піонерствующій якобинецъ, бывшій школьный учитель, Беарнецъ по происхожденію, не обладающій ни живостью ни изяществомъ, ни мягкостью манеръ, ни утонченной любезностью уроженцевъ Гасконіи, но хитрый, разсчетливый, тонкій дипломатъ въ душѣ, вездѣ ведущій двойную игру, признающій м-мъ Сталь первою женщиною міра, только въ силу ея колоссальнаго педантизма, и развлекающій свою молоденькую жену утомительными диктантами въ продолженіи всего медоваго мѣсяца.

Наполеонъ получаетъ извѣстіе о бракѣ Дезире въ Каирѣ, гдѣ онъ въ то время находится и не смотря на то, что этотъ союзъ ея съ его заклятымъ врагомъ Бернадоттомъ далеко ему не по вкусу, онъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ поздравляетъ новобрачную, желая ей всякаго счастья—«такого счастья какого она заслуживаетъ», говоритъ онъ.

По возвращеніи его изъ Египта одна изъ первыхъ просьбъ обращенныхъ къ нему, была просьба Дезире. Она желаетъ чтобы Бонапартъ былъ крестнымъ отцомъ ея новорожденнаго сына, сына Бернадотта, его заклятаго врага, ребенка, самое появленіе котораго на свѣтъ идетъ въ разрѣзъ съ желаніями Наполеона. Но мысль объ искупленіи своего проступка передъ Дезире овладѣваетъ имъ въ такой степени, что несмотря на открытую непріязнь Дезире къ «старухѣ», какъ называетъ она Жозефину, Наполеонъ, скрѣпя сердце, соглашается исполнить просьбу г-жи Бернадоттъ и дѣлается воспріемникомъ ея первенца, которому самъ даетъ имя Оскара.

«Если впослѣдствіи Бернадоттъ сдѣлался маршаломъ Франціи, принцемъ Понтекарвскимъ и Шведскимъ королемъ наконецъ, то всему этому онъ обязанъ только своей женитьбѣ», говоритъ Наполеонъ, и прибавляетъ далѣе: «его продѣлки въ эпоху Имперіи сходили ему съ рукъ по той же причинѣ». И какія еще продѣлки. Съ первыхъ же дней консульства Бернадоттъ произноситъ свою оппозиціонную рѣчь; тѣмъ не менѣе на другой же день его призываютъ засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, затѣмъ назначаютъ главнокомандующимъ Западной арміи. И тутъ Бернадоттъ не только не унимается, но даже составляетъ заговоръ противъ перваго консула и намѣревается поднять на него ввѣренную ему армію. И что же? Чѣмъ онъ наказанъ?—Ничѣмъ. Бонапартъ, чтобы

удалить его отъ себя, намѣревается только послать въ качествѣ полноправнаго министра въ Соединенные Штаты. Хитрый Бернадоттъ не отказывается ѣхать, артистически разыгрываетъ комедію полной покорности, но устраиваетъ такъ, что постройка и приготовленія назначеннаго для него фрегата оказываются буквально безконечными.

Годъ спустя возникаетъ дѣло Моро и если на этотъ разъ Бернадотту удалось опять какъ то вывернуться, то лишь потому что самъ Бонапартъ пожелалъ этого, помня о Дезире и постоянно заботясь о ней. Но и этого кажется мало великодушію Наполеона онъ дѣлаетъ больше: онъ скупаетъ у Моро всѣ его имѣнія, его земли въ Гробуа, его парижскій отель на улицѣ д'Анжу. И этотъ самый отель, стоившій ему 400,000 франковъ и эти самыя земли—все это даритъ тому же Бернадотту.

Затѣмъ—возникаетъ Имперія.

Для Евгеніи Императоръ дѣлаетъ Бернадотта Маршаломъ Имперіи, шефомъ 8-ой когорты Почетнаго Легіона, президентомъ Избирательной Коллегіи Воклюза, кавалеромъ ордена Чернаго Орла: для нея же онъ даетъ ему 300,000 фр. жалованья и 200,000 деньгами и наконецъ владѣтельное княжество Понтекорвское. Для нея же и только для нея онъ готовъ все простить и прощаетъ, прощаетъ безъ конца: и послѣ Ейерштата, и послѣ Варгама, и послѣ Вармерена, прощаетъ двѣ такія военныя «ошибки», которыя едва ли были только простыми «ошибками», ради жены прощаетъ мужу очевидное участіе его въ заговорѣ Таллейрана и Фуше, несмотря на то, что здѣсь Бернадоттъ уже попадается такъ сказать на мѣстѣ преступленія, при чемъ всѣ трое пускаютъ въ ходъ съ роялистами тѣ же некрасивыя средства, какія помогли имъ и впослѣдствіи въ 1814 году. Но и помимо великодушія по адресу мужа, Наполеонъ оказываетъ самой Евгеніи неусыпное, почти нѣжное, вниманіе, доброту и заботливость поистинѣ необъяснимыя, если не принимать въ разсчетъ руководившее имъ исключительное напряженное желаніе заслужить прощеніе у Дезире, загладить свою вину передъ нею. Когда узнавъ, что Бернадоттъ раненъ въ сраженіи при Шпонденѣ, Бонапартъ пишетъ ему письмо, и то видимо лишь для того, чтобы имѣть случай сказать: «я былъ очень радъ, узнавъ, что г-жа Бернадоттъ въ настоящее время находится при васъ», и прибавить затѣмъ: «передайте, пожалуйста, отъ меня тысячу привѣтствій вашей супругѣ и скажите ей, что хотя я и могъ бы пожурить ее за то, что она не нашла времени написать мнѣ нѣсколько строкъ о томъ, что дѣлается въ Парижѣ, но предпочитаю подождать и объясниться съ нею лично при первой же встрѣчѣ.» И ка-

кихъ услугъ, какихъ только милостей, какихъ только знаковъ вниманія онъ ни оказывалъ своей прежней невѣстѣ. Отложивъ одну изъ трехъ дорогихъ шубъ, присланныхъ ему Русскимъ Императоромъ послѣ Эрфуртскаго свиданія, онъ поднесъ ее Дезире. При каждомъ удобномъ случаѣ она получаетъ отъ него драгоцѣнные подарки въ видѣ севрскихъ вазъ и настоящихъ гобеленовъ, и онъ ни на минуту не забываетъ о ней, хотя она никогда не показывается при дворѣ и демонстративно ненавидитъ Жозефину и всѣхъ Богарне вообще. Наконецъ о комъ, какъ опять не о ней же думаетъ онъ, когда послѣ Вальмерена предполагаетъ послать Бернадотта въ Римъ съ цѣлой свитой для водворенія въ Квириналѣ въ качествѣ представителя Императорскаго Двора съ дарственной грамотой на три милліона, и тѣмъ приравнивая Бернадотта къ Боргезе,—своему представителю въ Туринѣ, своей сестрѣ Элизѣ,—занимающей такой-же постъ во Флоренціи, почти къ брату Евгенію, своему намѣстнику въ Миланѣ. Правда въ то время, когда послѣ отказа Евгенія Бонапарта, не желавшаго переходить въ протестанство и благодаря по меньшей мѣрѣ благосклонно-нейтральному отношенію самого Наполеона, Бернадоттъ былъ выбранъ и провозглашенъ наслѣднымъ принцемъ Швеціи, политика Императора казалась нѣкоторымъ очень неясной и сбивчивой, но это объясняется тѣмъ, что эти нѣкоторые не умѣли вникнуть въ сущность его побужденій, не принимали во вниманіе его сердечныя особенности: его просто обольщала перспектива видѣть королевскую корону на головѣ интересовавшей его женщины и сознавать себя крестнымъ отцомъ царственнаго ребенка. Онъ самолично составляетъ подробнѣйшій планъ церемоніала прощальнаго представленія Дезире своему двору передъ ея отъѣздомъ въ Швецію въ качествѣ наслѣдной принцессы и въ видѣ особой, неслыханной милости приглашаетъ ее на воскресный семейный обѣдъ. Къ довершенію всего онъ отчисляетъ Бернадотту милліонъ изъ собственныхъ средствъ, покупаетъ у него земли, которыми когда-то самъ одарилъ его, откупаетъ у него княжескія владѣнія въ Понтекарво и жалуетъ деньгами и титуломъ своего роднаго брата. Разумѣется, послѣ всего этого Наполеонъ имѣетъ полное право писать Евгеніи: «Вы давно уже должны были убѣдиться въ томъ участіи, которое я принимаю въ вашей семьѣ». «А между тѣмъ спустя 4 мѣсяца Бернадоттъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіей противъ Наполеона и менѣе чѣмъ черезъ годъ все указываетъ на близость окончательнаго разрыва между Франціей и Швеціей. Что касается Дезире, съ трудомъ согласившейся на непродолжительное путешествіе въ Стокгольмъ, то она вскорѣ поспѣшила снова вернуться въ свой отель на улицѣ д'Анжу. Я думала,

наивно заявляетъ она, что Швеція—это тоже что Понтекорво, просто такое мѣсто куда мы пріѣдемъ только принять титулъ и ничего болѣе».

По возвращеніи Дезире въ Парижъ, Наполеонъ съ безконечно деликатными предосторожностями пытается отослать Дезире обратно къ мужу въ виду обострившихся отношеній съ шведскимъ правительствомъ. Для этого онъ предписываетъ своему министру Иностранныхъ дѣлъ дать понять, какъ можно мягче шведскому министру его неудовольствіе и огорченіе по поводу того, что Наслѣдная Принцесса Шведская безъ разрѣшенія Императора снова вернулась во Францію, что это противъ правилъ, и наконецъ, что Императору больно видѣть, какъ Принцесса покидаетъ мужа въ такія минуты. Все это, однако, не смущаетъ Дезире и не мѣшаетъ ей преспокойно расположиться въ своемъ отелѣ по старому. Въ ноябрѣ передъ самымъ началомъ войны, Императоръ посылаетъ комбассереса къ испанской королевѣ (Юліи Клари) сказать, что онъ желаетъ, чтобы Принцесса покинула Парижъ и вернулась бы въ Швецію, и что ей неприлично оставаться во Франціи въ такое время. Но Дезире и это повидимому очень мало касается. Она опять-таки остается въ Парижѣ; продолжаетъ заказывать туалеты у Леруа, принимаетъ друзей, имѣетъ свой салонъ—словомъ ни на іоту не измѣняетъ своихъ привычекъ. Она ѣдетъ на воды съ сестрой, возвращается въ отейль, затѣмъ въ Парижъ и снова, какъ ни въ чемъ не бывало располагается въ отелѣ на улицѣ д'Анжу. Дезире осталась въ Парижѣ единственно изъ своего пристрастья къ городу, изъ любви къ сестрѣ, къ племянницамъ, къ свѣтскому обществу и образу жизни. Итакъ она все-таки осталась въ Парижѣ и въ 1814 году принимала тамъ на равнѣ съ другими аристократками Франціи Русскаго Императора Александра, и въ 1815 году въ теченіи знаменитыхъ ста дней, а 14-го іюня, наканунѣ битвы при Ватерлоо она заказывала себѣ у Леруа нанковую амазонку и перкалевый пеньюаръ отдѣланный настоящими валансьенскими кружевами.

Теперь Евгенія въ свою очередь забыла все.

III.

ЖОЗЕФИНА БОГАРНЕ.

Въ концѣ октября 1795 г. несчастный случай свелъ генерала Бонапарта съ виконтессой Богарне; это было въ то время, когда Наполеонъ вдругъ рѣзко выдвинулся и сразу выступилъ на свѣтъ изъ мрака неизвѣстности, его вчера еще

никому неизвѣстное имя, которое даже Барра не умѣлъ напи сать хорошенько, неожиданно прогремѣло на всю Францію послѣ перваго пушечнаго залпа разсѣявшаго враждебные отряды мятежниковъ конвенціи. Сдѣлавшись главнокомандующимъ Наполеонъ отдаетъ приказъ разоружить всѣхъ парижанъ; и вотъ въ это-то время къ нему является какой-то молоденькій мальчикъ, съ просьбой разрѣшить ему хранить при себѣ шпагу его отца. Бонапартъ заинтересовывается юношей и исполняетъ его просьбу, послѣ чего его благодарная мать дѣлаетъ визитъ Наполеону; эта мать оказывается вполнѣ свѣтской женщиной, виконтессой, вдовою бывшаго президента конституціи, придворнаго, главнокомандующаго Рейнской арміей. Этого болѣе, чѣмъ достаточно для Бонапарта. Титулъ, происхожденіе, воспитаніе, непринужденное благородство пріемовъ этой женщины, съ которымъ она благодаритъ его за оказанную сыну услугу—все это вмѣстѣ взятое поражаетъ Наполеона. И не мудрено: бѣдный 26-ти-лѣтній провинціалъ, едва покинувшій революціонные отряды и котораго еще ни одна настоящая элегантная женщина не удостоивала своимъ вниманіемъ, вдругъ очутился въ обществѣ одной изъ тѣхъ изящныхъ неприступныхъ обаятельныхъ волшебницъ, которыми онъ едва смѣлъ любоваться издали—гдѣ-нибудь въ театрѣ изъ креселъ партера. Прибавьте къ тому его положеніе, дающее ему возможность оказывать въ нѣкоторомъ родѣ покровительство этой блестящей аристократкѣ—и вы поймете, какое глубокое удовлетвореніе должна была почувствовать гордая душа Наполеона въ этой новой для него роли, такъ пріятно щекотавшей его самолюбіе.

Что касается Жозефины то женское чутье и опытность не замедлили подсказать ей съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Креолка по происхожденію, родомъ изъ Мартиники, Жозефина 16 лѣтъ вышла замужъ за виконта Богарне благодаря стараніемъ своей опытной тетушки, находившейся въ открытой связи съ отцомъ виконта маркизомъ Богарне. Въ 1779 году юная виконтесса поселилась въ Парижѣ и зажила безпокойной, даже мучительной жизнью; мужъ обманывалъ, игнорировалъ ее, и. наконецъ, совсѣмъ разошелся съ нею несмотря на то, что ее ни въ чемъ нельзя было упрекнуть; потянулись скучные однообразные дни, такъ какъ жизнь у тетки, которую нигдѣ не принимали по причинѣ ея двусмысленнаго положенія, закрыла ей доступъ не только ко Двору, но и вообще въ великосвѣтское общество. Разойдясь съ мужемъ она почувствовала себя гораздо свободнѣе и, какъ говорятъ, не замедлила этимъ воспользоваться Тогда пришлось уѣхать изъ Парижа—и долгое время Жозефина живетъ въ Мартиникѣ; вернувшись въ Па-

рижъ почти наканунѣ революціи, г-жа Богарне. однако, помирилась и снова сошлась съ своимъ мужемъ, который получивъ постъ президента конституціи и затѣмъ сдѣлавшись главнокомандующимъ Рейской арміи ввелъ и жену въ аристократическій кругъ. Это былъ единственный, пока счастливый періодъ ея тревожной жизни, когда ея салонъ начало посѣщать настоящее «общество», и когда она въ свою очередь, дѣйствительно, «вращалась въ свѣтѣ». Но... только два года длилось это блаженство. А тамъ настало время террора, генералъ Богарне палъ жертвой гильотины, да и сама Жозефина пробывъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, только какимъ-то чудомъ избѣжала участи мужа. Когда она вышла, наконецъ, изъ тюрьмы въ Кармахъ, ей было уже за тридцать лѣтъ, а осталась она безъ всякихъ средствъ къ существованію съ двумя дѣтьми на рукахъ; теперь вопросъ, что ей дѣлать? Чѣмъ жить? Благодаря нѣсколькимъ аристократическимъ знакомствамъ, которыя она завязала въ тюрьмѣ, ей удалось-таки попасть въ такъ называемый высшій свѣтъ... Собственные, оставшіеся отъ общаго крушенія гроши, займы, которые она ухитряется дѣлать вездѣ, гдѣ только было возможно позволяютъ ей жить болѣе или менѣе прилично и кое-какъ держаться въ свѣтѣ. Она передаетъ свою прежнюю квартиру на Университетской улицѣ, а сама нанимаетъ за 4,000 ливровъ въ годъ небольшую квартирку на улицѣ Шанщеренъ, гдѣ и водворяетст въ октябрѣ 1794 г.

И что же? Проходитъ годъ, долги растутъ съ ужасающей быстротой, а въ виду нѣтъ еще ничего опредѣленнаго. Разумѣется при ея чудовищной безпечности истой креолки, ей и въ голову не приходитъ заняться расчетами или подвести итоги. Она продолжаетъ надѣяться на какое-нибудь чудо, которое по ея мнѣнію должно выручить ее изъ всѣхъ бѣдъ и затрудненій, и нѣтъ сомнѣнья, что это предполагаемое «чудо» представляется ей чѣмъ-то въ родѣ того, которое когда-то обрѣла себѣ ея ловкая тетушка въ лицѣ стараго маркиза Богарна. Съ такими мыслями Жозефина посѣщаетъ всѣ увеселительныя мѣста, бываетъ всюду, гдѣ развлекается тогдашній «большой свѣтъ»: на гуляньяхъ, въ садахъ, гдѣ за какіе-нибудь двадцать сольдовъ можно и поболтать и отъ души повеселиться; въ этой лихорадочной погонѣ за «чудомъ» Жозефинѣ удается пріобрѣсти нѣсколько новыхъ знакомствъ, съ помощью которыхъ она добивается возвращенья ей ничтожной части конфискованной земельной собственности мужа, но тотчасъ же и проживаетъ эти «жалкія крохи». Итакъ, она въ концѣ-концовъ остается буквально ни съ чѣмъ—у нея нѣтъ ни капитала, ни опредѣленныхъ доходовъ, такъ какъ несмотря на то,

что родители при ея замужествѣ выдѣлили на ея долю 100,000 франковъ, при чемъ обязались выплачивать по 5% съ упомянутаго капитала, вскорѣ все это прошло прахомъ: умеръ отецъ, мать терпѣла нужду, осажденный англичанами родной островъ выносилъ всѣ бѣдствія блокады. Правда она получила отъ своей тетки г-жи Реноденъ какой-то голый клочекъ земли, но и тотъ давно былъ уже проданъ, а престижъ въ глазахъ кредиторовъ подорванъ. Кромѣ того вѣдь одной голой землей не проживешь. Правда тетка помогала немного, кое у кого еще можно бы занять, есть и любезные банкиры, соглашающіеся учитывать ей векселя ея должниковъ съ Мартиники, и даже совѣтующіе ѣхать ихъ учитывать въ Гамбургъ, говоря, что тамъ за нихъ гораздо дороже дадутъ. Но какъ бы то ни было,—кредитъ истощается, а лѣта прибавляются. Что придумать? Что предпринять?..

И вотъ какъ разъ въ такой-то моментъ тягостнаго раздумья, генералъ Бонапартъ, явившійся отдать свой визитъ виконтессѣ Богарне, звонитъ у параднаго подъѣзда отеля улицы Шантеренъ. Онъ и не подозрѣваетъ, что отель принадлежитъ гражданкѣ Юліи Тальма, получившей его отъ одного изъ своихъ щедрыхъ поклонниковъ въ уплату за продажныя ласки, что этотъ отель вмѣстѣ съ ничтожнымъ принадлежащимъ въ нему клочкомъ земли, въ 120 метровъ, стоящій чуть ли не на краю города и еще до сихъ поръ утопающій въ садахъ и окруженный глухими улицами, вродѣ Сенъ-Лязаръ, весь-то цѣликомъ стоитъ никакъ ужъ не больше 50,000 франковъ.

Итакъ—Наполеонъ звонитъ. Ему отворяетъ привратникъ (при домѣ, какъ видите, все-таки имѣется привратникъ) и вводитъ генерала въ длинный и узкій дворикъ, сильно смахивающій на корридоръ, вдоль котораго прежде всего тянется конюшня;—въ ней двѣ лошади черной масти довольно почтеннаго возраста, затѣмъ слѣдуетъ коровникъ, снабженный всего только одной рыжей коровой и далѣе каретный сарай, вмѣщающій въ себѣ единственную убогую коляску. Корридорообразный дворикъ расширяется и переходитъ въ садъ, въ самомъ центрѣ котораго въ видѣ павильона и возвышается одноэтажный флигель, съ низкимъ мезониномъ наверху и кухней въ подвальномъ этажѣ. Поднявшись на крыльцо по четыремъ низкимъ ступенькамъ, окруженнымъ съ обѣихъ сторонъ небольшой какъ бы террасой, украшенной простенькой балюстрадой, Бонапартъ входитъ въ переднюю, незатѣйливое убранство которой состоитъ изъ бассейна простой мѣди и двухъ шкафовъ, изъ которыхъ одинъ пониже дубовый, а другой и вовсе изъ простой сосны. Мажордомъ Гонтье вводитъ генерала въ небольшую гостиную (она же и столовая), гдѣ гость можетъ

наконецъ присѣсть на одномъ изъ четырехъ стульевъ, обтянутыхъ тканью изъ конскаго волоса и разставленныхъ вокругъ большаго круглаго стола краснаго дерева; всего только нѣсколько гравюръ въ черныхъ съ золотомъ рамахъ скромно украшаютъ стѣны гостиной. Разумѣется, все это болѣе чѣмъ не роскошно, за то брошенные тамъ и сямъ изящные столики и этажерки изъ краснаго или желтаго гваделупскаго дерева съ мраморными досками и вызолоченными желѣзными украшеньями говорятъ о прежней утонченной роскоши; въ зеркальныхъ шкафахъ, вдѣланныхъ въ стѣны—блестящій самоваръ, красивыя вазы и цѣлая серія столовыхъ сервизовъ накладнаго серебра изящной англійской работы довольно удачно замѣняютъ настоящее серебро, котораго вовсе почти не имѣется въ домѣ, если не считать какихъ-нибудь 14 столовыхъ ложекъ, 15 вилокъ, одной суповой ложки и шести для рагу, да одиннадцати ложечекъ для кофе.

Но во всемъ этомъ Наполеонъ—чистѣйшей профанъ и рѣшительно ничего не знаетъ и не видитъ.

Жозефина, разряженная и тщательно причесанная своей камеристкой гражданкой Луизой Компуанъ, поспѣшно выбѣгаетъ изъ внутреннихъ покоевъ и направляется въ гостиную единственную комнату, гдѣ ей удобно принять молодаго генерала, котораго ей какъ нельзя болѣе кстати посылаетъ счастливый случай. Кромѣ этой гостиной ей негдѣ принять его, такъ какъ вся квартира помимо нея заключается всего-то на-всего въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ первую полукруглой формы, она обратила въ уборную; а вторая смежная съ нею служитъ спальной. Спальня правда очень мила и уютна, но очень просто обставлена незатѣйливой мебелью, обитой голубой пеньковой матеріей съ пестрой каймой желтаго и краснаго цвѣта, совершенно гладкой кушеткой о двухъ спинкахъ, миніатюрными стульями и этажерками краснаго и желтаго Гваделупскаго дерева и ничѣмъ не украшенная кромѣ великолѣпной арфы работы Рено и миніатюрнаго мраморнаго бюста Сократа. Что же касается уборной—то, за исключеніемъ Вернардовскаго фортепіано въ ней нѣтъ почти ничего, кромѣ зеркалъ; обиліе ихъ въ этой комнатѣ поистинѣ изумительно: зеркало на большомъ туалетномъ столѣ, зеркало на комодѣ краснаго дерева, на ночномъ столикѣ тоже зеркало, и наконецъ надъ каминомъ—трюмо изъ двухъ небольшихъ зеркалъ. Какъ! неужели же это вся обстановка такой элегантной женщины! задаешь себѣ невольный вопросъ...—вся, представьте себѣ,—вся на лицо. А ѣстъ она, эта сирена, на простыхъ бѣлыхъ

фаянсовыхъ тарелкахъ, исключая только особо-торжественныхъ случаевъ, когда на сцену появляется единственная дюжина бѣлыхъ фарфоровыхъ тарелокъ съ голубымъ рисункомъ, а столовое бѣлье состоитъ всего на всего изъ 8 скатертей изъ которыхъ 4 дырявыхъ и до того выносившихся и истрепанныхъ, что все это бѣлье цѣликомъ, не исключая салфетокъ было оцѣнено въ 4 ливра. Но Бонапартъ слишкомъ далекъ отъ всего этого. Онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что эта на рѣдкость элегантная женщина, необычайная грація которой волнуетъ и восторгаетъ его, и изысканные туалеты которой радуютъ его непривычный глазъ, обладаетъ болѣе чѣмъ скромнымъ и крайне безтолково составленнымъ гардеробомъ, который заключается въ 4-хъ дюжинахъ частью уже изношенныхъ рубашекъ, шести юбкахъ и столькихъ же невыразимыхъ, изъ полдюжины затѣйливыхъ сумочекъ для носовыхъ платковъ, 18 тонкихъ полотняныхъ шейныхъ косыночекъ, шести ночныхъ кофтъ и двѣнадцати паръ разноцвѣтныхъ шелковыхъ чулокъ; сравнительно съ этимъ, болѣе чѣмъ скуднымъ ассортиментомъ бѣлья, несообразное обиліе верхняго платья, просто бросается въ глаза; и въ самомъ дѣлѣ—шесть муслиновыхъ шалей расшитыхъ разноцвѣтными шелками, два платья изъ petit-taffetas одно темное, другое лиловое, три муслиновыхъ съ разноцвѣтной вышивкой, три изъ гладкаго муслина, два огрaндиновыхъ, три изъ канадери, одно изъ лѣтней тафты, три изъ toile de jony, и одно изъ нансука съ бѣлой вышивкой. Какъ ярко высказалась вся Жозефина именно въ этомъ несоразмѣрномъ изобиліи легкихъ и дешевыхъ, положимъ, платьевъ, сравнительно съ скудными ассортиментами постельнаго, столоваго и даже носильнаго бѣлья. Здѣсь она вся, какъ живая—шестнадцать платьевъ и шесть юбокъ.

Какъ это на нее похоже. Она права по своему—вѣдь Бонапартъ, какъ и другіе, видитъ только платье или скорѣе только ее въ платьѣ, одну ее, ея свѣтло-каштановую далеко не обильную, но красиваго ровнаго цвѣта шевелюру, по модѣ того времени тщательно взбитую и слегка напудреную, довольно смуглую и уже нѣсколько поблекшую кожу, которую искусный и легкій гримъ разглаживаетъ, замѣтно бѣлитъ, подрумяниваетъ и освѣжаетъ, онъ видитъ только ея крошечный розовый ротикъ съ вѣчно играющей на немъ очаровательной легкой улыбкой, артистически скрывающей попорченные зубы, и какъ нельзя болѣе гармонирующей съ необычайно мягкимъ и глубокимъ взглядомъ большихъ добрыхъ глазъ, осѣненныхъ длинными прямыми какъ стрѣлы и черными какъ уголь рѣсницами, онъ любуется нѣжнымъ овaломъ и тонкими чертами ея кроткаго личика, затаивъ дыханье онъ

какъ зачарованный прислушивается къ переливамъ ея волшебнаго мелодичнаго голоса, чарующій звукъ котораго впослѣдствіи нерѣдко заставлялъ даже прислугу останавливаться мимоходомъ въ корридорахъ, чтобы насладиться его обаятельной музыкой, а ея тонкій прямой красивый носъ съ подвижными ноздрями, кокетливый, пикантный, шаловливо приподнятый на концѣ, придающій лицу милое задорное выраженіе—этотъ носъ самъ по себѣ говоритъ о чувственности и возбуждаетъ желаніе. Но ея эффектная головка—все таки ничто въ сравненіи съ ея высокимъ стройнымъ и гибкимъ торсомъ, лишеннымъ излишней полноты, съ прелестно-сложенными ножками, полныя икры, сухія щиколки и крошечныя ступни которыхъ дѣлаютъ ихъ положительно несравненными, и красота которыхъ угадывается тотчасъ же по миніатюрнымъ почти дѣтскимъ башмачкамъ. Это дѣйствительно великолѣпное тѣло, не изуродованное никакими корсетами или другими обязательными для женщинъ орудіями пытки, не попорченное никакими рубцами и подтеками—результатомъ туго стянутыхъ завязокъ; длинная гибкая почти плоская шея даже не украшена стереотипнымъ ожерельемъ подъ самое горло;—правда это шея сама по себѣ не красива, но общее впечатлѣніе таково, что всѣ недочеты исчезаютъ и сглаживаются. Кромѣ того въ этой женщинѣ такая масса оригинальной, присущей ей одной и несравнимой граціи. И эта необычайная пластичность—прямое слѣдствіе пропорціональности сложенія и эластичной мягкости контуровъ, заставляетъ забывать недостатки сложенія, которые съ избыткомъ выкупаются непринужденнымъ изяществомъ движеній. Конечно, не одна природа создала и выработала это чудо пластичности. Долгая сознательная работа кокетки—художницы закончила и такъ сказать внѣдрила въ это гибкое тѣло отчасти врожденную грацію жестовъ, позъ и пріемовъ и развила вмѣстѣ съ тѣмъ счастливую въ женщинѣ способность быть постоянно на сторожѣ, способность, обратившуюся впослѣдствіи въ своего рода инстинктивную привычку, въ безпрерывную и почти уже безсознательную ловлю моментовъ и случаевъ, удобныхъ для того, чтобы выставить на показъ повидимому вполнѣ непринужденно свои завидныя преимущества. «Она даже ложится граціозно», говоритъ о ней Наполеонъ.

Прибавьте ко всему присущій только креолкамъ оттѣнокъ лѣнивой нѣги въ движеніяхъ, благодаря которой женщины этой расы кажутся какъ то особенно женственными—прибавьте къ тому то неотразимое одуряющее впечатлѣніе, какое производитъ гибкое стройное женское тѣло погруженное въ нѣгу такой восточной лѣни, обаяніе медлительныхъ мягкихъ

волнистыхъ движеній, и вы поймете, что въ общемъ получится впечатлѣніе такого чувственнаго угара, такого напряженія, противъ котораго устоитъ рѣдкій опытный мужчина и уже конечно не могъ устоять Наполеонъ, никогда и не видавшій ничего подобнаго. Не удивительно поэтому, что съ перваго же раза Жозефина овладѣваетъ всѣмъ существомъ Наполеона; она очаровываетъ его, какъ женщина и буквально ослѣпляетъ какъ великолѣпная дама, импонируя ему внѣшнимъ благородствомъ, «спокойнымъ достоинствомъ истой французской аристократки»—говоритъ онъ о ней.

Она сразу угадываетъ, что рыба клюнула и попалась на удочку, что онъ принадлежитъ ей вполнѣ и когда онъ, продолжая бывать у нее чуть не ежедневно, видитъ г-жу Богарне окруженной цѣлой толпой бывшихъ придворныхъ вродѣ графа Сегюра, Монтескье и Коленкура, видитъ какъ всѣ эти бывшіе вельможи обращаются съ ней какъ съ равной себѣ, даже нѣсколько по товарищески, онъ не способенъ схватить оттѣнки ихъ обращенія, не способенъ замѣтить, что родовитые аристократы, передъ которыми онъ «дворянчикъ» (его выраженіе) въ глубинѣ души своей всегда сознавалъ собственное ничтожество, являются сюда какъ въ холостую компанію, не привозя съ собой ни женъ, ни дочерей. Пресыщенный вульгарнымъ обществомъ якобинцевъ, среди которыхъ онъ долгое время вращался, и благодаря которымъ онъ, собственно говоря, и выдвинулся, Наполеонъ ощущалъ большое наслажденіе отъ соприкосновенія съ избраннымъ обществомъ, а все кажущееся величіе и аристократизмъ хозяйки, показная роскошь, ее окружающая, ея титулъ, благородное происхожденіе, ея яко бы блестящее положеніе въ свѣтѣ—вся эта дешевая мишура наивно принимается имъ за чистую монету, за нѣчто реальное, чему, разумѣется, помимо неопытности немало способствуютъ его собственныя чувства.

Они сошлись черезъ двѣ недѣли послѣ перваго визита Наполеона и хотя въ письмахъ этого незамѣтно и отношенія остаются повидимому только дружескими, но, остроумно замѣчаетъ одинъ свидѣтель: въ эти тревожные дни переходные оттѣнки въ отношеніяхъ неуловимы и положительно ускользаютъ изъ глазъ. На самомъ дѣлѣ между ними все шло необычайно скоро. Они страстно полюбили другъ друга. Съ его стороны это очень просто и понятно, что до нея—то отчего не предположить, что и она въ то время была вполнѣ искренна. Для нея связь съ Бонапартомъ могла имѣть свою пикантность новизны: попытаться приручить такого дикаря

какъ своего рода оригинальность, отчего не поводить на цѣпочкѣ «укрощеннаго льва»? Для женщины почти зрѣлыхъ лѣтъ, какой уже была въ то время Жозефина Богарне этотъ пробуждающійся молодой темпераментъ, этотъ пламень могучей почти внезапной страсти, бѣшеные поцѣлуи, знойные какъ экваторіальное солнце, подъ которыми горитъ и трепещетъ ея стройное тѣло, это его неутолимая жажда наслажденій—не есть ли это лучшее доказательство того, что она все еще хороша собой, что можетъ и будетъ нравиться. Не должно ли такое чувство тронуть и покорить женское сердце? Наконецъ онъ дѣлаетъ предложеніе и съ замираніемъ сердца ждетъ отвѣта. Въ концѣ-концовъ ей терять нечего. Она уже отцвѣтаетъ, и это ея такъ сказать послѣдняя ставка; онъ—молодъ, честолюбивъ и уже главнокомандующій внутренней арміи; кромѣ того въ Директоріи помнятъ, что онъ снадбилъ ее планами послѣдней итальянской компаніи и Карно уже приготовилъ ему постъ главнокомандующаго въ предстоящую войну. Во всякомъ случаѣ для нея этотъ бракъ можетъ быть спасеньемъ. Да и наконецъ къ чему же обязываетъ ее замужество? Въ случаѣ неудачи—разводъ, лѣкарство превосходное и всегда подъ рукой, такъ какъ церемонія ограничивается однимъ гражданскимъ бракомъ безъ всякихъ церквей, поповъ и прочихъ осложненій. Такъ къ чему же все сводится? Къ простому контракту, имѣющему свое значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока онъ выгоденъ и пріятенъ обѣимъ заключившимъ его сторонамъ и пока оба хотятъ признавать его, но который можно свободно нарушить каждую минуту по собственному произволу; наконецъ это обязательство такого рода, которое считается ни во что въ томъ обществѣ, среди котораго она привыкла вращаться, если предположить, разумѣется, что это «ея» общество сколько нибудь интересуется ею. Съ другой стороны—такая комбинація при умѣньи воспользоваться ею, можетъ оказаться весьма выгодной, напримѣръ въ томъ случаѣ, если юношѣ посчастливится выдвинуться, да и на худой конецъ доставитъ ей пенсію, если его убьютъ на войнѣ. Ей предстоитъ однако изрядное количество хлопотъ. Прежде всего необходимо позаботиться скрыть свой возрастъ, такъ какъ она ни этому 26 лѣтнему юношѣ, ни вообще кому бы то ни было не желаетъ сознаться, что ей уже перевалило за тридцать. За это дѣло берется Кальмеле, ея собственное довѣренное лицо и опекунъ ея дѣтей, для чего онъ въ сопровожденіи нѣкоего Лезура является къ одному изъ парижскихъ нотаріусовъ, гдѣ оба пишутъ формальное заявленіе въ томъ, что: 1) хорошо знаютъ Марію Жозефину Тасшеръ, вдову гражданина Богарне, 2) что она извѣстна имъ, какъ уроженка

о-ва Мартиники и наконецъ 3) что она не въ состояніи достать въ настоящее время необходимаго ей для предстоящаго бракосочетанія—своего метрическаго свидѣтельства по причинѣ оккупаціи острова англійскими войсками. И это все. Никакого другаго болѣе подробнаго заявленія не сдѣлано на этотъ разъ, а о годѣ и днѣ рожденія невѣсты заявляющіе весьма благоразумно умолчали. Теперь, вооруженная этимъ нотаріальнымъ удостовѣреніемъ, Жозефина можетъ свободно заявлять всѣмъ и каждому, не исключая самого мэра, что она родилась 23 іюня 1767 г., а не 23 іюня 1763 г., какъ это было на самомъ дѣлѣ. Да и кому придетъ охота разбираться въ этомъ дѣлѣ? Что касается до ея состоянія, котораго нѣтъ, и этотъ вопросъ она силится поставить такъ, чтобы хотя замаскировать свое бѣдственное положеніе, и обмануть общество на этотъ счетъ. Хотя скрыть нищету казалось бы несравненно труднѣе, чѣмъ убавить себѣ нѣсколько лѣтъ, но Бонопартъ и тутъ, какъ во всемъ прочемъ, проявляетъ свою неизмѣнную сговорчивость—отъ нея онъ все принимаетъ и всему довѣряетъ безъ протеста, и вотъ почти секретно, въ присутствіи одного Лемарруа, адъютанта Наполеона, нотаріусъ скрѣпляетъ одинъ изъ самыхъ странныхъ брачныхъ контрактовъ, какой только можно вообразить себѣ; въ этомъ курьезномъ контрактѣ имущество супруговъ подвергается строгому раздѣленію; такимъ образомъ общности имуществъ—ни малѣйшей: мужъ любезно предоставляетъ женѣ самыя широкія полномочія во всемъ, что касается финансовыхъ дѣлъ, жена же удерживаетъ за собою исключительное право опеки надъ своими дѣтьми отъ перваго брака, а въ томъ случаѣ, если жена овдовѣетъ, она получаетъ въ свою пользу 1500 ливровъ ежегоднаго пособія и кромѣ того въ томъ же случаѣ вдова дѣлается полной и единственной наслѣдницей послѣ своего мужа. О приданомъ ни слова; это ужъ само собой разумѣется, однако въ контрактѣ упомянуто, что все имущество вдовы по условію между ею и покойнымъ виконтомъ подлежало общему владѣнію супруговъ, при чемъ опись этого имущества не была произведена послѣ его смерти, и вопросъ о признаніи этого имущества или отреченіи отъ него вдовы Богарне помѣченъ въ контрактѣ, какъ еще далеко нерѣшенный. 2 года спустя послѣ того опись эта была наконецъ составлена и Жозефина, пользуясь правомъ оставить имущество за собою или совсѣмъ отъ него отказаться—выбрала послѣднее, тѣмъ болѣе, что за эти два года дѣла ея уже настолько поправились, что она могла позволить себѣ эту роскошь. Наполеонъ же съ своей стороны не прибѣгаетъ къ подобнымъ хитростямъ и чистосердечно заявляетъ о себѣ, что кромѣ носильнаго платья и

боевыхъ экипажей обозначенныхъ имъ въ общемъ въ такую то сумму, онъ не обладаетъ никакимъ другимъ ни движимымъ, ни недвижимымъ имуществомъ. «Все его богатство—голова и шпага», остроумно выразился о немъ нотаріусъ, скрѣплявшій ихъ брачный договоръ. Что же касается параграфа, въ которомъ должно быть перечислено имущество жениха, то Наполеонъ счелъ безполезнымъ распространяться на этотъ счетъ и не долго думая самъ перечеркнулъ параграфъ. Контрактъ былъ подписанъ 8 марта 1796 года. На слѣдующій день состоялась послѣдняя церемонія гражданскаго брака въ меріи, при чемъ галантный мэръ предупредительно надѣлилъ мужа 28 годами вмѣсто 26-ти, а женѣ далъ всего 29 вмѣсто 32-хъ. Какъ видно почтенный мэръ страдалъ маніей равновѣсія. На свадьбѣ присутствовалъ только Барра, Лемарруа, Тильонъ и Кальмеле, неизмѣнный наперсникъ новобрачной. Полное отсутствіе родни той и другой стороны ясно указывало на то, что согласія ихъ не только не спрашивали, но что ихъ даже не нашли нужнымъ увѣдомить. Черезъ два дня послѣ свадьбы генералъ Бонапартъ ѣдетъ одинъ въ Италію, чтобы тамъ принять начальство надъ войсками, а г-жа Бонапартъ преспокойно остается себѣ въ своемъ отелѣ на улицѣ Шантеренъ; разумѣется такая скорая разлука была бы невыносима для молодыхъ, еслибы по счастью они не догадались насладиться медовымъ мѣсяцемъ еще долго до свадьбы.

IV.

ГРАЖДАНКА БОНАПАРТЪ.

Отъ Парижа до Ниццы Наполеонъ дѣлаетъ 11 стоянокъ и во время каждой изъ нихъ, почти съ каждой почтовой станціи на улицу Шантеренъ летятъ посланья по адресу г-жи Бонапартъ. Эти письма дышатъ страстью и полны только ею. Въ нихъ нѣтъ и тѣни честолюбивыхъ плановъ, ни капли сомнѣнья въ собственныхъ силахъ, ни малѣйшей неувѣренности въ будущей славѣ—до того чувствуется здѣсь глубокая вѣра Наполеона въ свою счастливую звѣзду; увѣренность въ себѣ такъ велика въ немъ, что онъ даже не считаетъ нужнымъ распространяться на этотъ счетъ; здѣсь онъ кажется положительно какимъ-то владѣтельнымъ принцемъ 16-го столѣтія, собирающимся вести свои войска на вѣрную побѣду. Итакъ—одной страстью дышатъ въ этотъ періодъ письма Наполеона къ женѣ; онъ, она и ихъ любовь—вотъ все о чемъ въ нихъ говорится.

Съ самаго пріѣзда въ Ниццу въ разгарѣ своихъ военныхъ трудовъ, при составленіи правильнаго войска изъ разрознен-

ныхъ бандъ мысль о женѣ не покидаетъ его ни на минуту. Онъ трудится въ потѣ лица: въ короткихъ, но мѣткихъ словахъ, возбуждая аппетиты и честолюбивыя вожделѣнія своихъ солдатъ, онъ собираетъ ихъ подъ свои знамена, внѣдряя въ безпорядочныя шайки духъ единства и дисциплины, онъ однимъ движеніемъ бровей укрощаетъ надменную строптивость игрушечныхъ генераловъ, задирающихъ носъ передъ тѣмъ, кого они презрительно называли «фитюлькой», (подлинное выраженіе Ожеро и Массена) онъ дѣлаетъ ежедневно массу распоряженій съ цѣлью улучшить организацію, экипировку и пищу своихъ оборванныхъ и полуголодныхъ солдатъ, онъ выбивается изъ силъ, чтобы насколько возможно подготовить и воодушевить эти жалкія полчища для предстоящаго похода на Альпы, въ которомъ онъ намѣревается испробовать ихъ силы и способности. Онъ изнемогаетъ отъ усталости подъ тяжестью своей задачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ письмо за письмомъ летитъ къ Жозефинѣ. «Когда я готовъ проклинать свое существованіе, пишетъ онъ, мнѣ стоитъ толко приложить руку къ сердцу, здѣсь на груди у меня твой портретъ; я гляжу на него, чувствую, что въ любви все мое счастье, все улыбается мнѣ въ это время, хотя вообще я постоянно страдаю, когда чувствую, что моей милой подруги нѣтъ со мной». Съ этимъ портретомъ Наполеонъ никогда не разстается, онъ держитъ его у себя день и ночь, всѣмъ его показываетъ, чуть ли не молится на него каждый вечеръ, а когда стекло какимъ-то образомъ разбивается, то онъ вообразивъ, что это дурное предзнаменованіе, предсказывающее смерть, сходитъ съ ума отъ отчаянія и мрачныхъ предчувствій. Словомъ эта необычайная любовь скорѣе походитъ на обожаніе, какой-то молитвенный экстазъ, чуть ли не на идолопоклонство. Если бы его солдаты знали объ этомъ грандіозномъ чувствѣ своего генерала, можно смѣло сказать, что оно не показалось бы имъ смѣшнымъ, и что они бы навѣрное поняли бы его какъ нельзя лучше. Ихъ горячія головы, ихъ тревожныя души, ихъ неудержимыя страсти—по своей дикой величавой грандіозности походили на бурю, бушевавшую въ груди ихъ начальника. Не даромъ это былъ человѣкъ одного съ ними возраста и одной съ ними расы. Такого генерала и нужно было для этой странной арміи. Они въ совершенствѣ понимали другъ друга; и дѣйствительно: нарочно не выдумаешь людей такого родственнаго элемента, съ одной стороны — 26-лѣтній Наполеонъ, его неподвижныя черты, такія тонкія, нѣжныя блѣдныя, осѣненныя кудрями длинныхъ слегка напудренныхъ волосъ, его глаза, глубокіе блестящіе, съ острымъ проницательнымъ взглядомъ, который какъ бы читаетъ въ душѣ того къ кому обращается, который

покоряетъ и даже пугаетъ;—съ другой—пресловутые генералы, разнузданные авантюристы, вродѣ Ожеро, дезертиры чуть ли не всѣхъ странъ, грубые забіяки съ развязными манерами или напримѣръ, въ родѣ Массена—контрабандиста, бродяги, даже пирата при случаѣ, неразборчиваго, на средства, любившаго женщинъ и деньги, какимъ бы путемъ то или другое ни перепадало на его долю. Оба—и Ожеро и Массена втихомолку скрежетали зубами на этого «выскочку», котораго имъ навязывали въ начальники и охотно унизили бы его, еслибы могли но стоитъ ему взглянуть имъ въ глаза и дикіе звѣри съ глухимъ рычаньемъ тотчасъ же смиряются передъ своимъ укротителемъ. Что касается офицеровъ и солдатъ, то тѣ въ общемъ (исключая разумѣется Ландріе и подобныхъ ему разбойниковъ) не нуждаются въ укрощеніи. Первыхъ же словъ его оказалось достаточно, чтобы покорить ихъ окончательно. Большая часть арміи состоитъ изъ жителей восточныхъ Пиринеевъ, прошедшихъ въ горахъ суровую школу самопожертвованія и носящихъ въ душѣ святой огонь патріотическаго чувства. Эти думаютъ только о славѣ и благѣ отечества. Въ эту войну было масса примѣровъ, гдѣ офицеры, негодуя, отказывались отъ отступленья, какъ отъ безчестья, гдѣ капралы водворяли порядокъ въ разорванныхъ строяхъ, гдѣ солдаты, какъ генералы вели войска и угадывали стратегію. Могучее вѣянье генія носится по рядамъ безпорядочныхъ войскъ, подобно электрическому току. Такое презрѣніе, даже ликованье передъ лицомъ смерти охватываетъ армію, такимъ радостнымъ стоицизмомъ, такой восторженной единодушной любовью къ родинѣ переполнены всѣ эти юные и пылкіе сердца; да такое войско стоитъ Бонапарта; и онъ очертя голову спѣшитъ, торопится побѣдить, покорить, какъ можно скорѣе. Скорая побѣда—вѣдь это то же, что скорое свиданіе съ «ней», торжествовать—это значитъ вѣдь снова держать ее въ своихъ объятьяхъ, видѣть ее близъ себя, всегда, постоянно съ собою. И для этой соблазнительной цѣли—онъ спѣшитъ, спѣшитъ какъ никогда покончить съ своими утомительными обязанностями—въ какія-нибудь двѣ недѣли одержать шестнадцать побѣдъ, отнять у непріятеля 21 знамя; весь Пьемонтъ готовъ сдаться на капитуляцію—и все это только для нея, и ради нея одной.

«Спасибо вамъ, ребята», говоритъ своимъ солдатамъ Наполеонъ и они стоятъ его благодарности, потому что благодаря имъ на дняхъ пріѣзжаетъ его Жозефина: Жюно, которому генералъ поручаетъ доставить трофеи въ Парижъ, долженъ вернуться съ нею. И пора—давно пора, она нужна, необходима ему: «скорѣй; скорѣй, ко мнѣ, пишетъ онъ ей: торопись, предупреждаю тебя—еще немного и я заболѣю.

Труды, усталость и твое отсутствіе—все заразъ—это ужъ слишкомъ». И это сущая правда—это вовсе не ложь съ цѣлью ускорить ея пріѣздъ. Упорная лихорадка уже много дней не даетъ ему покоя, сухой кашель доводитъ до изнеможенія, и къ довершенію всего неотвязчивая жгучая дума о ней и мучительная тревога долгаго ожиданія держатъ въ постоянномъ напряженіи его и безъ того натянутые нервы. «Не правда ли ты скоро пріѣдешь?» говоритъ онъ, «немного терпѣнья и ты будешь со мной, въ моихъ объятіяхъ, на моей груди—о, пріѣзжай, пріѣзжай же скорѣй. О, еслибы у тебя были крылья—неужели мнѣ еще долго ждать!?»

Другія женщины для него не существуютъ вовсе. Такъ, разъ какъ-то въ Каирѣ къ нему привели взятую въ плѣнъ любовницу одного пьемонтскаго офицера,—въ полномъ смыслѣ слова красавицу-женщину, молодую и очаровательную; при видѣ ея глаза Наполеона сверкнули на мгновенье, какъ молнія, но тотчасъ же потухли—то была только зарница. Онъ удержалъ при себѣ своихъ офицеровъ, очевидно не желая оставаться наединѣ съ прекрасной плѣнницей, обошелся съ ней очень любезно и предупредительно, откомандировалъ ей провожатыхъ для препровожденія къ аванпостамъ и для доставленія по принадлежности. Можетъ быть на этотъ разъ его поведеніе и было слѣдствіемъ политическихъ соображеній, за то въ Миланѣ, когда знаменитая Грассини съ самозабвеньемъ обожанья сама отдается ему вся, когда въ надеждѣ тронуть его она прибѣгаетъ къ своему дивному голосу, когда только для него, для него одного она поетъ такъ, что несравненнымъ пѣньемъ своимъ покоряетъ цѣлую армію—онъ щедро награждаетъ ее, какъ пѣвицу, но холодно отталкиваетъ какъ любовницу. Для него въ цѣломъ мірѣ существуетъ только одна женщина; внѣ ея нѣтъ для него ни женщины, ни наслажденій. Но почему же она такъ долго не ѣдетъ? Причина простая—дѣло въ томъ, что подобныя прогулки по полямъ и лѣсамъ въ обществѣ какихъ-то солдатъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не соблазнительны, и наоборотъ, какъ пріятно пользоваться плодами кровавыхъ трудовъ этихъ же грубыхъ солдатъ, какъ упоительно быть въ числѣ царицъ новаго парижскаго общества, играть въ немъ видную роль, считаться одной изъ элегатнѣйшихъ женщинъ такъ называемаго «большаго свѣта». Тѣмъ болѣе что теперь она не нуждается въ деньгахъ –съ одной стороны Бонапартъ прислалъ ей солидную сумму, а съ другой кто осмѣлится отказать въ кредитѣ «женѣ главнокомандующаго итальянской арміей». И она появляется всюду: на всѣхъ празднествахъ, на всѣхъ гуляньяхъ, на всѣхъ пріемахъ въ Люксембургѣ, съ помощью Барра окру-

жая себя почти княжеской роскошью, а въ гостиной хозяйки дома г-жи Тальма ей всѣ предупредительно отводятъ первое мѣсто. Она возсѣдаетъ въ первомъ ряду въ тотъ день, когда Жюно подноситъ Директоріи 20 непріятельскихъ знаменъ, и наконецъ подъ руку съ Жюно съ тріумфомъ выходитъ изъ зала. А въ театрѣ на первыхъ представленіяхъ стоитъ ей показаться въ ложѣ и вотъ уже весь партеръ на ногахъ, и радостные клики народа привѣтствуютъ ее, какъ королеву. А оффиціальныя празднества—такъ называемые праздники «признательности и побѣды»,—они будто нарочно устроены для нея и только въ честь ея одной. Но больше всего ее удерживаетъ въ Парижѣ этотъ же самый Парижъ, къ которому она такъ привыкла, въ жизнь котораго такъ втянулась; что въ теченіе всѣхъ оставшихся на ея долю 18 лѣтъ жизни, одна забота, одно желаніе преслѣдовали ее—и это желаніе никогда не покидать Парижа. А онъ ждетъ, надѣется, бѣсится, мучимый ревностью, безпокойствомъ, желаніемъ; онъ продолжаетъ бомбардировать ее отчаянными письмами, онъ шлетъ курьера за курьеромъ; что она дѣлаетъ, о чемъ думаетъ, спрашиваетъ онъ въ каждомъ письмѣ—о, онъ знаетъ, онъ догадывается, она просто нашла себѣ какого-нибудь 19-ти лѣтняго любовника, но... если это такъ, то бойся, бойся смерти отъ моей руки, бойся кинжала... пишетъ новый Отелло—а она смѣется, читая эти строки, съ безпечной смѣлостью настоящей креолки, и говоритъ про себя, улыбаясь: «какой смѣшной—этотъ Бонапартъ». Однако серьезно необходимо найти уважительную причину остаться—Жозефъ Бонапартъ въ Парижѣ и торопитъ ее; Жюно, какъ ему ни пріятно разыгрывать изъ себя ея рыцаря, тоже собирается вернуться въ армію и настаиваетъ, чтобы она ѣхала съ нимъ. Къ тому же армія уже выступила изъ Хераска въ Лоди и подходитъ къ Милану. Слѣдовательно ее ожидаетъ уже не какой-нибудь бивуакъ, а настоящій огромный дворецъ. Что бы выдумать? Заболѣть? — Это ужъ слишкомъ старо, но если бы заболѣть подходящей болѣзнью, напр. вродѣ начала беременности — чѣмъ не причина? Великолѣпно. Лучше и не выдумать. И дѣйствительно. Какъ только Бонапартъ получаетъ это извѣстіе — картина моментально мѣняется, бѣдняга мужъ положительно сходитъ съ ума. «Я такъ виноватъ передъ тобой», — пишетъ Бонапартъ, что не знаю чѣмъ загладить свою вину. Я возмущался тѣмъ, что ты сидишь въ Парижѣ, а тебя тамъ задерживаетъ болѣзнь. Прости же меня, добрый другъ мой, любовь которую ты внушила мнѣ, лишаетъ меня разсудка, а я вѣроятно никогда не сдѣлаюсь разсудительнымъ, такъ какъ отъ такой болѣзни, какъ моя, не выздоравливаютъ. Теперь меня терзаютъ такія мрач-

ныя предчувствія, что право я приготовился ограничиться тѣмъ, чтобы только увидать тебя, прижать тебя къ своей груди и умереть вмѣстѣ съ тобой. Подумать только, что скоро появится на свѣтъ прелестный малютка, такой же очаровательный, какъ его мамочка. О, я несчастный—хотя бы одинъ день мнѣ побыть съ тобою—я готовъ помириться даже на этомъ». Въ тотъ же вечеръ Наполеонъ пишетъ брату Жозефу: «Другъ мой, я въ отчаяньи. Жена моя—все что только я люблю на землѣ,—больна. Я теряю голову. Ужасныя предчувствія терзаютъ мнѣ душу. Заклинаю тебя—сообщи мнѣ, что съ нею и какъ она себя чувствуетъ? Вспомни же узы крови и узы дружбы, которыя такъ неразрывно и тѣсно связали насъ съ дѣтства, и во имя ихъ окружи ее тѣми попеченьями, той заботливостью, какими я самъ былъ бы радъ окружить ее, если бы могъ это сдѣлать. Конечно, у тебя не будетъ моего сердца, моей любви, но все-таки одинъ ты можешь замѣнить меня. Ты—единственный человѣкъ на землѣ, къ которому я чувствую истинную и неизмѣнную дружбу. Послѣ нея, послѣ моей Жозефины единственное существо въ мірѣ, которымъ я еще интересуюсь—это ты. Утѣшь, успокой меня; скажи всю правду. Ты знаешь мое сердце, знаешь мою пылкость. Я никого еще не любилъ. Жозефина—первая женщина, которую я обожаю. Ея болѣзнь приводитъ меня въ отчаяніе. Всѣ меня забыли, всѣ оставили, никто мнѣ не пишетъ. Я одинъ во власти моихъ опасеній и моего горя. Даже и ты пересталъ писать. Если она чувствуетъ себя хорошо и если путешествіе не повредитъ ей, то я страстно желаю, что бы она поскорѣе пріѣхала ко мнѣ. Мнѣ нужно, необходимо видѣть ее, прижать къ своей груди; я такъ безумно люблю, что болѣе не въ силахъ оставаться вдали отъ нея. Если бы она разлюбила меня, мнѣ нечего было-бы дѣлать здѣсь на землѣ. О, другъ мой, я въ твоихъ рукахъ. Сдѣлай же прошу тебя такъ, чтобы мой курьеръ не оставался бы долго въ Парижѣ и чтобы онъ какъ можно скорѣе пріѣзжалъ назадъ и тѣмъ вернулъ бы меня къ жизни».

Онъ уже не способенъ сдерживаться; онъ грозитъ бросить все, оставить армію и пріѣхать лично разузнать обо всемъ, Жозефина наконецъ понимаетъ, что время отговорокъ прошло безвозвратно, что лучшая изъ нихъ, напр. беременность,—не смотря ни на что уже перестала дѣйствовать, и что симулируя какую нибудь другую болѣзнь, никакимъ образомъ не проведешь Жозефа, словомъ, что онъ не клюнетъ ни на какую другую удочку, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, какъ благополучно она выдерживаетъ сутолоку свѣтской жизни, тѣмъ болѣе, что на его глазахъ она не пропускала ни одного

празднества, ни одного развлеченія и нисколько не страдала отъ частыхъ и утомительныхъ выѣздовъ.

Волей неволей приходится отправиться въ дорогу, и вотъ въ отчаяніи, вся въ слезахъ, стоная и всхлипывая, послѣ прощальнаго ужина въ Люксенбургѣ, Жозефина наконецъ садится въ экипажъ въ сопровожденіи своей собаки, Фортюне, Жозефа, Жюно, гражданина Ипполита Шарля и сверхъ того съ адъютантомъ генерала Леклерномъ и гражданкой Луизой Кампуанъ въ придачу. Послѣдняя—нѣчто вродѣ наперстницы, ѣстъ за однимъ столомъ съ своей барыней и одѣвается точь въ точь какъ она. Мало того ея просторная покетливо-убранная комната на улицѣ Шантеренъ, ничѣмъ не напоминаетъ каморку прислуги, напротивъ—шелковыя драпри и гардины, алебастровые подсвѣчники съ украшеньями изъ золоченой бронзы, статуетки амуровъ и граціозныя жардиньерки настоящаго севрскаго фарфора, прекрасный комодъ съ бронзовыми украшеніями и мраморной доской—все дѣлаетъ комнату гораздо элегантнѣе будуара самой Жозефины. Что же представляетъ изъ себя Луиза Кампуанъ по отношенію къ Жозефинѣ?—Несомнѣнно только наперстницу, которую она бережетъ для себя, о которой заботится и къ которой въ извѣстной степени даже привязана, такъ какъ не смотря на возникшій впослѣдствіе между ними разладъ, Жозефина продолжаетъ выплачивать ей опредѣленную пенсію вплоть до 1805 года. Во время этого безконечнаго путешествія, которое всѣ словно сговорились растянуть ей на зло, Жюно принимается усердно осаждать сердце Луизы, а Жозефина, какъ говорятъ, выходитъ изъ себя и бѣсится во первыхъ на то, что ее чуть не силой увозятъ изъ Парижа, а во вторыхъ на явное предпочтеніе оказываемое Жюно ея фаворитк ѣ,—при чемъ все это горе ничуть не мѣшаетъ ей замѣтить про себя, что Ипполитъ Шарль не равнодушенъ къ ней. Выѣхали въ послѣднихъ числахъ іюня, а 8 іюля путешественники почти уже подъѣзжаютъ къ Милану, но какъ разъ въ это время Бонапартъ долженъ выступить на встрѣчу арміи Вурмсера, и потому умоляетъ Жозефину ѣхать за нимъ въ Верону. «Ты мнѣ нужна, говоритъ онъ, пріѣзжай, иначе я заболѣю.» Она однако ожидаетъ его въ Миланѣ и онъ летитъ туда и два дня подрядъ празднуетъ давно желанную встрѣчу,—въ эти два дня ничего кромѣ жгучей любви во всѣхъ ея проявленіяхъ, а за ними тотчасъ же наступаетъ знаменитый кастильонскій кризисъ; положеніе тяжкое, почти безвыходное, опасность—колоссальная, подавляющая. Здѣсь дѣло стоитъ такъ, чтобы избѣжать не разстройства рядовъ, не бѣгства даже, а хотя бы только не допустить полнѣйшаго

истребленія всего состава арміи. И посреди напряженной дѣятельности всецѣло направленной на предотвращенье грозящей опасности, среди тьмы приказаній, разсылаемыхъ имъ по всѣмъ направленіямъ для соединенія отрядовъ, среди комбинацій, изобрѣтаемыхъ для избѣжанія всеобщаго погрома, въ эти рѣшающіе мгновенья, когда все свое будущее онъ ставитъ на карту, когда счастье, казалось, готово ему измѣнить, когда, можетъ быть, впервые онъ не довѣряетъ собственнымъ силамъ,—даже и тутъ мысль о Жозефинѣ не покидаетъ Бонапарта. Напротивъ: изо дня въ день летятъ отъ него къ ней длинныя горячія любовныя посланія.

«Ахъ, говоритъ онъ, прошу тебя, покажи мнѣ свои недостатки, будь не такъ прекрасна, не такъ мила, не такъ нѣжна, особенно, не будь такой доброй и не ревнуй никогда, никогда нѣ плачь: твои слезы лишаютъ меня разума, жгутъ мнѣ кровь. Пріѣзжай ко мнѣ сюда, по крайней мѣрѣ умирая мы можемъ сказать другъ другу: «много дней мы были счастливы вмѣстѣ». И на другой день, и на третій день, и все время пока онъ не съ нею, его преслѣдуетъ это безуміе страсти, ему грезится это боготворимое имъ женское тѣло и онъ жаждетъ, онъ страдаетъ отъ напряженнаго желанія осыпать градомъ поцѣлуевъ его мягкіе изгибы. Лишь бы увидать, лишь бы только она пріѣхала хоть на одинъ день, хоть на одну только ночь, хоть на нѣсколько часовъ—но лишь бы только увидать ее снова; почувствовать ея близость, упиться ея поцѣлуями... И онъ проситъ, онъ молитъ, онъ приказываетъ ей это. Она нѣсколько болѣе покорная здѣсь, чѣмъ тамъ на родинѣ, покорная потому только, что въ этой побѣжденной Италіи среди фанатизированной до нельзя арміи, она чувствуетъ въ немъ вождя и владыку и понимаетъ, что ей слѣдуетъ хотя сдѣлать видъ, что она повинуется. Поэтому, скрѣпя сердце, она ѣдетъ къ мужу. И эта поѣздка превращается въ какое-то фантастическое шествіе, полное всевозможныхъ превратностей: то магистраты новой Италіи встрѣчаютъ ее, какъ свою повелительницу, то она почти тайкомъ пробирается среди жалкихъ и озлобленныхъ остатковъ непріятельской арміи, то солдаты-побѣдители чевствуютъ ее, какъ королеву, то клики мести и ненависти побѣжденнаго населенія провожаютъ ее, то она ѣдетъ свободно и гордо, какъ повелительница, то какъ жалкая бѣглянка пробирается тайкомъ между непріятельскихъ отрядовъ, рискуя попасть подъ огонь австрійской артиллеріи; вѣнцомъ этого страннаго путешествія является еще болѣе странная по обстоятельствамъ любовь,—поцѣлуи подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ, подъ звуки

трубъ и барабановъ, бьющихъ въ аттаку, при зловѣщемъ свѣтѣ артиллерійскаго огня и горящихъ селеній.

Что же дѣлаетъ Жозефина? По цѣлымъ днямъ Бонапартъ дрожитъ надъ нею, молится на нее, поклоняется ей какъ божеству; стоитъ ей куда-нибудь уѣхать, курьеры за курьерами летятъ ей въ догонку. Изъ каждой деревушки, изъ безвѣстныхъ селеній, благодаря его генію стяжавшихъ впослѣдствіи безсмертную славу въ исторіи, Наполеонъ продолжаетъ осаждать своего идола безконечно-длинными посланіями безпорядочно написанными, въ которыхъ трогательно-нѣжныя строки, полныя любви и довѣрія, капризно мѣшаются съ ревнивымъ ропотомъ и порывами безумной почти изступленной страсти. На сколько она, эта опытная и уже зрѣлая любовница, эта тонкая свѣтская львица—неизмѣримо старше его не годами только, но и силою чувства,—какой контрастъ между ея изношенными нервами и его свѣжими нетронутыми чувствами—26 лѣтняго юноши, такъ долго и упорно охранявшаго свое цѣломудріе.

Впервые пробудившаяся чувственность, неизвѣданныя наслажденія новыхъ ощущеній—держатъ его организмъ въ непрерывномъ жестокомъ безпокойствѣ; болѣзнь, лихорадка, постоянная и усиленная работа мозга—доводятъ нервную систему Наполеона до высшей точки напряженья. Помимо его воли самыя выраженья его страсти, его манера въ своихъ запискахъ говорить о любви отличаются приподнятымъ слогомъ, высокопарной восторженностью, и сильно напоминая Новую Элоизу, написаны въ духѣ Руссо. Изъ этого, разумѣется, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ не искрененъ, что любовь для него есть предлогъ порисоваться или пуститься въ риторику,—вовсе нѣтъ—онъ только любитъ именно такимъ образомъ, онъ просто не привыкъ, не можетъ и никогда не сможетъ говорить о любви другимъ языкомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ тогда истиннымъ сыномъ Жанъ-Жака, и наперекоръ всему пережитому остался имъ на всю жизнь. Любовь, какъ первый весенній душистый барвинокъ, на весь вѣкъ отравила ему душу жгучимъ впечатлѣньемъ своего аромата: этимъ первымъ барвинкомъ весны его жизни и была Жозефина, пустое безпечное созданье, которое врядъ ли ему и сочувствовало. И не мудрено; все въ ней враждебно его природѣ: она существо совершенно ему не сродное ни по духу, ни по національности, ни по испорченности своей, составлявшей такой рѣзкій контрастъ съ его юношеской неопытностью. Въ концѣ концовъ его постоянная экзальтація утомляетъ ее, надоѣдаетъ ей. Разумѣется, это было сперва такъ интересно и ново, но это же можетъ надоѣсть наконецъ; Наполеонъ новичекъ въ

дѣлѣ страсти, его чувство горячо, но грубо, требовательно, капризно, угловато, а недостатокъ неопытности въ этомъ отношеніи способенъ болѣе расхолодить, чѣмъ подогрѣть уже устарѣлыя чувства. Одно утѣшеніе—доходы стали больше: подношенія отъ городовъ, подарки владѣтельныхъ особъ, щедрыя подачки тароватыхъ гражданъ и поставщиковъ, но все это какъ то незамѣтно уплываетъ изъ рукъ, и хотя она тратитъ безумныя деньги, по натурѣ своей она вовсе не алчная женщина. Въ своей безпечности она также щедра, какъ непредусмотрительна; всегда готовая поддаться искушенію и ежеминутно одолѣваемая все новыми и новыми прихотями, она ни въ чемъ не умѣетъ отказывать ни себѣ, ни другимъ. Сама безъ стѣсненья пользуясь отовсюду подачками, она въ свою очередь раздаетъ ихъ также легко, какъ и получаетъ. Она даже не особенно сознаетъ, что дѣлаетъ дурно, дѣйствуя въ этихъ случаяхъ почти инстинктивно, хотя однако все-таки старается отнюдь не доводить ничего подобнаго до свѣденія Бонапарта. Она знаетъ за нимъ извѣстную щепитильность, которая кажется ей странной, несообразной съ понятіями той среды, въ которой она жила и того общества, которое до сихъ поръ посѣщала. Съ первыхъ же дней, по поводу полученной ею въ подарокъ шкатулки съ медалями Наполеонъ сдѣлалъ ей строгій выговоръ и шкатулку пришлось вернуть по принадлежности; съ тѣхъ поръ она рѣшила, что онъ не будетъ знать ни о чемъ, а если начнетъ подозрѣвать, то ловкія выдумки и искусныя уловки, ради которыхъ Жозефина не побрезгала заранѣе предусмотрительно завербовать себѣ сообщниковъ, должны навсегда скрыть отъ не въ мѣру щепетильнаго Бонапарта щекотливое происхожденіе иныхъ ожерелій изъ крупнаго жемчуга, алмазныхъ парюръ, дорогихъ картинъ и античныхъ вещей колоссальной цѣнности.

Да и вообще не мало есть и другихъ вещей, о которыхъ Бонапарту ничего не извѣстно. Онъ едва ли знаетъ о существованіи знаменитаго Шарля, адъютанта Леклерка, того самаго, который съ такимъ успѣхомъ развлекалъ Жозефину во время ея печальнаго путешествія изъ Парижа въ Италію. А между тѣмъ ему не мѣшало бы знать, что Mr Шарль остался въ Миланѣ, что онъ гарцуетъ по улицамъ города въ своемъ кокетливомъ мундирѣ съ иголочки; но стоитъ генералу выйти изъ палаццо Сербеллони, какъ Mr Шарль моментально появляется тамъ. Жозефина, разумѣется, увѣряетъ, что смазливый Шарль существуетъ только затѣмъ, чтобы развлекать ее, занимать и смѣшить и что съ ея стороны отношенія здѣсь чисто платоническія. Mr Шарль—низенькій, миніатюрный, выхоленный юноша; невозмутимо-самоувѣренный, юркій, подвижной,

живой и ловкій, въ разговорѣ сыплетъ каламбурами, большой искусникъ показывать фокусы, дѣлать гимнастику, остроумный мистификаторъ и любезный исполнитель всевозможныхъ дамскихъ порученій, словомъ—что называется—«молодецъ на всѣ руки». Онъ—звено, связующее Жозефину, которой вѣчно нужны деньги, съ ея поставщиками, наивно воображающими, что имъ очень нужна Жозефина. Онъ соритъ деньгами, какъ истый откупщикъ, но дѣлаетъ это весело и даже добродушно, размашисто, по гусарски. Какой контрастъ съ Наполеономъ, какой выгодной представляется Жозефинѣ подобная антитеза. Но вотъ въ Бонапартѣ возникли далеко нежелательныя подозрѣнія насчетъ Mr Шарля, въ родѣ тѣхъ какія явились у него когда-то насчетъ Мюрата. Говорятъ, въ одинъ прекрасный день Mr Шарля арестовали, хотя весьма возможно, что причиной этому послужило только отношенія послѣдняго къ поставщикамъ Жозефины. Какъ бы то ни было Шарль покидаетъ армію и возвращается въ Парижъ, гдѣ благодаря содѣйствію Жозефины, дѣлается членомъ торговаго дома Боденъ, что въ концѣ концовъ обезпечиваетъ ему солидное состояніе. Въ Мг Шарлѣ Жозефина теряетъ много:—будучи для нея всегда готовымъ развлеченіемъ, онъ олицетворялъ собою Парижъ и именно тотъ Парижъ, который такъ любила Жозефина, Парижъ распущенный, веселящійся, шумный, развратный; его-то и недоставало Жозефинѣ, а Мг Шарль былъ какъ нарочно созданъ для того, чтобы поддерживать, развлекать и отвлекать Жозефину отъ той безпросвѣтной скуки, которая непереставала томить ее. «Я страшно скучаю здѣсь, пишетъ она своей теткѣ». Да, все ей наскучило, все пріѣлось: и безумная любовь мужа, и Миланъ, и Генуя, и Сенатъ, воздающій ей чуть не королевскія почести, и Флоренція, гдѣ великій герцогъ принимаетъ ее какъ кузину, Момьелло, гдѣ она держитъ свой придворный штатъ, и Пассеріано, и Венеція,—словомъ все ей противно, кромѣ Парижа. А между тѣмъ, когда Бонапартъ собрался вернуться въ Парижъ, она не слѣдуетъ за нимъ, а по странной фантазіи уѣзжаетъ въ Римъ и только черезъ восемь дней послѣ пріѣзда мужа водворяется въ своемъ отелѣ на улицѣ Шантеренъ, на устройство и меблировку которой по ея письменному распоряженію уже истрачено 120,000 франковъ, несмотря на то, что онъ еще наемный, такъ какъ Бонапартъ пріобрѣлъ его лишь спустя 4 мѣсяца послѣ того а именно—31 марта 1798 г. за 52,400 фр. Итакъ, по одному своему капризу ради безсмысленной прихоти, она принебрегла блестящимъ апоѳеозомъ, тріумфальнымъ шествіемъ черезъ всю Швейцарію и Италію, величіемъ такихъ моментовъ, какъ торжест-

венное возвращеніе на родину объ руку съ человѣкомъ, имя котораго носитъ она, а повторяетъ вся Франція.

Хотя въ это время любовь въ Наполеонѣ не носитъ на себѣ прежняго характера безумной и безграничной страсти прежнихъ дней, жена продолжаетъ быть для него единственной любимой женщиной, что онъ и заявляетъ публично. «Я люблю мою жену», говоритъ онъ.

Онъ ни на минуту не оставляетъ ее и ему даже нравится, когда про него говорятъ, что онъ очень ревнивъ, а между тѣмъ она уже совсѣмъ не хороша собой—ей подъ сорокъ лѣтъ, да и на видъ она совсѣмъ не выглядитъ моложе своего возраста; ну такъ что же?—для него она не состарится вовсе и когда пройдетъ безумная страсть, послѣ этого перваго глубокаго чувства, въ душѣ Наполеона останется такое теплое благодарное воспоминаніе, которое пройдетъ черезъ всю его жизнь, и что бы она съ нимъ не выдѣлывала, во что бы впослѣдствіи не обратилась, эта женщина навсегда останется для него единственнымъ обожаемымъ существомъ, единственной женщиной, могущество которой надъ всей физической и нравственной природой Наполеона навсегда останется неизмѣннымъ.

V.

М-мъ ФУРЭ.

Стоя на палубѣ корабля «Океанъ», который везъ его завоевывать славу и счастье, Наполеонъ провожалъ глазами бѣлый платокъ, которымъ махала Жозефина, пока тотъ совсѣмъ не скрылся изъ глазъ. Онъ любитъ еще эту женщину не съ безумной страстью первыхъ дней, но благодарной и нѣжной любовью человѣка, удовлетвореннаго физически и морально. Онъ любитъ въ ней воплощеніе граціи и изящества, квинтэссенцію женственности, первую отдавшуюся ему красивую женщину хорошаго круга. Онъ убѣжденъ, что тотчасъ же послѣ покоренія Египта, а въ побѣдѣ онъ и не сомнѣвался,—она пріѣдетъ къ нему, что онъ вышлетъ за нею фрегатъ, а пока посылаетъ ее на морскія купанья. Но если даже Жозефина и была искренна, обѣщая, однако мысль ѣхать такъ далеко, черезъ столько незнакомыхъ мѣстъ скоро начала смущать и даже пугать ее. Въ Парижѣ ее удерживаетъ столько вещей: привычки, общество, большой свѣтъ, особенно же ея миланскія связи. Бонапартъ же тѣмъ временемъ опять насто-

раживается. Уже со времени переѣзда изъ Тулона въ Мальту и Александрію онъ безпокоится. Прежнія подозрѣнія вновь охватываютъ и тревожатъ его; онъ хочетъ знать все—онъ справляется, онъ допытывается—ему отвѣчаютъ.

Нѣсколько разъ очень осторожно, избѣгая обращаться къ тѣмъ изъ друзей своихъ, которыхъ онъ считается способными изъ любви къ нему скрыть горькую правду—онъ упрямо добивается вывѣдать подробно все, что говорилось о ней въ Италіи. До ея прежней жизни, до ея прошлаго онъ не касается—ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Въ письмѣ изъ Милана онъ говоритъ: «Все меня привлекало въ тебѣ, все было дорого—даже память о твоихъ ошибкахъ, даже воспоминанье о той тяжелой сценѣ, которая разыгралась между нами за 2 недѣли до нашей свадьбы». Эти слова даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ его характера и его понятій о любви. Итакъ, свои права на сердце, умъ и чувства этой женщины онъ предъявляетъ лишь съ того момента, когда она сама добровольно отдалась ему, связала собя клятвой, приняла его любовь и казалось, раздѣлила ее. Что было раньше, принадлежитъ ей и только ей; но зато съ этого дня—она принадлежитъ ему по праву и бѣда ей, если она посмѣетъ обмануть своего властелина. И дѣйствительно: едва открылись глаза Бонапарта, едва разбились иллюзіи, разсѣялся туманъ, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ, какъ мысль о разводѣ уже возникаетъ въ умѣ его: онъ рѣзко обрываетъ нити, связующія его съ женой. Сохрани онъ свое счастливое невѣденіе, разумѣется, онъ остался бы вѣренъ ей и въ Египтѣ, какъ былъ вѣренъ въ Италіи, но разъ ему извѣстно все—ради чего сдерживать и стѣснять себя? Къ чему среди глубокой тоски, среди безпросвѣтной скуки, нависшей надъ Египетской арміей, отказывать себѣ въ развлеченьяхъ, которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, правда, показались бы ему непростительной измѣной вѣрной и преданной любовницѣ, а теперь въ глазахъ его не болѣе какъ естественныя слабости 29 лѣтняго мужчины. Подобно многимъ офицерамъ арміи онъ пробуетъ сходиться съ женщинами Азіи; ему приводятъ ихъ цѣлыхъ полдюжины, но ихъ манеры и дебелая тучность кажутся ему отвратительными, не притрогиваясь къ нимъ вовсе онъ ихъ сейчасъ же отсылаетъ обратно—и это понятно: врядъ ли существовалъ на свѣтѣ человѣкъ болѣе него подверженный чувству брезгливости, почти болѣзненнаго отвращенія, болѣе него чувствительный ко всевозможнымъ запахамъ, и съ болѣе чуткой и впечатлительной нервной конструкціей.

Въ Египетскомъ Тиволи за то онъ встрѣчаетъ нѣчто лучшее; это садъ разбитый по образцу парижскаго Тиволи, уст-

роенный однимъ эмигрантомъ, бывшимъ тѣлохранителемъ, школьнымъ товарищемъ Наполеона по Бріенской коллегіи, добившемся права слѣдовать за арміей. Въ этомъ саду, какъ и въ Парижѣ, есть кругъ—и всевозможныя игры, и деревянныя лошади, и качели, и трапеціи, и карусели, и жонглеры, и заклинатели змѣй, и алмеи; здѣсь-же ѣдятъ мороженое подъ звуки военнаго оркестра, Все это въ глуши, въ Азіи, было бы очаровательно при условіи наличности и здѣсь того-же женскаго персонала, какой обыкновенно посѣщаетъ подобные сады въ Парижѣ. Но въ томъ то и дѣло, что европейскихъ женщинъ здѣсь не только очень мало, а вѣрнѣе совсѣмъ почти нѣтъ; почему въ арміи и царитъ невообразимая скука, доводящая иныхъ и даже многихъ офицеровъ до того, что побуждаемые вдвойнѣ тоской одиночества съ одной стороны и чисто физической необходимостью съ другой—они, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, очертя голову, женятся на египтянкахъ. Тѣ же немногія изъ молодыхъ европеекъ, которыя посѣщаютъ Тиволи, всѣ прибыли вмѣстѣ съ арміей.

Надо замѣтить, что передъ отъѣздомъ были отданы строжайшія приказанія, чтобы всѣ жены офицеровъ оставались въ полу-бригадныхъ дэпо; тѣ же изъ нихъ, которымъ удалось нарушить подобное постановленіе, и добыть себѣ пропускъ, переодѣвшись въ мужское платье, переѣхали море со всѣми предосторожностями, боязливо ютясь кое-какъ гдѣ нибудь въ трюмахъ кораблей экипажа. Разумѣется, такихъ героинь было очень и очень немного. Всѣ онѣ—отважныя, смѣлыя; привыкшія къ приключеніямъ всякаго рода и готовыя, стрѣлять изъ ружей въ случаѣ надобности. Самой красивой изъ всѣхъ этихъ дамъ безспорно была миніатюрная свѣженькая блондинка съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица и великолѣпными зубками, вообще очень хорошенькая, здѣсь же въ особенности, имѣвшая положительно безумный успѣхъ. Ее зовутъ Маргаритой-Полиной-Беллисль. Служа мастерицей какой то модистки въ Каркасонѣ, она женила на себѣ племянника своей хозяйки, красиваго лейтенанта 22-го Охотничьяго коннаго полка, по фамиліи Фурэ. Приказъ отправляться въ Америку застигъ юную парочку среди наслажденій медоваго мѣсяца; не долго думая, молодая жена надѣла мундиръ того же полка, къ которому принадлежитъ счастливый мужъ и на одномъ съ нимъ кораблѣ удрала изъ Франціи. Только въ Каирѣ она снова надѣла женское платье, никто изъ офицеровъ не пользовался ея благосклонностью и супруги Фурэ считались образцовой четой. На праздникѣ, данномъ въ Ёзбекіе, гдѣ по окончаніи общаго обзора войскъ, Кондэ, пуская

воздушный шаръ, воображалъ удивить невѣжественныхъ жителей Каира, и ни добился отъ нихъ ни малѣйшаго знака вниманія къ своей затѣѣ,—два совсѣмъ молоденькихъ адъютанта главнокомандующаго, Мерленъ и Евгеній Богарне, обращаютъ особенное вниманіе на м-мъ Фурэ; оба такъ восторженно восхищаются ею, что Наполеонъ въ свою очередь замѣчаетъ молодую женщину и справляется о томъ, кто она такая. Въ тотъ же вечеръ, снова встрѣтивъ ее въ египетскомъ Тиволи, онъ подолгу останавливаетъ на ней упорный и пристальный взглядъ, наконецъ самъ подходитъ къ ней, говоритъ массу любезностей и довольно долго бесѣдуетъ съ ней. Нашлись вскорѣ и угодливые офицеры, предложившіе Наполеону свое посредничество въ этомъ дѣлѣ.

По разсчету или по добродѣтели, но малютка не скоро сдается. Дѣло не обходится безъ сопротивленій, объясненій въ любви, богатыхъ подарковъ, наконецъ все улаживается къ общему удовольствію. 17 декабря Фурэ приказано безъ жены, одному на этотъ разъ, съ капитаномъ Лоранъ сѣсть на квебекъ «Охотникъ» съ порученіемъ достичь итальянскаго берега и доставить нѣсколько депешъ Директоріи. По прибытіи въ Парижъ, Форэ велѣно увидаться съ Люсьеномъ и Жозефомъ Бонапартомъ и уже затѣмъ какъ можно скорѣе поспѣшить въ Даміэтту. Къ несчастью онъ возвращается раньше, чѣмъ предполагалось. Едва успѣлъ уѣхать мужъ,—Бонапартъ тотчасъ же начинаетъ приглашать жену обѣдать у себя, вмѣстѣ съ прочими дамами—француженками; за обѣдомъ онъ сидитъ около нея и очень галантно исполняетъ обязанности ея кавалера. Но вотъ какъ то за столомъ, наливая ей воду, онъ притворно неловкимъ движеніемъ выливаетъ ей на платье цѣлый графинъ холодной воды и стремительно увлекаетъ ее въ свои комнаты подъ предлогомъ исправить безпорядокъ туалета, произведенный его неловкостью. Приличія были почти соблюдены, но только «почти», такъ какъ отсутствіе генерала и м-мъ Фурэ длилось столько времени, что у гостей, продолжавшихъ сидѣть за столомъ, не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно истиннаго значенія этого факта. Если бы даже и были такія сомнѣнія, онѣ скоро разсѣялись, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что м-мъ Фурэ переѣхала въ наскоро отдѣланный для нея отель рядомъ съ дворцомъ Ельфи-Бея, гдѣ квартировалъ Бонапартъ. Однако, едва успѣла м-мъ Фурэ расположиться въ своемъ новомъ жилищѣ, какъ самъ Фурэ вернулся обратно. Дѣло въ томъ, что Квебекъ «Охотникъ», на которомъ уѣхалъ Фурэ, вышелъ въ морѣ 25 декабря, но на другой же день былъ захваченъ англійскимъ кораблемъ «Ліонъ». Англичане, хорошо освѣдомленные по-

видимому обо всемъ, что творилось во французской арміи, ехидно посвятили Фурэ во всѣ подробности его дѣла и отослали его обратно въ Каиръ, взявъ съ него предварительно слово ничего не предпринимать противъ нихъ вплоть до окончанія войны.

Фурэ, взбѣшенный пріѣзжаетъ въ Каиръ и заставилъ свою супругу довольно жестоко искупить тѣ вольности, которыя она позволяла себѣ въ его отсутствіе. «Что-бы избавиться отъ его запальчивости»—м-мъ Фурэ потребовала разводъ, который и былъ провозглашенъ въ присутствіи военнаго комиссара арміи. Что касается мужа, то едва вернувшись изъ Сирійской экспедиціи, онъ снова былъ отправленъ во Францію, при чемъ военному комиссару былъ отданъ приказъ всячески способствовать ускоренію его отъѣзда.

Послѣ развода м-мъ Фурэ, снова принявшая свою дѣвичью фамилію «Беллисль», но извѣстная въ арміи, какъ когда-то въ Каркассонѣ подъ граціознымъ уменьшительнымъ «Беллилоттъ», открыто сдѣлалась фавориткой генерала и даже подчеркивала и аффишировала свое положеніе. Всегда разодѣтая и утопающая въ необычайной роскоши—она принимала у себя генераловъ, посѣщала сама нѣкоторыхъ француженокъ, находящихся въ арміи. Часто видали ее въ коляскѣ рядомъ съ Наполеономъ и его адъютантами, въ томъ числѣ разумѣется и Евгеніемъ Богарне, видали ее гарцующей на выѣзжанномъ для нея спеціально кровномъ арабскомъ жеребцѣ въ генеральскомъ мундирѣ съ треуголкой на головѣ. «Вотъ ѣдетъ нашъ генералъ», говорили тогда солдаты, а шутники знали ее «клеопатрой». На груди ея висѣлъ постоянно на длинной цѣпочкѣ портретъ-миніатюра ея любовника. Это была вполнѣ открытая публичная связь, которая къ тому же не удивляла никого, такъ какъ во всякомъ полку республиканской арміи можно было найти молодыхъ женщинъ, переодѣтыхъ въ мужское платье, иногда состоящихъ въ должности адъютантовъ, какъ напримѣръ, дѣвицъ Фенигъ, иногда имѣвшихъ совсѣмъ иную профессію—вродѣ Иллирины де Моранси, Иды Сентъ-Эльмъ и многихъ другихъ куртизанокъ. Мужской костюмъ сдѣлался въ то время необходимой принадлежностью гардероба каждой мало-мальски либеральной женщины, а привычка военныхъ начальниковъ брать съ собой на войну своихъ любовницъ и даже женъ до того укоренилась, что въ продолженіе всей испанской компаніи и вплоть до паденія имперіи ни одинъ изъ генераловъ не пренебрегъ ею; напримѣръ, Массена—въ 1810—1811 г.

Бонапартъ до такой степени увлекся Белиллоттой, что не скрылъ отъ нея своего намѣренія разойтись съ Жозефиной и

даже говаривалъ не разъ, что женится на ней, бывшей модисткѣ изъ Каркассона, въ томъ случаѣ, только, если она дастъ ему ребенка. Но какъ бы не такъ. «Маленькая дурочка и этого не съумѣла сдѣлать», говорилъ онъ въ впослѣдствіе съ досадой, а когда кто-нибудь затрогиваетъ этотъ вопросъ при ней, она отвѣчала: «ну право же не я тому виной». Во время Сирійской экспедиціи, она оставалась въ Каирѣ, куда Бонапартъ писалъ ей чрезвычайно нѣжныя письма. На возвратномъ же пути, послѣ битвы подъ Абукиромъ, готовясь вернуться во Францію, генералъ отдалъ приказъ, чтобы бывшая м-мъ Фурэ немедленно выѣзжала слѣдомъ за нимъ съ первымъ снаряженнымъ кораблемъ. Но Клеберъ совсѣмъ не такъ понималъ эти вещи. Въ качествѣ замѣстителя Наполеона въ арміи онъ очевидно смотрѣлъ на обладаніе Белиллоттой, какъ на своего рода прерогативъ власти главнокомандующаго египетской арміей и ставилъ безконечныя препятствія ея отъѣзду. Въ концѣ-концовъ онъ рѣшился переправить ее Мену, коменданту Розетты съ пропускомъ такого содержанія:

Каиръ.

Особа, которая вручитъ вамъ это письмо, гражданка Фурэ. Она желаетъ ѣхать во Францію вслѣдъ за героемъ, ея любовникомъ, котораго она потеряла, и ждетъ отъ вашей любезной предупредительности, содѣйствія, чтобы совершить это путешествіе въ возможно скоромъ времени и въ пріятномъ сообществѣ. Впрочемъ все это она съумѣетъ выразить вамъ лучше меня.

Посылаю вамъ свой дружескій привѣтъ *Клеберъ.*

Мену отвѣтилъ:

Милѣйшій мой генералъ, красавица пріѣхала; но я не видалъ ее. Я готовъ оказать ей всевозможныя услуги и сдѣлать для нее все, что въ моей власти. лишь бы со стороны мужа не было никакихъ осложненій. Дѣло въ томъ, что я уже давно знаю и по опыту, что изъ вмѣшательства въ подобныя дѣла никогда ничего хорошаго не выходитъ. Будьте увѣрены, что во Франціи объ этомъ еще будетъ говорено; у этого человѣка много враговъ и найдется кое-кто изъ законодательнаго корпуса, кому захочется ему насолить. «Плохо намъ бѣднягамъ придется, если мы впутаемся въ эту войну».

Видно, что Мену еще мало заботился въ то время объ «этомъ человѣкѣ». Мѣсяцомъ позже онъ навѣрное писалъ бы о немъ въ совсѣмъ другомъ тонѣ.

Наконецъ, говорятъ, по милости Деженетта м-мъ Фурэ добилась возможности сѣсть на нейтральный корабль «Америка»

вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными изъ экспедиціи, какъ-то: Лэжъ, Лаллеманъ и Коронсе—сыномъ. Но Америку захватили англичане. И вотъ Белилотта въ плѣну; однако, вскорѣ ее освободили и отвезли во Францію. Она пріѣзжаетъ, когда все уже кончено: примиреніе между Наполеопомъ и Жозефиной состоялось; ея любовникъ сдѣлался первымъ магистромъ республики, а слѣдовательно человѣкомъ обязаннымъ служить образцомъ безупречности и строгости нравственныхъ правилъ. Говорятъ, что онъ даже запретилъ м-мъ Фурэ возвращаться въ Парижъ. Она однако не бращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія и усердно посѣщаетъ французскій и другіе театры. Однако, принять ее Бонапартъ-Консулъ не согласился.

Зато денегъ у ней много: онъ даетъ ей ихъ каждый годъ и всякій разъ, какъ она спрашиваетъ. Онъ покупаетъ ей дачу въ окрестностяхъ Парижа и принимаетъ живое участіе въ ея замужествѣ съ какимъ-то страннымъ подозрительнымъ субъектомъ, нѣкимъ г-номъ Анри де Роншу, пѣхотнымъ офицеромъ въ отставкѣ. Бракосочетаніе состоялось въ Белвилѣ въ 1800 году и мужъ, приключенья котораго стоятъ вниманія—до того они выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ вещей—получаетъ 19-го октября 1801 г. постъ помощники комиссара коммерческихъ сношеній, и черезъ три года уже прочно утверждается на новомъ поприщѣ; въ 1807 году его переводятъ въ Карфагенъ, а 27 іюня 1810 года дѣлаютъ ни больше, ни меньше, какъ консуломъ въ Готенбургѣ.

Жена не сопровождаетъ его и окончательно поселяется въ Парижѣ. Она занимаетъ прекрасное помѣщеніе на улицѣ Наполеона, живетъ на широкую ногу, держитъ цѣлый штатъ прислуги. соритъ деньгами направо и налѣво и, любя до безумія свѣтъ и его удовольствія, усердно посѣщаетъ балы, спектакли, модныя гулянья, принимаетъ массу русскихъ, но въ то же время не брезгаетъ и французами. Въ 1811 году ея любовникомъ числится комендантъ Поленъ, адъютантъ Бертрана, и почти одновременно съ нимъ ея благосклонностью пользуется Пейрюсъ—братъ государственнаго кассира. Все это отнюдь не мѣшаетъ ей бѣгать за императоромъ, ловить его взоръ и желать вызвать его улыбку. На всѣхъ публичныхъ празднествахъ, гдѣ она можетъ надѣяться увидѣть его, она занимаетъ мѣсто въ 1-мъ ряду, На всѣхъ маскарадахъ, гдѣ есть, хоть какое-нибудъ вѣроятіе встрѣтиться съ нимъ она находитъ средство добиться приглашенія. На одномъ изъ такихъ баловъ она вдругъ узнаетъ его подъ домино стальнаго цвѣта, подходитъ къ нему, интригуетъ, дразнитъ, вѣритъ, судя по какому-то случайно брошенному слову, которое очень возможно, ей просто послышалось, что ей, наконецъ, удалось

зажечь въ его душѣ искру прежняго чувства или по крайней мѣрѣ разбудить старое воспоминаніе. «Описать ликованіе, подобное тому, которымъ она была полна на другой день выше силъ моихъ», пишетъ Поленъ. Какъ знать—не на слѣдующій ли день онъ прислалъ ей 60,000 франковъ. Едва Поленъ успѣлъ уѣхать въ Иллирію, какъ на его мѣсто она беретъ другого любовника, беретъ двоихъ, троихъ, десятерыхъ и притомъ всѣхъ національностей, преимущественно же русскихъ и французовъ. Но несмотря на всю беззастѣнчивость своего поведенія, несмотря на громкую славу ея любовныхъ похожденій, она вездѣ принята и самые модные кружки дорожатъ ея обществомъ. Она посѣщаетъ, напримѣръ такія гостиныя, какъ салоны баронессы Жирардъ, графини Сюси баронессы Буайэ. Дѣло въ томъ, что это, дѣйствительно, очаровательное существо, въ высшей степени миловидное и привлекательное, и при этомъ еще талантливое и умное, способное одинаково нравиться какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Стоило ей выпустить въ свѣтъ у издателя Дэлонэ свой романъ—«Лордъ Уэнтвортъ»—и она уже стала извѣстна всей Франціи, какъ присяжная литераторша. Кромѣ того она очень недурно рисуетъ, что можно заключить по ея портрету, гдѣ она изобразила себя сама съ наклоненной головкой обрывающей маргаритку; на этомъ портретѣ она выглядитъ такой миловидной съ своей маленькой кудрявой головкой съ круглымъ, можетъ быть, черезъ чуръ простымъ личикомъ модистки, но съ ослѣпительно-свѣжимъ цвѣтомъ лица, густыми золотистыми волосами, завитыми и причесанными совсѣмъ по дѣтски, съ большими свѣтло-голубыми глазами, съ притворно-наивнымъ выраженіемъ большихъ синихъ глазъ, которымъ тонкія черныя брови придаютъ особый блескъ; и при всемъ томъ нѣжное стройное тѣло, безукоризненно сложенныя руки—словомъ въ общемъ получается впечатлѣніе чего то свѣжаго, юного, милаго, выкупающее живостью колорита и прирожденной граціей слишкомъ, пожалуй, замѣтное отсутствіе благородства, утонченности, того что принято называть «стилемъ».

Къ 1816 году однако финансовыя обстоятельства Белиллоточки начинаютъ запутываться. Сперва приходится нѣсколько сжаться, затѣмъ уже чуть не терпѣть нужду. Тогда не долго думая, она распродаетъ всю свою дѣйствительно роскошную обстановку и ѣдетъ въ Бразилію въ обществѣ нѣкоего г-на Огюста Беллара, отставнаго гвардейскаго офицера. По поводу ея отъѣзда въ Парижѣ распространяются слухи, будто она намѣревается на деньги, полученныя изъ продажи своихъ вещей, завязать сношенія съ администраціей острова св. Елены и попытаться освободить Наполеона. На самомъ же дѣлѣ она объ этомъ вовсе не думаетъ,—одно имя императора приводитъ

ее въ трепетъ и ужасъ; она усиленно аффектируетъ свое благонамѣренное настроеніе и когда м-мъ Д'Абронтэ, расхваливая предполагаемое намѣреніе своей пріятельницы освободить несчастнаго узника, доводитъ до ея свѣдѣнія циркулирующіе въ Парижѣ на этотъ счетъ слухи, м-мъ де-Раншу, энергично протестуетъ и горячо отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было отношеній между нею и Наполеономъ. Мало того: эти слухи весьма огорчаютъ ее, потому что, думаетъ она—они могутъ испортить ей ея мирныя отношенія съ французской полиціей, которая и безъ того наблюдала за нею, какъ за «стариннымъ другомъ Бонапарта», и которая къ ея великой досадѣ въ 1825 году, по ея возвращеніи изъ Бразиліи въ обществѣ все того же Беллара, назойливо слѣдитъ за нею шагъ за шагомъ.

Истинной же причиной всѣхъ ея путешествій, кажется, было исключительное стремленіе уладить свои финансовыя обстоятельства и снова комфортабельно устроиться. Она вывезла съ еобой кой какія вещи, промѣняла ихъ въ Бразиліи на палиссандровую и краснаго дерева мебель, привезла эту мебель съ собой и, продавъ снова, захватила еъ собой новый запасъ вещей изъ Парижа, повторила прежнюю операцію разъѣзжала и хлопотала такимъ образомъ вплоть до 1837 года, когда наконецъ ей удалось окончательно расположиться въ Парижѣ. Здѣсь она продолжаетъ писать, выпускаетъ въ свѣтъ еще новый романъ «Владѣтельница замка въ XII в.»—и мирно проводитъ свои досуги въ скромной квартиркѣ на улицѣ Ville-Evêque, гдѣ окруженная ручными обезьянами и птицами тихо и безмятежно доживаетъ до 92 лѣтъ и умираетъ лишь въ 1869 году; такому существованію позавидовали бы многіе. До конца жизни ни память, ни умственные способности нисколько не измѣняютъ ей; она продолжаетъ писать, рисуетъ, играетъ на арфѣ, пріобрѣтаетъ хорошія картины, поддерживаетъ сношенія съ женщинами, которыхъ знала когда то, завязываетъ новыя знакомства и даже дружбу, между прочимъ съ m-lle Розой Бонёръ.

О ея артистическомъ вкусѣ и рѣдкомъ пониманіи прекраснаго можно судить по довольно многочиленной коллекціи картинъ, которую она завѣщала музею гор. Блуа. (Въ Блуа она попала, благодаря своей дружбѣ съ нѣкоей баронессой Вимпффенъ). Въ этой коллекціи насчитывается не мало картинъ школы Рафаэля, Тиціана, Леонардо-да-Винче, сюжеты картинъ разнообразны: головки Малютки-Христа, Цыгане, Амуры, Психеи, Отшельница, Уроки на флейтѣ—и ничего положительно, что бы напоминало хотя косвенно дворецъ Эльфи-Бея, Египетъ и наконецъ того человѣка, который по праву

долженъ былъ бы занимать первое мѣсто въ жизни этой женщины. Дѣло въ томъ, что г-жа де-Роншу, графиня де-Роншу, какъ она себя называла, сожгла передъ смертью всѣ письма, которыя когда то писалъ ей генералъ Бонапартъ. Казалось, она хотѣла разсѣять всякую тѣнь воспоминанія о той любви, единственно благодаря которой самая личность ея пріобрѣла нѣкоторое право на мѣсто въ исторіи, ибо въ этой очень чувственной, очень юной, почти наивной страсти впервые рѣзко обозначилось съ тѣхъ поръ все возраставшее горячее, неудержимое желаніе Бонапарта имѣть ребенка, собственнаго ребенка, которому вмѣстѣ съ именемъ онъ могъ бы оставить въ наслѣдство лучезарный ореолъ своей славы.

VI.

ПРОЩЕНЬЕ.

Жозефина преспокойно обѣдала въ Люксенбургѣ у президента республики Гойэ, какъ вдругъ словно снѣгъ на голову упала неожиданная для всѣхъ и для нея въ особенности новость о томъ, что Бонапартъ высадился въ Фрегосѣ. Она какъ бы вовсе забыла, что Наполеонъ когда либо существовалъ на бѣломъ свѣтѣ и казалось давно перестала думать о томъ, что онъ можетъ вернуться—до такой степени ея новая жизнь пришлась ей по вкусу и до того вошла она въ роль утѣшившейся вдовы. Пока въ Египтѣ мужъ думалъ о разводѣ, во Франціи жена своимъ поведеніемъ дѣлала этотъ шагъ неизбѣжнымъ. Разставшись съ Барра, звѣзда котораго къ тому же начинала закатываться и готова была со дня на день померкнуть совершенно и который не могъ уже быть ей любовникомъ, она сначала прицѣпилась къ семьѣ Рьвобилль и до такой степени, что готова была чуть ли не самолично устроить сближеніе ихъ сына съ собственной дочерью Гартензіей; послѣ же паденія Рьвобилль, вслѣдствіе измѣненія въ составѣ правительства, она съ одинаково неистовой страстностью отдалась супругамъ Гойэ, чуть ли не съ перваго момента вступленія г-на Гойэ въ сферы республиканскаго правительства. Рейнскій буржуа по происхожденію, Гойэ не безъ аффектаціи разыгрывалъ роль строго-нравственнаго, неподкупнаго, непоколебимо-честнаго гражданина, въ спартанскомъ духѣ.

Благодаря этой своей репутаціи онъ втерся въ Директорію, благодаря ей же съумѣлъ завербовать себѣ Жозефину, которая повѣряла ему всѣ свои любовныя тайны; Гойэ въ каче-

ствѣ покровителя и друга посовѣтовалъ ей просить развода и выйти замужъ за Шарля—совѣтъ самый республиканскій, ибо республика признавала и какъ нельзя болѣе одобряла это мѣропріятіе, съ помощью котораго всякая невѣрная жена могла придать своей любовной связи безупречный видъ и изъ любовницы превратиться въ законную наложницу своего обольстителя. Жозефина колебалась—почти готовая поддаться искушенію; однако еще ни на что не рѣшившись, она нѣсколько забѣжала впередъ и окончательно перессорилась съ Жозефомъ и Люсьеномъ Бонапартами; они же съ своей стороны еще рѣзче, чѣмъ она порвали съ нею всякія сношенія. Она не печалилась: ужъ отъ нихъ то ей рѣшительно нечего было ждать—это навѣрное; ни услугъ, ни даже денегъ, въ которыхъ она постоянно нуждалась. Они съ своей стороны тоже ничего отъ нея не ждали, и если терпѣли ее съ грѣхомъ пополамъ, пока генералъ находился во Франціи, то теперь оба только искали случая выпихнуть Жозефину вонъ изъ семьи, въ которую никто и никогда не желалъ-бы принять ее. Не имѣя ничего общаго съ семьей мужа Жозефина еще короче сошлась съ Гойэ отчасти потому, что будучи членомъ Директоріи онъ могъ ей особенно пригодиться. Правда Гойэ былъ открытымъ врагомъ семьи Бонапартовъ, но чтоже изъ этого? чѣмъ враждебнѣе онъ къ нимъ относился, тѣмъ больше потому самому подходилъ Жозефинѣ. Наконецъ, какъ знать, если покоритель Египта не вернется во Францію,—нельзя ли будетъ снова попытать счастья хоть съ этой стороны—все на свѣтѣ бываетъ. Если же Наполеонъ вернется—и не желательные слухи дойдутъ до него—тогда сама м-мъ Гойэ, надежно защищенная отъ злословія и клеветы своимъ невѣжествомъ, привычками, правилами и манерами мелкой буржуа, какой она была и осталась на всю жизнь,—сама м-мъ Гойэ,—съ своей безупречной репутаціей и искреннимъ расположеніемъ къ Жозефинѣ—развѣ не великолѣпная ширма для прикрытія ея сомнительной дружбы съ Гойэ и для законнаго объясненія ея подозрительно-частыхъ посѣщеній ихъ отеля. Такимъ образомъ дружба между Жозефиной и семьей Гойэ становилась съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе; и вотъ однажды во время «семейнаго» обѣда у Гойэ, на которомъ Жозефина присутствовала въ качествѣ «своего человѣка» получается неожиданное извѣстіе: Наполеонъ прибылъ во Францію и направляется въ Парижъ. Какъ бы не спѣшили курьеры, привезшіе эту вѣсть Директоріи, конечно не на много удалось имъ опередить Бонапарта. Жозефина понимаетъ поэтому, что разсуждать, выбирать, совѣтоваться теперь уже некогда, къ тому же выходъ одинъ—надо взять смѣлостью; она и беретъ

этимъ даже съ Гойэ, котораго почему-то ей вздумалось впутать въ свою игру. «Президентъ, говоритъ она, не бойтесь того, чтобы Бонапартъ пріѣхалъ съ намѣреніями роковыми для свободы и республики; но что-бы то ни было во всякомъ случаѣ мы должны сплотиться, чтобы помѣшать негодяямъ завладѣть имъ». Гойэ ей кажется еще полезнымъ, разумѣется, но прежде всего надо во что бы то ни стало заполучить Бонапарта. Не теряя времени, Жозефина живо требуетъ себѣ почтовыхъ лошадей, она намѣрена летѣть на встрѣчу возвращающемуся мужу, избѣжать всякихъ объясненій, упасть къ нему на грудь, возбудить въ немъ прежнюю страсть,. взять его съ боя, осыпать ласками какъ любовница, пріѣхать въ его каретѣ въ Парижъ, войти подъ руку съ нимъ въ отель на Шантеренъ и вмѣстѣ съ нимъ принимать взбѣшенныхъ Бонапартовъ, которые на этотъ разъ не посмѣютъ наговаривать ему на нее, если и посмѣютъ, то ничего не добьются. На этотъ разъ она не колеблется, не медлитъ, какъ тогда, когда дѣло шло о поѣздкѣ въ Италію; ни Луиза Компуанъ, ни Фортюне не сопровождаютъ ее, даже багажа она не беретъ съ собою и одна въ каретѣ мчится что есть духу по дорогѣ въ Бургонь.

Къ несчастію Наполеонъ проѣзжаетъ по дорогѣ изъ Бурбоннэ и пока томимая нетерпѣньемъ Жозефина, торопя кучера, пожираетъ горизонтъ глазами въ тщетной надеждѣ увидать ожидаемый экипажъ, ея мужъ давно уже въ Парижѣ у своихъ, на улицѣ Виктуаръ. Она спѣшитъ вернуться, но для этого ей пришлось доѣхать сперва до Ліона, такъ какъ обѣ дороги, расходясь подъ Фонтенебло, сходятся вновь только тамъ.

Проходятъ три дня, въ продолженіе которыхъ Наполеонъ уже рѣшившійся все порвать съ женой на основаніи слуховъ дошедшихъ до него еще въ Египтѣ, подробно разспрашиваетъ мать, братьевъ и сестеръ. Этотъ допросъ въ концѣ концовъ не оставляетъ въ немъ болѣе ни тѣни сомнѣнія относительно сущности смѣлаго поведенія Жозефины въ Миланѣ и еще худшей жизни ея въ продолженіе послѣднихъ 17 мѣсяцевъ; повидимому изъ нѣкотораго состраданія къ ней, а можетъ быть и къ нему, Бонапарты не говорятъ Наполеону всего, что знаютъ о Жозефинѣ, да и врядъ ли имъ все извѣстно; какъ бы то ни было даже и того, что было сказано—довольно за глаза. Рѣшеніе Наполеона принято, и повидимому непоколебимо—вся семья торжествуетъ. Тщетно друзья его, которымъ онъ повѣряетъ свои семейныя неудачи, силятся втолковать ему, что единодушное тяготѣніе къ нему народныхъ массъ требуетъ отъ него прежде всего общественной дѣятельности, что нація, видя въ немъ якорь спасенія, уже конечно не ждетъ отъ него скандала, что поднять государственный строй—его

первая и святая обязанность, а отослать отъ себя жену—еще время терпитъ, что наконецъ афишировать свое положеніе обманутаго супруга—значитъ съ перваго шага явиться передъ публикой въ смѣхотворномъ видѣ и что во Франціи смѣшное положеніе—вещь поистинѣ убійственная. Но обо всемъ этомъ Бонапартъ не заботится ни капли. «Она, уѣдетъ,—твердитъ онъ,—что мнѣ за дѣло до того, что скажутъ объ этомъ? Поговорятъ день-другой, а на третій забудутъ». Словомъ, нѣтъ такого соображенія, которое заставило бы его смягчиться и перемѣнить намѣреніе. Никакія выгоды, никакой разсчетъ не въ состояніи пересилить его справедливаго негодованія. Хорошо понимая всю силу и могущество вліянія этой женщины не только на свою чувственность, но и даже на свою душу, онъ, во избѣжаніе встрѣчи, могущей смягчить и растрогать его помимо воли, приказываетъ снести и сложить внизъ къ привратнику всѣ принадлежащія ей вещи. Наконецъ, назначивъ свиданіе братьямъ на слѣдующее утро, чтобы вмѣстѣ съ ними покончить съ послѣдними формальностями супружескаго раздѣла, онъ запирается въ своей комнатѣ и ждетъ.

Тутъ-то и пріѣзжаетъ взволнованная, перепуганная, чуть не обезумѣвшая Жозефина. Для нея вѣдь эта игра на жизнь и смерть, да и та-то уже на три четверти проиграна. Дорогой, можетъ быть впервые за всю свою жизнь, она поразмыслила основательно и весь ужасъ ея положенія предсталъ передъ ней во всемъ своемъ неприглядномъ видѣ. И на самомъ дѣлѣ: если не удастся сейчасъ увидѣть его и побѣдить, куда ей дѣваться? Что дѣлать? Что станется съ ней? Приключенья вродѣ Mr Шарля—скуки ради—это недурно на мѣсяцъ, на полгода, на годъ, но не больше. Какъ могла она поглупѣть до того, чтобы афишировать подобныя шалости. О, всему виной этотъ Барра и другіе въ томъ же родѣ, да еще эта война съ Бонапартами, въ которую ее «втянули», а особенно долги, больше всего эти вѣчные несносные долги. Въ головѣ у нея невозможный сумбуръ. Не умѣя разсчитывать, вѣчно все покупая и никогда никому не платя, она уже въ то время начала тащить за собой, какъ тащила впослѣдствіе во все время Имперіи и до послѣднихъ минутъ своей жизни—безконечную свиту поставщиковъ, дающихъ ей все новые и новые случаи входить въ долги, сорить деньгами и счета которыхъ она добросовѣстно продолжаетъ увеличивать, не заботясь ни капли о томъ, когда и чѣмъ она будетъ по нимъ уплачивать. Но вотъ подходятъ платежные сроки, она въ отчаяньи—она плачетъ, рыдаетъ, теряетъ голову, измышляетъ всевозможныя нелѣпыя, странныя комбинаціи, но стоитъ ей только какъ-нибудь вывернуться, выиграть хоть немного времени — и она

торжествуетъ, воображая, что уже все спасено. Ея размолвка съ мужемъ застаетъ ее какъ разъ въ такое время; говорятъ, что уже тогда однимъ поставщикамъ она задолжала милліонъ двѣсти тысячъ франковъ. И такіе слухи вполнѣ правдоподобны тѣмъ болѣе, что это именно та средняя приблизительная цифра, около которой обыкновенно вертится сумма ея долговъ. Мало того существуетъ еще нѣчто, что она держитъ въ секретѣ: дѣло въ томъ, что она уже успѣла купить въ кантонѣ Габбэ, Дильскаго департамента національныя земли за 1,195,000 франковъ, двѣ трети которыхъ остаются еще не уплоченными, да и тетушка ея г-жа Ренодэнъ въ то время уже вышедшая замужъ за Богарне обманула ея разсчеты и рѣшительно отказалась снабдить ее нужной для задатка суммой. Кромѣ того она скупила у гражданина Лекультеля земли и весь инвентарь въ Мальмезонѣ причемъ земля ей стоила 225,000 франковъ; за 37,516 фр. шелъ весь инвентарь, какъ-то: зеркала, мебель, посуда, запасы провизіи и прочее, до купчей включительно. Вводъ во владѣніе обошелся ей въ 9,111 фр. Изъ всѣхъ этихъ денегъ она внесла только 37,516 фр. за обстановку, включая сюда же и стоимость драгоцѣнностей и бездѣлушекъ къ ней принадлежащихъ. Остальное еще слѣдуетъ уплатить, а кто жъ теперь за это заплатитъ? Конечно, она можетъ сослаться на то, что самъ генералъ, не задолго до отъѣзда своего посѣтившій Мальмезонъ, предлагалъ за него 250,000 фр., т. е. сумму почти равную той, которую потомъ обязалась внести она,—но уже послѣ Мальмезона Бонапартъ видѣлъ замокъ Рисъ и онъ ему понравился гораздо больше, хотя и на немъ онъ не остановился, такъ какъ новая фантазія—купить землю въ Бургоньѣ—отвлекла его отъ прежнихъ проектовъ. Кромѣ того уѣзжая онъ не уполномочилъ ее входить въ какія-либо сдѣлки отъ своего имени, а всѣ деньги оставилъ брату Жозефу. Онъ же и выдавалъ Жозефинѣ въ отсутствіе Бонапарта назначенное ей мужемъ ежегодное содержаніе въ 40,000 франковъ. Одного Жозефа посвятилъ онъ въ свои планы и намѣренія, такъ какъ во время своего пребыванія въ Египтѣ онъ не написалъ женѣ ни одного письма. И вотъ когда Жозефъ внесъ 15,000 фр. по счету Лекультэля, квитанція за этотъ взносъ была сдѣлана на имя генерала, что вовсе не избавляло Жозефину отъ ея личнаго долга, такъ какъ она сама когда-то настояла на томъ, чтобы обозначить въ брачномъ контрактѣ условіе своей и его имущественной состоятельности. Такимъ образомъ у ней не оказалось ничего своего, даже отель на улицѣ Victoire и тотъ былъ купленъ Бонапартомъ. Ея собственность состояла изъ очень немногаго: правда, драгоцѣнности и ларчикъ итальянской работы, въ ко-

торомъ онѣ содержатся, чудо искусства и цѣнности и достойны по словамъ одной очевидицы, фигурировать въ сказкахъ изъ Тысячи и одной ночи, ея картины, статуи, античныя вещи и дорогія бездѣлушки, вывезенныя ею въ качествѣ болѣе или менѣе добровольной дани изъ покоренной Италіи—правда такія вещи стоятъ не дешево, но что все это въ сравненіи съ тѣмъ, что ей придется заплатить, и особенно въ сравненіи съ тѣмъ, что отъ нея ускользаетъ? Итакъ она рискуетъ быть выброшенной на улицу, на нищету, на лишенья, а въ ея года уже поздно разсчитывать на новыя удачи; неизгладимыми чертами легли эти годы на ея увядшую отъ притираній кожу и ничѣмъ ихъ не смоешь, ничемъ не закрасишь. Фигура еще сохранила прежнюю гибкость и грацію молодости, но лицо положительно начинаетъ портиться. И не мудрено—вѣдь она креолка по происхожденію, выйдя замужъ 16 лѣтъ, она уже 12 была вполнѣ сложившейся женщиной, привлекавшей взоры и желанія мужчинъ. (Терсье утверждаетъ, что ухаживалъ за нею между 1776 и 1778 годами). Какъ всѣ южанки, она развилась и состарѣлась раньше женщинъ нашего климата, нашей расы и въ 37 лѣтъ выглядитъ почти что старухой. Слѣдовательно, если ея дѣло сорвется—исправить нечѣмъ, выхода нѣтъ—это ясно. И вотъ измѣряя взглядомъ ту бездонную пропасть, на краю которой она вдругъ очутилась, несчастная, какъ утопающій за соломенку, лихорадочно хватается за послѣднюю надежду на то, что Наполеонъ, увидя ее, дастъ себя уговорить и растрогать. Кое-какъ она пробралась въ отель,—теперь ей нужно во что бы то ни стало проникнуть въ комнату Бонапарта. Напрасно стучитъ она въ дверь, ей не отвѣчаютъ, наконецъ она опускается на колѣни передъ порогомъ и проситъ, и плачетъ, и жалуется. Никакого отвѣта. Та же сцена длится весь день—и опять никакого отвѣта. Наконецъ обезсиленная, подавленная Жозефина впадаетъ въ отчаяніе и, потерявъ всякую надежду, уходитъ къ себѣ и собирается уѣзжать. Тогда ея горничная Агата Рибль вновь подводитъ бѣднягу къ этой неумолимо-запертой для нея двери, бѣжитъ за дѣтьми, Евгеніемъ и Гартензіей, и оба ребенка, преклонивъ колѣни рядомъ съ матерью, плачутъ и молятъ въ свою очередь. Страшная дверь отворяется и съ лицомъ, искаженнымъ той ужасной борьбой, какую ему пришлось только-что выдержать съ собственнымъ сердцемъ, весь въ слезахъ, Бонапартъ показывается наконецъ на порогѣ, молча протягивая впередъ свои дрожащія руки.

Да—это прощеніе. Не то прощеніе, которое впослѣдствіе вернется къ прошлому, о которомъ сожалѣютъ, въ которомъ раскаиваются—нѣтъ, это прощеніе полное, великодушное, съ

забвеньемъ всѣхъ сдѣланныхъ ошибокъ, это—пощада окончательная и безповоротная. Наполеонъ обладаетъ этой удивительной способностью «не вспоминать», и разъ вернувъ свое довѣріе, считать какъ бы вовсе не совершившимися тѣ ошибки и прегрѣшенья, которыя онъ счелъ нужнымъ оставить безъ возмездія и вычеркивать ихъ разъ и навсегда изъ своей послушной памяти. Онъ не только прощаетъ жену, но въ своемъ великодушіи презираетъ и не преслѣдуетъ даже сообщниковъ ея, и дѣйствительно—никого изъ нихъ онъ не лишилъ впослѣдствіе ни жизни, ни свободы—и въ этомъ его духовная высота сказалась особенно ярко. Никому изъ этихъ людей онъ не сталъ поперегъ дороги, не помѣшалъ ихъ карьерѣ, а между тѣмъ при встрѣчѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ каждый разъ страшно блѣднѣлъ. Онъ сознаетъ, что эти люди не виноваты—виноватъ только онъ, виноватъ тѣмъ, что плохо стерегъ жену—и въ его гаремъ, благодаря недостатку любящаго надзора, успѣлъ проникнуть мужчина. Мужа не было и мѣсто мужа долженъ былъ занять любовникъ—это роковое свойство природы, это сила вещей; женщина при такихъ условіяхъ неминуемо должна была пасть—здѣсь уже роковое свойство женской натуры. Если женщину перестали любить—съ ней слѣдуетъ разойтись, ее слѣдуетъ бросить. Если же она еще любима—остается одно—простить и взять ее снова. Что до упрековъ—то какой же въ нихъ смыслъ? Передъ фактомъ Бонапартъ безоруженъ. Что было, того не вернешь.—Онъ принимаетъ все на себя—и покоряется необходимости примириться съ прошедшимъ. Онъ видитъ вещи въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся въ данную минуту и людей оцѣниваетъ въ томъ состояніи, которое они въ данное время переживаютъ, не требуя отъ женщины цѣломудрія или даже той доли чистоты, которой въ нихъ нѣтъ. Въ этомъ, конечно, больше восточнаго, чѣмъ европейскаго и особенно французскаго, но такъ оно есть. Только ужъ съ этихъ поръ онъ приметъ надлежащія предосторожности и, зная или скорѣе воображая себя свѣдущимъ въ томъ, что такое изъ себя представляетъ нравственность и добродѣтель женщинъ вообще,—онъ разъ и навсегда поставитъ себѣ за неуклонное правило—не позволять женѣ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ оставаться съ глазу на глазъ съ какимъ бы то ни было мужчиной. Онъ убѣжденъ, что жену слѣдуетъ стеречь днемъ и ночью, что ни на одну минуту женщину нельзя оставить безъ надзора, что въ этомъ—главное условіе супружеской безопасности, и если этого правила онъ не такъ строго придерживается съ Жозефиной, отъ которой уже не надѣется

имѣть дѣтей, то со второй женой своей онъ будетъ примѣнять его со всей возможной строгостью.

Жозефина торжествуетъ. Полнѣе всего ея торжество надъ семьею Бонапарта, надъ этой ненавистной семьей, которая столько лѣтъ оплакивала неудачную женитьбу одного изъ своихъ членовъ, и которой, наконецъ, удалось, повидимому съ такимъ трудомъ, подготовить и почти устроить желанный разрывъ. Торжество Жозефины тѣмъ сильнѣе, что на другой день послѣ описанной сцены прощенья она дѣлаетъ самого Наполеона орудіемъ и участникомъ своего тріумфа, такъ какъ главнаго поборника развода Люсьена Бонапартъ принимаетъ утромъ въ спальнѣ Жозефины, да еще лежа въ постелѣ. Теперь вопросъ о долгахъ теряетъ свою насущную важность до такой степени, что его и поднимать-то не стоитъ. Разъ Наполеонъ съумѣлъ простить,—неужели же онъ обратитъ вниманіе на такіе пустяки, какъ деньги? Разумѣется нѣтъ. Онъ уплачиваетъ 1,195,000 франковъ за земли въ Дальскомъ департаментѣ, которыя впослѣдствіе пойдутъ въ приданое Маріи-Аделаидѣ или Адели, какъ ее всѣ зовутъ, незаконной дочери покойнаго Богарне, которую Жозефина выдаетъ замужъ за Франсуа Мишеля-Августина-Леконта, пѣхотнаго капитана, назначеннаго ради такого случая чрезвычайнымъ сборщикомъ податей въ Сорла; затѣмъ настала очередь Мальмезона—Наполеонъ заплатилъ и эту бездѣлицу (всего 225,000 франковъ). Онъ согласенъ уплатить и поставщикамъ 1,200,000 франковъ, но предварительно строго провѣряетъ каждый счетъ и вычеркивая вещи записанныя, но не полученныя и сбавляя цѣны тамъ, гдѣ дороговизна слишкомъ бьетъ въ глаза,—ухитряется такимъ образомъ отдѣлаться ровно половинной суммой, т. е. 600,000 франковъ.

Поистинѣ все это должно было-бы навести Жозефину на нѣкоторыя размышленія, если только она вообще способна размышлять: дѣйствнтельно, мужъ уплатившій болѣе чѣмъ на 2,000,000 жениныхъ долговъ такой выгодный содержатель, какого не скоро найдешь и ради котораго, конечно, стоитъ кое-чѣмъ поступиться. Отчасти Жозефина такъ и сдѣлаетъ: показная сторона ея жизни вплоть до самаго развода не подастъ ея врагамъ ни малѣйшаго повода къ злословію; внѣшнимъ образомъ оно будетъ вполнѣ безупречно;—до того ей страшно потерять свое, какъ она выражается, «положеніе». Что до семьи Гойэ, то Жозефина доказала имъ свою благодарность. Она пригласила ихъ къ себѣ завтракать и такъ

какъ Гойэ не явился, то она уговорила м-мъ Гойэ убѣдить мужа принять какое то очень выгодное и почетное мѣсто при новомъ правительствѣ. Гойэ, вѣрный своей суровости, съ негодованіемъ отказался, но когда послѣ двухлѣтней размолвки онъ вернулся поздравить перваго консула, Жозефинѣ удалось доставить ему постъ полномочнаго комиссара въ Амстердамѣ, гдѣ ему такъ понравилось, что онъ пробылъ тамъ 10 лѣтъ, онъ прожилъ бы и долѣе,—всю жизнь, если бы эта должность, не была упразднена въ 1810 году. Тогда, какъ говорятъ, онъ отказался отъ новаго назначенія въ Нью-Іоркѣ, и подалъ въ отставку, при чемъ очень кругленькая пенсія выплачивалась ему во все время реставраціи.

VII.

ГРАССИНИ.

Бонапартъ могъ простить, могъ заставить себя забыть, но уже не могъ снова сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ во время своихъ первыхъ встрѣчъ съ Жозефиной, когда его любовная и свѣтская неопытность, его впервые проснувшаяся чувственность, его едва развернувшійся на всю ширь темпераментъ,—все его молодое пылкое существо трепетало и пьянѣло отъ близости изящной женщины и великосвѣтской дамы. Съ м-мъ Фурэ онъ позналъ прелесть едва расцвѣтающей юности, неоцѣнимую свѣжесть восемнадцати-лѣтней женщины, почти ребенка, и невольное сравненіе между нею и женой постоянно настойчиво возникаетъ въ умѣ его. Онъ уже вошелъ во вкусъ разнообразія и не только не намѣревается, но и не могъ бы бы при всемъ желаніи вновь обратиться въ вѣрнаго мужа. Съ этихъ поръ онъ желалъ бы имѣть въ Жозефинѣ больше друга, чѣмъ женщину, больше близкаго родного человѣка, чѣмъ жену; ему хотѣлось видѣть въ ней благоразумную серьезную совѣтницу, которой бы въ часы откровенныхъ изліяній онъ могъ безъ страха повѣрить часть думъ и желаній, волновавшихъ его тревожную душу; опытную свѣтскую женщину, чьими совѣтами и мнѣніями онъ могъ бы руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, изучить которое самъ онъ не имѣлъ еще времени, и въ которомъ она за то вращалась съ малолѣтства. Онъ желалъ бы видѣть въ ней деликатную и нѣжную сидѣлку, способную окружить его нѣжною почти материнскою заботливостью въ часы физическихъ недомоганій или нравственной подавленности, друга всегда готоваго выслушать, пожалѣть, убаюкать, побаловать, близкое существо

на колѣни къ которому онъ больной или усталый могъ бы положить отяжелѣвшую голову, чтобы успокоиться и забыться подъ мягкимъ прикосновеніемъ ея легкихъ, ласкающихъ рукъ. А по ночамъ она еще была бы ему не только женой но даже любовницей, такъ она все-таки до сихъ поръ остается для него его первой, желанной, любимой подругой,—такой однако подругой и любовницей, при которой не нужно ни стѣсняться, ни сдерживаться, съ которой можно не скрывать своихъ настроеній, которая во всякое время умѣла бы безъ видимаго неудовольствія и съ одинаковой готовностью терпѣливо переносить всякое его расположеніе духа, какъ дурное, такъ и хорошее. Такая женщина должна быть всегда готова путешествовать съ нимъ, безъ страха передъ почти безпрерывными передвиженьями съ мѣста на мѣсто, готова ждать его сколько онъ хочетъ и никогда не заставлять себя дожидаться. Не раздѣляя его дѣятельности, она должна быть съ нимъ за одно во всемъ, что ему ни вздумалось бы предпринять,—кататься въ коляскѣ, запряженной четверкой, которой онъ правитъ самъ, ѣздить съ нимъ на охоту, сопровождать его въ театръ, дѣлая все это съ милой улыбкой на губахъ, спокойной мягкостью въ голосѣ.

Наконецъ, въ своихъ политическихъ замыслахъ Наполеонъ отводитъ Жозефинѣ совершенно особое мѣсто: намѣреваясь преобразовать и возстановить свою дорогую Францію, онъ находитъ, что для этого дѣла въ ней не достаетъ двухъ элементовъ первостепенной важности, а именно: дворянства и духовенства; сплотить послѣднее онъ берется самъ, привлечь къ себѣ первое—предоставить женѣ. Не разбираясь въ таинствахъ іерархическихъ законовъ, на которыхъ было построено прежнее французское общество, не уловивъ едва замѣтныхъ оттѣнковъ, отличающихъ одну касту отъ другой и не имѣя никакого представленія о неприступной прочности традиціонныхъ преградъ, раздѣляющихъ такія касты—онъ смотритъ на это общество, какъ на нѣчто болѣе или менѣе цѣльное. Жезефина, думаетъ онъ, выросла въ аристократической средѣ сможетъ собрать у себя въ салонахъ представителей старой аристократіи она проскользнетъ въ эти сферы—когда-то придворныя, ей не трудно утвердиться въ этомъ избранномъ обществѣ создать себѣ положеніе въ томъ, что было когда-то настоящимъ «большимъ свѣтомъ», въ качествѣ естественной и тактичной посредницы она будетъ провидѣньемъ эмигрантовъ; ея руками будутъ раздаваться милости, благодѣянія, исправляться несправедливости, она понемногу привлечетъ на свою сторону изъ противоположнаго лагеря тѣхъ эмигрантовъ, которыхъ Бонапарту хотѣлось бы видѣть во Франціи, а позже—она же

послужитъ прочной связью между тѣмъ, что еще остается отъ прежняго режима и тѣмъ, что возникнетъ вновь.

Нечего и говорить, что это прекрасная роль, чрезвычайно благодарная и геніально намѣченная; чтобы играть ее Жозефина обладаетъ въ достаточной мѣрѣ и любезностью и непринужденной граціей, и изысканной вѣжливостью; она одарена въ высшей степени тонкимъ чутьемъ, деликатной способностью сказать всегда кстати то или другое любезное и наиболѣе умѣстное слово, ея граціозная манера дѣлать подарки благородно-свободная щедрость, ея тактъ, ея изысканное умѣнье держать себя, гдѣ нужно почтительно и вмѣстѣ съ достоинствомъ, необыкновенная гибкость ума, позволяющая ей вращаясь въ какой угодно средѣ чувствовать себя вездѣ въ своей тарелкѣ. Все это вмѣстѣ взятое обезпечиваетъ ей несомнѣнный успѣхъ въ новой роли. Ей недостаетъ только тѣхъ связей, той воображаемой близости ея къ великосвѣтской средѣ, на которую главнымъ образомъ надѣется Наполеонъ, такъ какъ тѣ сношенія съ представителями старой французской аристократіи, которыя Жозефина умѣла завязать въ тюрьмѣ во время революціи, не только не могутъ пригодиться, а должны были бы сильно вредить первому консулу республики, еслибы онъ съ первыхъ дней не позаботился порвать съ ними разъ и навсегда. Такимъ образомъ на первыхъ порахъ Жозефина чувствуетъ себя очень одиноко и неловко, но по мѣрѣ того, какъ ростетъ значеніе Наполеона, препятствія рушатся сами собой, оттѣнки таятъ и сглаживаются, а честолюбіе или корысть заставляютъ итти на уступки. И эмигранты и парижане съ одинаковымъ рвеніемъ стараются изобрѣсти способъ такъ или иначе сблизиться съ этими Богарне или Тасшерами, и соображая какого рода выгоду можетъ принести соприкосновеніе съ родней нарождающагося свѣтила—пускаются на всевозможныя ухищренія; тутъ выплываютъ прежнія знакомства, старинныя сношенія, тамъ дальнее родство, отъ котораго еще такъ недавно открещивались; мало того прибѣгаютъ къ посредству подчиненныхъ, задобриваютъ лакеевъ и вскорѣ неудержимый потокъ страстей и разсчета увлекаетъ мало-по-малу разорившіеся чуть не до нищеты остатки прежняго «избраннаго общества» въ желтый салонъ Тюльери и въ пестрыя залы Мальмезона. На это вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на слѣдствіе того, что Жозефина, бывшая м-ель Тасшеръ и графиня Богарне по первому мужу;—общество льнетъ къ ней и ея роднѣ только потому, что Наполеонъ сдѣлалъ ее соучастницей своей славы. Къ ней идутъ видя въ ней прежде всего г-жу Бонапартъ, супругу восходящей звѣзды. Въ ней одинаково заискивали бы каково бы ни было ея имя, ея происхожденіе и ея прошлое,

ея дружбы добивались единственно по той причинѣ, что она — спутникъ той планеты, отъ которой ждутъ столько свѣта. Жозефина, однако, пожалуй очень искренно, приписываетъ себѣ это новое движеніе французской аристократіи; она даетъ понять Наполеону, будто оказываетъ ему неоцѣненныя услуги и, что всего страннѣе,—ей удается-таки убѣдить его въ этомъ: будучи увѣренъ, что онъ собственными силами съумѣлъ завоевать симпатіи духовенства, онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что его жена умѣетъ привлечь въ свой лагерь гордую, но нищую аристократію.—Есть-ли на свѣтѣ женщина, которую не удовлетворило бы такое почетно-высокое положеніе, жизнь которой не освѣтила бы и не заполнила такая масса разнородныхъ, но одинаково великихъ задачъ? Не былъ-ли консулъ вправѣ предположить, что Жозефина съ одной стороны изъ чувства благодарности за прощеніе ея вѣроломства, съ другой усвоивъ себѣ съ лѣтами вѣрный взглядъ на разницу ихъ лѣтъ, въ особенности снисходя къ слабостямъ, когда-то слишкомъ свойственнымъ ей самой,—отнесется болѣе или менѣе равнодушно къ его любовнымъ похожденіямъ, тѣмъ болѣе, что они не могли ни повредить ея репутаціи, ни ослабить того расположенія, которое всегда проявлялъ къ ней мужъ, и сверхъ того ревниво сохранялись имъ въ секретѣ, во-первыхъ, изъ страха и отвращенія къ скандалезной гласности, а во-вторыхъ, изъ чувства самоуваженія и сознанья отвѣтственности передъ самимъ собою.

Жозефина однако смотритъ на эти вещи совершенно иначе. Не потому конечно, чтобы ее обуяла лихорадка прежней физической страсти къ мужу и не потому чтобы горячая благодарность за его великодушное прощеніе и блескъ его славы ослѣпили и покорили ея душу, внушивъ ей ту нѣжную благовѣйную глубокую любовь, которая боясь потерять любимое существо постоянно терзается муками жгучей неистовой ревности—ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ—Жозефина по обыкновенію помышляетъ только о себѣ и своемъ «положеніи». Она говоритъ себѣ, что стоитъ Бонапарту охладѣть къ ней ей не миновать развода. Поэтому она живетъ подъ постояннымъ страхомъ, среди безконечныхъ опасеній, выслѣживая его сама и заставляя шпіонить за нимъ другихъ, подкупая для этой цѣли свою прислугу, сама унижаясь до роли шпіонки: устраивая ему сцены, надоѣдая слезами, истерикою, нервными припадками, безъ всякаго разбора вербуя себѣ въ повѣренные всякаго, кто имѣетъ къ Наполеону хоть какое нибудь отношеніе, и даже наперекоръ правдѣ и справедливости выдавая за истину собственныя часто нелѣпыя и всегда грязныя выдумки, выставляя себя несчастною евидѣтельницею то-

го или другаго безобразнаго поступка мужа и въ случаѣ надобности нагло закрѣпляя ложными клятвами свою возмутительную ложь.

А между тѣмъ въ первыхъ увлеченьяхъ Консула мало серьезнаго. На другой или третій день торжественнаго въѣзда его въ Миланъ 14 августа въ честь его устраивается концертъ, въ которомъ участвуютъ двѣ знаменитѣйшія пѣвицы Италіи—Маркези и Грассини. Послѣдней въ то время уже 27 лѣтъ (она родилась въ Барезе въ 1773 г.) и въ смыслѣ физической красоты—она уже далеко не то, чѣмъ была два года назадъ, въ то время когда, будучи страстной почитательницей Бонапарта, въ томъ же самомъ Миланѣ тщетно старалась отнять его у Жозефины. Она уже раздалась, отяжелѣла съ того времени, голова съ рѣзкими чертами лица, черными какъ уголь глазами и густой массой изсиня черныхъ волосъ стала еще рѣзче и даже грубѣе. Красота осталась—это вѣрно, но красота топорная, уличная, не изящная. Огненные глаза, смугло-желтая кожа, внѣшность, говорящая о страстной и глубокой натурѣ, и какъ бы созданная для того, чтобы вводить людей въ заблужденіе на этотъ счетъ, такъ какъ наперекоръ трагическому оттѣнку ея наружности она довольно легко относилась ко множеству своихъ любовниковъ, съ своей стороны нисколько не стѣснявшихъ ея свободы, хотя надо отдать ей справедливость—въ ея похожденіяхъ ни разсчеты, ни корыстолюбіе не играли никакой роли и она мѣняла любовниковъ больше потому, что не находила въ нихъ того, чего искала. Каждый изъ счастливыхъ ея обожателей на первыхъ порахъ казался ей ангеломъ, что она и заявляла въ всеуслышаніе и отъ чистаго сердца; жаль только, что всѣ ея «медовые мѣсяцы» обрывались на первой же недѣлѣ. Если красота Грассини уже начинаетъ блекнуть, зато ничто не можетъ сравниться съ чистотой и мягкостью ея чарующаго голоса и горячей выразительностью ея исполненія. Она не особенная музыкантша и мало думала о законахъ и руководящихъ принципахъ своего искусства, но зачѣмъ ей это, если она сама—прообразъ, воплощенье этого искусства, если она природный художникъ съ головы до ногъ? Ея трогательное, чистое, мягкое и глубокое контральто, равное во всѣхъ регистрахъ само по себѣ уже гармонія. Слушая ее—думаешь, что слышишь не пѣвицу, не простую смертную, а божество, музу, сирену. Ей нѣтъ равной ни въ фразировкѣ, ни въ передачѣ серьезной оперной музыки (въ комическихъ операхъ она совсѣмъ плоха), ни въ той полнотѣ высокаго трагизма, которой полна ея игра и мимика и отъ которой вздрагиваетъ и трепещетъ театральная публика. Можно представить себѣ силу того впе-

чатлѣнія, какое произвело дивное пѣніе Грассини на душу Бонапарта съ дѣтства страстно любившаго музыку вообще, а пѣніе въ особенности. Изъ всѣхъ искусствъ, пользовавшихся его неизмѣннымъ покровительствомъ, музыка—единственное; къ которому онъ имѣетъ природное пристрастіе; что до прочихъ—то ихъ онъ поощряетъ или изъ политическихъ видовъ или изъ любви ко всему грандіозному или же наконецъ для того, чтобы увѣковѣчить въ нихъ себя и свою эпоху. Одной музыкой онъ дѣйствительно наслаждается вполнѣ и отъ души, ее онъ любитъ ради нея самой за тѣ ощущенья, которыя она ему доставляетъ. Она успокаиваетъ ему нервы, баюкаетъ, навѣваетъ грезы, очаровательно смягчаетъ грусть и согрѣваетъ сердце. Нужды нѣтъ, что самъ онъ поетъ фальшиво и совсѣмъ не знаетъ нотъ; до того глубока въ немъ музыкальная чуткость, до того сильно дѣйствуетъ на него хорошее исполненіе, что онъ способенъ положительно не помнить себя и теряетъ до такой степени обычное самообладаніе что въ одну изъ такихъ блаженныхъ минутъ—даетъ такой орденъ, какъ Желѣзной короны, какому то простому сопрано Крешентини; чувствовать музыку такъ глубоко—надо полагать—способны не многіе изъ тѣхъ, которые знаютъ не только ноты, но и теорію музыки.

Въ Грассини—его соблазняетъ не столько женщина, сколько пѣвица. Что до нея то послѣ двухлѣтняго ожиданья—можно себѣ вообразить, долго ли она ему противилась? На другой же день послѣ концерта, она завтракала съ консуломъ въ его кабинетѣ въ обществѣ Бертье и на этомъ утреннемъ свиданіи было рѣшено, что она прибудетъ въ Парижъ нѣсколькими днями прежде Бонапарта и что ей достанутъ тамъ ангажементъ въ театрѣ «Республики и искусствъ». Уладивъ болѣе или менѣе предстоящую поѣздку дивы въ Парижъ, Наполеонъ счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности для того чтобы не возбудить подозрительной ревности жены. Такъ въ 4 бюллетенѣ Итальянской арміи говорилось такъ: «Генералъ аншефъ (Бертье) и первый консулъ присутствовали въ концертѣ, который, не смотря на то что былъ импровизованъ на скорую руку, оказался очень удачнымъ; итальянское пѣніе всегда имѣетъ новое и новое очарованіе. «Знаменитую Биллингтонъ, Грассини» и Маркези ждутъ въ Миланъ. Утверждаютъ, будто онѣ собираются ѣхать въ Парижъ, чтобы дать тамъ нѣсколько концертовъ.

Хитрость, положимъ, довольно неуклюжая и замѣтная, но зато вполнѣ извинительная, такъ какъ эти строки относятся только къ Жозефинѣ. Какъ старательно силится Наполеонъ скрыть свою измѣну отъ такой жены, какъ Жозефина, какъ

умышленно путаетъ факты, съ какой разсчитанной небрежностью ставитъ имя Биллингтонъ передъ именемъ своей новой любовницы. Въ теченіе всего времени пребыванія своего въ Миланѣ, какъ до такъ и послѣ Маренго, онъ проводитъ всѣ свободные часы, слушая пѣніе Грассини. Ея чудесный голосъ покоряетъ его, онъ считаетъ ее самымъ удивительнымъ, самымъ дорогимъ трофеемъ своихъ послѣднихъ завоеваній; онъ хочетъ, чтобы она и только она воспѣвала его торжество и его побѣды; къ празднику согласія, 14 іюня, онъ желаетъ, чтобы Грассини была въ Парижѣ, для того чтобы вмѣстѣ съ знаменитымъ итальянскимъ теноромъ Бьянка исполнить арію, которую министру внутреннихъ дѣлъ немедленно приказано заставить сочинить на тему «Объ освобожденіи Цизальпинъ и славѣ французскаго оружія», причемъ Консулъ настаиваетъ на томъ, чтобы вещь была написана на итальянскомъ языкѣ и переложена на красивую музыку.

Спустя 23 дня послѣ этого приказа, въ церкви Инвалидовъ, назначаемой обыкновенно для всевозможныхъ военно-религіозныхъ церемоній, и убранной съ большимъ вкусомъ и помпой, собралось все оффиціозное общество Франціи и едва первый консулъ успѣлъ занять мѣсто на эстрадѣ, какъ Грассини, выступивъ впередъ, начала съ Бьянки, свой дуэтъ, или вѣрнѣе дуэты, такъ какъ ихъ было цѣлыхъ два, и оба исполнялись на итальянскомъ языкѣ, непрерывно одинъ за другимъ. «Кто же, говоритъ «Moniteur»—могъ бы лучше воспѣть Маренго, какъ не тѣ, кому это происшествіе упрочиваетъ покой и счастье?

Было, конечно, немного смѣло—со стороны Бонапарта заставить свою любовницу пѣть на такомъ оффиціальномъ празднествѣ и заподозри только кто-нибудь эту связь,—сплетенъ, злословія и насмѣшекъ Наполеонъ буквально не обобрался бы. По счастью, какъ кажется, въ то время, тайна оставалась тайной и никто не владѣлъ еще ею, ни даже Жозефина, повѣрившая бюллютеню. Къ тому же этотъ капризъ чисто физической страсти повидимому не обѣщалъ быть особенно продолжительнымъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Милана, опьяненная давно желаннымъ успѣхомъ тамъ, гдѣ когда то ей пришлось перетерпѣть всю горечь неудачи, Грассини вообразила себѣ, что будетъ играть большую роль не только въ театрѣ, но и въ политикѣ. Ея кредитъ, какъ любовницы перваго человѣка Франціи и ея вліяніе на него самого и на все его окружающее, представлялись ей безграничными, громадными и, будучи по натурѣ своей очень доброй и обязательной дѣвушкой, она уѣзжала буквально нагруженная порученьями, просьбами о повышеньяхъ, мѣстахъ и самыхъ раз-

нородныхъ ходатайствахъ отъ имени своихъ соотечественниковъ. Бѣда однако въ томъ, что Бонапартъ былъ не изъ тѣхъ, которые допускаютъ дѣловые разговоры тогда, когда имъ хочется говорить о любви; кромѣ того онъ требовалъ, чтобы Грассини нигдѣ не показывалась, никуда не выѣзжала и жила бы затворницей въ маленькомъ отелѣ на улицѣ Шантеренъ. Ни то, ни другое рѣшительно не было въ духѣ итальянской дивы, мечтавшей о существованіи совсѣмъ другого рода, въ которомъ не малую роль занимала-бы именно чисто ужъ по итальянски-безцеремонная открытая связь, могущая помочь ей выдвинуться и—сдѣлать популярными ея имя, талантъ и красоту. Смертельно скучая, безъ сцены такъ какъ ея ужасное произношеніе закрыло передъ ней двери парижской оперы, а за отсутствіемъ въ то время въ Парижѣ итальянской серьезной оперной сцены, ей рѣшительно негдѣ было пѣть,—прекрасная итальянка въ видѣ развлеченія взяла себѣ въ любовники скрипача Рода. Наполеонъ скоро узналъ объ этомъ и порвалъ свои отношенія съ Грассини, но не смотря на всѣ тревоги и опасенія счастливаго скрипача, дрожавшаго за участь своей артистической карьеры, ни онъ, ни Грассини не пострадали отъ этого. Напротивъ два раза сряду консулъ предложилъ влюбленнымъ для совмѣстныхъ концертовъ залъ театра Республики (17 марта и 10 октября 1801 года). Послѣдній концертъ прошелъ особенно блестяще; сборъ съ него поднялся до 13,868 фр. 75 сантимовъ, а восторгъ, которымъ дышалъ отзывъ объ исполнителяхъ, помѣщенный въ «Moniteur'ѣ» мѣстами достигалъ даже лиризма. Потомъ Грассини принялась за прежнюю бродячую жизнь звѣзды театральныхъ подмостокъ, безпрестанно кочуя съ мѣста на мѣсто, то въ Берлинъ, то въ Лондонъ, то въ Миланъ, то въ Геную, чествуемая и носимая на рукахъ разноплеменной, но одинаково восторженной публикой посѣщаемыхъ странъ, причемъ въ Лондонѣ, напримѣръ, ей платили 3,000 фунтовъ стерлинговъ за 5-ти мѣсячный сезонъ. И все таки каждый разъ, какъ ей случается проѣзжать черезъ Парижъ, она неизмѣнно навѣщаетъ секретное помѣщеніе въ Тюльери, двери котораго также неизмѣнно и гостепріимно отворяются передъ нею. Въ этихъ посѣщеніяхъ не было ничего предосудительнаго, что не мѣшало однако Жозефинѣ выходить изъ себя и терять голову. «Я узнала», пишетъ она одной изъ своихъ безчисленныхъ наперсницъ,—«что Грассини уже 10 дней какъ въ Парижѣ. Мнѣ кажется—она одна причиной всѣхъ мученій, которыя я испытываю. Увѣряю васъ, милочка, что если бы на моей сторонѣ была хотя тѣнь какой-нибудь вины, Вамъ я откровенно разсказала бы все. Вы хорошо сдѣлаете, если пошлете Юлію (горнич-

ную) узнать, не былъ ли у него кто-нибудь. Старайтесь также развѣдать, гдѣ живетъ эта женщина».

Вся мелочная натура Жозефины—развѣ не выразилась вполнѣ въ этихъ несвязныхъ строкахъ? Что ей собственно за дѣло до Грассини? Развѣ не знаетъ она сама отлично, что между пѣвицей и Бонапартомъ нѣтъ и не можетъ быть никакой серьезной связи, развѣ неясно для нея, какъ и для всѣхъ, что эти свиданія ничто иное, какъ безобидныя вспышки прежняго, забытаго чувства, въ которыхъ воспоминаніе играетъ неизмѣримо большую роль, чѣмъ самое чувство или желаніе. Нѣтъ, ей нужно все знать, ей необходимо шпіонить, собирать свѣдѣнія, запасаться оружіемъ противъ мужа; а ея слезы, ея жалобы, стенанья обращенныя къ женщинѣ, которую Бонапартъ не выноситъ до такой степени, что чуть не гоняетъ ее вонъ изъ Тюльери—развѣ въ этой безтактности не выразилась цѣликомъ вся Жозефина, вся неприглядная сущность ея безтолковой натуры? Однако, въ 1807 году, когда «камерная музыка» начинаетъ организоваться и процвѣтать въ Парижѣ—Жозефина повидимому нѣсколько угомонилась, такъ какъ на этотъ разъ Наполеонъ самъ открыто вызываетъ Грассини въ Парижъ; онъ предлагаетъ пѣвицѣ (именно пѣвицѣ, а не женщинѣ) 36,000 франковъ годоваго содержанія, 15,000 фр. ежегодныхъ наградныхъ суммъ, не считая случайныхъ наградъ и 15,000 фр. ежегодной пенсіи на случай ея отставки. Кромѣ того въ ея распоряженіе представляется одинъ разъ въ зиму залъ Оперы или Итальянскаго театра, гдѣ она можетъ устраивать концерты въ свою пользу, и полная свобода располагать ваканціями и отпусками, при чемъ громкое званіе «первой придворной пѣвицы Его Величества Императора и короля», должно не только льстить ей, но и внести новый блескъ въ ореолъ ея славы.

Правда, этотъ громкій и почетный титулъ не смогъ защитить ее отъ бандитовъ, населяющихъ большія дороги: несмотря на высокій постъ путешественницы 19 октября 1807 года близъ Руврэ, на границѣ Іонны и Котъ-д'Ора, ея почтовую карету безцеремонно осадили 4 дезертира какого-то швейцарскаго полка. Бѣдняга была ограблена дочиста, изнасилована и жестоко избита, но не прошло и двухъ дней, какъ злоумышленники получили должное возмездіе, причемъ Императоръ наградилъ орденомъ Почетнаго Легіона командующаго національной гвардіей Дюрандо, собственноручно убившаго двухъ бандитовъ и арестовавшаго третьяго. Говорятъ, что ограбленная Грассини умоляла бандитовъ, сорвавшихъ уже съ нея окруженный брилліантами портретъ Императора взять камни, но отдать ей изображеніе ея «дорогого властелина».

Это очень возможно, если припомнить, что слыша какъ то въ одномъ салонѣ, какъ возмущались по поводу дарованнаго Крешентини ордена «Желѣзной короны», пылкая итальянка воскликнула: «Что же развѣ вы позабыли его раны»?

Словомъ, ея умъ, а онъ у нея былъ—это несомнѣнно—носилъ на себѣ особенный отпечатокъ ея артистической натуры, какъ говоритъ о ней современникъ, хорошо ее знавшій. Болтовня ея, нѣсколько вульгарная, скрашивалась мягкостью и пѣвучестью итальянскаго акцента; не стѣсняясь въ выраженіяхъ, она бравировала тѣмъ, что Буало называетъ прямотой. Вотъ въ общихъ чертахъ нравственный обликъ знаменитой Грассини.

Съ 1807 и по 1814 годъ дѣло обстоитъ такъ: Грассини получаетъ съ Наполеона 70,000 франковъ въ годъ, слѣдовательно даже больше чѣмъ съ публики. Послѣдняя впрочемъ съ годами значительно поохладѣла, прежній энтузіазмъ спалъ, хотя итальянскій театръ все еще посѣщается довольно усердно особенно въ ноябрѣ 1813 года, когда при блестящей обстановкѣ ставится опера Чимарозы «Горація и Куріація». Зато въ придворномъ театрѣ Грассини пользуется все тѣмъ же успѣхомъ, несмотря на свои почти 40 лѣтъ. Но разъ владыка находитъ, что все прекрасно,—дворъ не смѣетъ итти наперекоръ его желаніямъ и вкусамъ, да къ тому же съ этимъ дворомъ никто и не думаетъ совѣтоваться даже и въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе что аплодисменты, какъ и свистки, съ одинаковой строгостью запрещены этикетомъ.

Среди мертваго молчанья лились и замирали рулады и трели артистовъ подъ сводами, одинаково чуждыми одобряющихъ и порицающихъ звуковъ. «Какъ это удобно для посредственности»—говаривала Грассини. Однако и для нея это молчаніе было удобно, избавляя ее отъ возможности измѣрить всю глубину печальной перемѣны, которой съ годами подвергался ея божественный голосъ и поддерживая въ ней очевидную увѣренность въ томъ, что она все та же несравненная Грассини, какою была когда то въ Миланѣ. Не потому ли что и Наполеонъ раздѣлялъ эти иллюзіи, продолжалъ онъ платить ей попрежнему? Она однако не чувствовала себя благодарной своему Императору и послѣ его паденія, въ силу ли денежныхъ затрудненій (въ числѣ ея пороковъ была страсть къ азартнымъ играмъ) въ силу ли своего влеченія къ знаменитымъ людямъ вообще,—она пѣла и даже больше чѣмъ пѣла для герцога Веллингтона. Бѣдный герцогъ былъ одержимъ курьезной маніей подбирать объѣдки Наполеона и во всемъ подражать ему. Такъ ему захотѣлось во что бы то ни стало заказать свой портретъ портретисту Наполеона Давиду, кото-

торый ѣдко отвѣтилъ ему, что онъ—художникъ только «исторіи». Зато въ наслѣдство послѣ Наполеона ему все-таки досталась, какъ пѣвица и женщина, знаменитая 42-хъ лѣтняя Грассини. Но не все ли равно, развѣ у сороки есть сердце?

VIII.

АКТРИОЫ.

Грассини—не больше какъ случайная скоро проходящая страсть, и какъ ни ревновала къ ней Жозефина—во всякомъ случаѣ она ревновала не долго. Послѣ нея секретный ходъ въ Тюльери стали посѣщать и другія женщины съ театральныхъ подмостокъ и частые визиты иныхъ могли имѣть видъ привычныхъ посѣщеній постоянныхъ любовницъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти приключенія съ актрисами не должны бы были, несмотря подчасъ на тревожные симптомы, безпокоить Жозефину; это были женщины весьма скудно одаренныя добродѣтелями, ни къ одной изъ нихъ Наполеонъ не могъ привязаться и требовалъ отъ нихъ лишь красоту да извѣстную долю любезной уступчивости на то очень короткое время, которое находилъ нужнымъ имъ посвящать. Но Жозефинѣ довольно было и того, что онѣ появлялись и уже одно ихъ присутствіе доводило до изступленія эту вѣчно подслушивающую и подсматривающую ревнивицу, когда она со свѣчей въ рукѣ, вся въ слезахъ металась по корридорамъ и лѣстницамъ, преслѣдуемая одной лишь мыслью, горя однимъ желаніемъ во что бы то ни стало застать невѣрнаго мужа на мѣстѣ преступленія, разыграть чудовищную эффектную сцену и выставить передъ нимъ всю гнусность его поведенія. Не будь Жозефины—большинство этихъ ничего не значущихъ приключеній никто такъ и не узналъ бы: это она ихъ открываетъ, толкуетъ о нихъ, комментируетъ, при случаѣ и выдумываетъ, такъ какъ никто такъ гладко не лжетъ, какъ она. Но какъ ни банальны всѣ эти романы и какъ они ни кратковременны, Наполеонъ однако переживалъ ихъ, и этого достаточно для того, чтобы ихъ стоило просмотрѣть, хотя бы вскользь, тѣмъ болѣе, что здѣсь мы наткнемся на такія особенности его характера, которыхъ тщетно искали бы въ другихъ фазисахъ его жизни. Кромѣ Грассини да еще можетъ быть м-мъ Бранш, до того некрасивой женщины, что смѣшно было бы предположить хотя бы въ шутку, чтобы она могла ему нравиться не увлекись онъ въ ней на минуту обаятельной силой и выразительной нѣжностью ея трагическаго таланта, безподобной красотой воплощенныхъ ею образовъ Дидоны, Альцесты и Весталки, кромѣ

этихъ двухъ пѣвицъ Наполеонъ не имѣлъ больше ни одной, какъ не имѣлъ и ни одной танцовщицы не смотря на то, что въ его время баллерины больше всего были въ модѣ; такъ напр. Клотильду за 100,000 франковъ въ мѣсяцъ содержалъ князь Пиньялетти, у котораго адмиралъ Мадзарело отбилъ ее предложивъ ей сумму на 400,000 франковъ въ годъ больше той которую она получала отъ князя; въ то же время Биготтини—мать многочисленнаго потомства обирая кого попало и не брезгая ничемъ и никѣмъ собирала колоссальныя богатства, которыми впослѣдствіе щедро надѣлила свое огромное потомство, причемъ каждому члену почтенной ея семьи хватило за глаза не только на не безбѣдное, но и на вполнѣ комфортабельное существованіе.

Ни одной, хотя бы и мимолетной, интриги Наполеонъ не имѣлъ и съ комическими актрисами. Исключеніе составляетъ, да и то не навѣрное, развѣ только М-lle Леверъ, если судить о томъ по приказанію принять ее въ составъ труппы Французской комедіи въ 1808 году послѣ перваго же дебюта ея въ Сенъ-Клу; конечно ужъ не г-ну Ремюза, главноуправляющему театра, была она обязана своимъ новымъ назначеніемъ, тѣмъ болѣе что и впослѣдствіи, вопреки волѣ, приказаніямъ и даже письменнымъ предписаніямъ Императора, онъ долгое время ожесточенно преслѣдовалъ своими ухаживаніями злополучную артистку. Кто же, какъ не Императоръ, былъ ея покровителемъ? Это очень вѣроятно, хотя досканально и не извѣстно. Какъ бы то ни было, она—очаровательное существо, красивое, кокетливое, граціозное, блестящее, которымъ мудрено не залюбоваться, которому есть чѣмъ привлечь. Таланта, положимъ, мало,—это правда, ну что жъ за бѣда? Если Наполеонъ и увлекся ею,—что еще неизвѣстно, то это былъ первый и единственный случай его увлеченія комической актрисой. По натурѣ своей, темпераменту и вкусу онъ тяготѣлъ больше всего къ трагедіи и трагическимъ артисткамъ.

Для трагедіи—то было чудное время торжества и процвѣтанія. Всегда переполненный залъ Французскаго театра включалъ въ себѣ публику, состоявшую въ большинствѣ изъ знатоковъ и цѣнителей съ одной стороны, а съ другой — изъ энтузіастовъ—солдатъ, одушевленныхъ всѣми благородными, возвышенными чувствами и стремленьями. И передъ этой-то избранной, но глубоко отзывчивой публикой, безукоризненно выдрессированная, сыгравшаяся и образцовая по составу труппа строго и твердо поддерживала традиціи эпической литературы. Для этихъ артистовъ, которымъ Императоръ неизмѣнно покровительствуетъ, онъ въ то же время не жалѣетъ подчасъ строгой и даже злой критики, но зато не жалѣетъ и денегъ.

Онъ придерживается того мнѣнія, что театръ—та же школа для публики, а артисты призваны съ подмостковъ говорить націи ту высшую правду, которая должна вліять прежде всего на духовное развитіе формирующейся націи.

«Слѣдуетъ сдѣлать изъ трагедіи школу, одинаково доступную монархамъ и народу», говоритъ Наполеонъ знаменитому Гетэ,—«это та высшая точка, до которой только можетъ подняться поэтическій геній». Разъ какъ-то вечеромъ передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ говоритъ одному приближенному: «Трагедія грѣетъ сердце и возвышаетъ душу, она можетъ и должна творить героевъ», и тутъ же прибавляетъ: «если бы былъ живъ Корнель, я сдѣлалъ бы его княземъ».

Наполеонъ не поклонникъ драмы, характеръ которой кажется ему слишкомъ неопредѣленнымъ, расплывчатымъ, и еще менѣе поклонникъ комедіи, которая на его взглядъ не многаго стоитъ, тѣмъ болѣе что комедія даже въ лицѣ такихъ представителей, какъ Мольеръ и Бомарше, возмущаетъ его до глубины души, въ лицѣ Лезажа кажется отвратительной, а въ лицѣ Фабра Д'Эглантинъ—неправдоподобной и жалкой. Онъ ничего не смыслитъ въ фарсѣ, и это «шутовство» не можетъ развлечь его, какъ и не можетъ подѣйствовать на его умъ или даже нервы.

Всѣ недоступныя ему тонкости легкаго жанра, милая игра словъ, удачные каламбуры, остроумно подмѣченныя черточки, штрихи, которыми очерчена не самая суть вещей, а лишь остроумно подчеркнутая особенность или едва уловимый оттѣнокъ, красиво написанные, но мало содержательные стихи, бойкіе куплеты, замысловатыя хитросплетенія въ словахъ и положеніяхъ, дающія иногда обманчивую иллюзію присутствія въ нихъ серьезной и дѣйствительной мысли—вся эта мишура совершенно ускользаетъ отъ него; мало того онъ его презираетъ, не снисходитъ до нея, а главное совсѣмъ не понимаетъ.

Трагедія, напротивъ представляется ему величавой, благородной и сильной. Въ ней нѣтъ ничего вульгарнаго—это главное; въ ней онъ видитъ и слышитъ существъ, себѣ подобныхъ,—героевъ, королей и боговъ; они говорятъ его устами, думаютъ его мыслями, чувствуютъ его сердцемъ; такимъ именно языкомъ героя и бога будетъ онъ говорить своему потомству, когда всесглаживающее время позволитъ этому потомству дерзость вывести даже и его жизнь на театральные подмостки.

По мѣрѣ процвѣтанія и развитія трагедіи во Франціи исполнительницы его любимыхъ твореній очень естественно начинаютъ все болѣе и болѣе интересовать Императора; къ нимъ какъ-то особенно лежитъ его сердце. И это вполнѣ понятно.

Вѣдь задорныя мордочки субретокъ, вызывающій шикъ grandes coquettes, фальшивая наивность ingénues, все это онъ ежедневно встрѣчаетъ у себя при дворѣ, и всѣ фигурантки великосвѣтской комедіи того или другого типа одинаково доступны ему и съ одинаковой поспѣшностью бросились бы къ нему на шею по первому мановенію руки его. Зато Федры, Андромахи, Герміоны, Ифигеніи—о, эти-то ужъ не похожи на современныхъ сиренъ, которыми кишитъ дворъ и Франція,—это существа сверхъестественныя, почти божественныя, которыхъ исторія и поэзія украсила всѣми сокровищами, всѣмъ ореоломъ недосягаемаго величія. И эти величавые образы овладѣваютъ его пылкой фантазіей, уносятъ его душу отъ меркантильной дѣйствительности, и при видѣ артистокъ, воплощающихъ на сценѣ чудные, понятные, родные ему образы, онъ невольно отождествляетъ, исполнительницъ съ исполняемымъ и хочетъ и ищетъ въ нихъ не ихъ самихъ, но тѣхъ понятныхъ и близкихъ ему въ ихъ изображеніи героинь и богинь. Сходясь съ ними онъ не разочаровывается, но съ этими женщинами грубый характеръ его чувственныхъ прихотей теряетъ свою неприглядную рѣзкость и какъ бы заволакивается легкою дымкой обманчивой поэзіи.

Разумѣется, подобныя иллюзіи длятся недолго, разумѣется, очень скоро онъ снова приходитъ въ себя и, постоянно заволенный работой, располагая самымъ ничтожнымъ количествомъ свободнаго времени для такихъ пустяковъ, и къ тому же небольшой мастеръ говорить любезности или скрывать свои настроенія, онъ нерѣдко слишкомъ ясно высказываетъ свое пренебреженіе къ тѣмъ, которыя такъ беззастѣнчиво являются къ нему по первому зову, по первому приглашенію, переданному черезъ прислугу, и говоритъ бѣдняжкамъ въ глаза такія нелестныя вещи, какія въ другомъ сочли бы за цинизмъ. На самомъ же дѣлѣ въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего циничнаго. «Всему; что соприкасалось со страстностью его натуры, всему, что такъ или иначе служило предметомъ или аксессуаромъ его сладострастья», говоритъ о немъ одинъ изъ его интимныхъ слугъ,—«Онъ придавалъ оттѣнокъ поэзіи и для всего изобрѣталъ поэтичныя имена и названія», Нѣкоторая же грубость рѣчи, свойственная ему вообще, въ обращеніи съ женщиной,—нѣчто, иное, какъ манера скрывать тотъ легкій оттѣнокъ замѣшательства, которое онъ ощущаетъ каждый разъ при встрѣчѣ со всякой женщиной, какова бы она ни была; чтобы не дать замѣтить собственную застѣнчивость, онъ усиленно разыгрываетъ изъ себя фанфарона и старается выставить на показъ порокъ вовсе ему несвойственный. Даже и на островѣ Св. Елены онъ силится выставить себя болѣе свѣдущимъ въ чувственности, чѣмъ въ чувствахъ, а между

тѣмъ трудно найти человѣка болѣе чуткаго и даже сантиментальнаго, чѣмъ онъ.

Конечно, въ данномъ случаѣ чувство не при чемъ, подобные капризы его происходили все же отъ чувственности, если не отъ физическаго, то какъ бы отъ умственнаго сладострастія и чрезмѣрно возбужденнаго воображенія; но часто за минуту передъ тѣмъ страстно желая имѣть такую-то женщину, онъ охладѣваетъ къ ней, едва она подошла къ его двери. Стучатъ въ дверь, чтобы предупредить о ея прибытіи. «Пусть идетъ!» Кричитъ онъ за дверью. Стучатъ опять «Пусть раздѣвается!» Стучатъ еще,—«пусть убирается вонъ»! И онъ снова садится за работу.

M-lle Жоржъ единственная, въ связи съ которой Наполеонъ сознается открыто; о ней одной позже, на островѣ Св. Елены, онъ, лишенный какихъ бы то ни было женщинъ, вспоминаетъ съ нѣкоторымъ сладострастіемъ. «По части актрисъ», говоритъ онъ, «у меня не было ни одной, кромѣ m-lle Жоржъ», и когда одинъ изъ его офицеровъ отвѣчаетъ: «Я да и весь Парижъ вообще думалъ, что Ваше Величество имѣли также m-lle Сентъ-Обенъ, m-lle Гаваданъ, говорили еще про Буржуанъ и Вольнэ»,—онъ отвѣчаетъ на это: «Никогда, навѣрное онѣ сами позаботились распустить этотъ слухъ, чтобы набить себѣ цѣну». На m-lle Жоржъ онъ напротивъ того настаиваетъ, «только»,—говоритъ онъ, «я раскаялся, когда узналъ, что она объ этомъ вездѣ болтала».

Однако, когда она первый разъ была у него, онъ сконфузилъ ее такой фразой: «Ты не сняла чулокъ, у тебя, значитъ, скверныя ноги», тутъ не грубость, а просто въ такомъ совершенномъ и безукоризненномъ по красотѣ созданьѣ, какой была тогда молоденькая Жоржъ, почти единственный недостатокъ этотъ такъ бросился ему въ глаза среди изумительной гармоніи и прелести всего остального, что у него невольно вырвалось замѣчаніе.

Трудно найти человѣка, болѣе чувствительнаго къ красотѣ рукъ и ногъ, чѣмъ Наполеонъ. Это первое, что онъ замѣчалъ въ каждой женщинѣ, и если видѣлъ, что то и другое не красиво, то говорилъ: «Elle a les abattis canailles». У Жоржъ, прелестной семнадцатилѣтней дѣвушки, все было восхитительно головка, плечи, руки, торсъ; исключеніе составляли кисти рукъ и въ особенности ступни ногъ, испорченныя еще съ дѣтства деревянными башмаками, въ которыхъ ей частенько приходилось мести дворъ передъ домомъ отца—директора театра и капельмейстера въ одно и тоже время. Наполеонъ только что устроился въ Сенъ-Клу, когда ему пришла первый разъ фантазія пригласить къ себѣ m-lle Жоржъ, кото-

рую онъ и принялъ въ маленькой комнатѣ рядомъ съ оранжереей. Такъ какъ его пребываніе въ новой резиденціи длилось на этотъ разъ очень долго, почти цѣлую зиму, то онъ часто призывалъ Жоржъ къ себѣ.

Будучи всегда большимъ поклонникомъ ея рѣдкой красоты, онъ кромѣ того забавлялся живостью и блескомъ ея остроумной бесѣды. Она посвящала его въ закулисную хронику, остроумно копировала жестами и мимикой курьезныя сценки, разыгрывающіяся ежедневно въ фойэ французскаго театра, гдѣ можно было многаго чего наслушаться, да и насмотрѣться. Вернувшись въ Парижъ, Наполеонъ не переставалъ видаться съ нею въ своемъ помѣщеніи, но никогда не бывалъ у нея, и потому ни разу не столкнулся у ней ни съ Костеромъ, ни съ Сенъ-Викторомъ, ни съ кѣмъ-либо изъ другихъ ея любовниковъ. Всего на всего эта связь длилась два года, въ теченіе которыхъ Жоржъ имѣетъ претензію заявлять, что была абсолютно вѣрна своему Императору, чего впрочемъ никто отъ нея и не требовалъ. Жозефина скоро узнала о новомъ увлеченіи мужа и это почему-то до того ее встревожило, что она не поскупилась на этотъ разъ на самыя жестокія сцены и самыя горькія слезы.—«Она волнуется больше, чѣмъ слѣдуетъ», говорилъ Бонапартъ. «Она боится, чтобы я не влюбился серьезно. Неужели она еще не знаетъ, что любовь не создана для меня? Что такое любовь?—страсть, оставляющая въ сторонѣ все, кромѣ любимаго предмета. Несомнѣнно,—такая односторонность не въ моей натурѣ. Что-жъ ей за дѣло до моихъ развлеченій, въ которыхъ чувства не при чемъ?» Логичнѣе этого разсуждать невозможно, но Жозефинѣ было всегда очень мало дѣла до логики. Въ одномъ она должна была сознаться—это въ томъ, что никогда еще въ такихъ дѣлахъ Наполеонъ не соблюдалъ тайны съ подобной строгостью. На этотъ разъ никакого скандала, никакой афишировки, никакого знака особаго вниманія по адресу Жоржъ, какъ артистки; за каждое служебное упущеніе, за каждую неаккуратность префектъ дворца строго грозитъ ей тюрьмой и эти угрозы она принимаетъ за чистую монету. Играя при дворѣ она получаетъ за свои спектакли то же вознагражденіе, какъ и ея товарищи, и ничего больше, а когда она, говорятъ, рѣшилась обратиться къ Наполеону съ просьбой подарить ей портретъ, Наполеонъ, протянувъ ей двойной Наполеондоръ, сказалъ:«—Вотъ онъ, говорятъ, я здѣсь очень похожъ».

Денегъ онъ дастъ—это навѣрное. Помѣтка—«отпущено Его Величеству Императору» довольно часто попадается въ приходорасходныхъ и кассовыхъ книгахъ за это время, съ

обозначеніемъ суммъ, колеблющихся между 10 и 20 тысячами франковъ; однако ничто не указываетъ на то, кому и для чего предназначались эти деньги. Только одинъ разъ, именно 16 августа 1807 года именемъ Жоржъ помѣчена выдача 10.000 фр., но въ то время она уже три года, какъ прекратила свои постоянныя посѣщенія секретныхъ комнатъ Тюльери, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это простой подарокъ въ память прошедшаго и по случаю дня празднованія Св. Наполеона.

Къ довершенію всего, не прошло и года послѣ этого, какъ 11 мая 1808 года Жоржъ съ таинственною поспѣшностью покидаетъ Парижъ въ сопровожденіи танцовщика Большой оперы Дюнора, который, боясь, чтобы его не арестовали на границѣ во время побѣга, предусмотрительно переодѣлся женщиной. Не обращая вниманія на заключенный съ французскимъ театромъ контрактъ и въ особенности на своихъ кредиторовъ, Жоржъ спасается бѣгствомъ и ѣдетъ въ погоню за русскимъ сановникомъ, который, какъ кажется, обѣщалъ на ней жениться. Когда ей пришла фантазія вернуться во Францію и когда она захотѣла присоединиться къ труппѣ французскаго театра, обратившись съ этой просьбой къ главноуправляющему театра, котораго нагнала съ этой цѣлью въ Дрезденѣ,—Наполеонъ сейчасъ же распорядился не только принять ее въ составъ труппы, но и праказалъ зачесть ей какъ дѣйствительную службу всѣ шесть лѣтъ ея отсутствія, чего ей никакъ и никогда не могли простить ея товарищи по сценѣ.

Во время 100 дней она послала сказать Императору, что ей нужно передать ему бумаги, компрометирующія главнымъ образомъ герцога Отрантскаго. За ними Наполеонъ послалъ одного изъ своихъ надежныхъ слугъ. «Она не говорила тебѣ,» спросилъ онъ принесшаго бумаги слугу, «что ея дѣла плохи»? «Нѣтъ, Государь, она говорила лишь о своемъ желаніи собственноручно вручить Вашему Величеству эти бумаги». «Я знаю, что тамъ такое», возразилъ Императоръ, «Коненкуръ говорилъ мнѣ о нихъ, онъ же сказалъ мнѣ, что у нея очень стѣсненныя обстоятельства. Ты выдашь ей 20.000 франковъ изъ моей кассы». Эта по крайности оказалась благодарной.

До послѣднихъ дней своей жизни, будучи уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, ничѣмъ не похожая на торжествующую красавицу прежняго времени, каждый разъ какъ ей случалось заговорить о Наполеонѣ, она не произносила его имени иначе какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ въ голосѣ, съ глубокимъ непритворнымъ волненіемъ, невольно передававшимся какъ электрическій токъ, напряженнымъ нервамъ молодежи,

любившей слушать ея задушевные и полные поэзіи разсказы объ Императорѣ. Эта молодежь—теперь почти старики, но разсказы ея не забыты ими, ибо чувство, которое диктовало эти разсказы, сдѣлало ихъ незабвенными. Въ такіе моменты она вспоминала въ немъ не любовника, а Императора.

И эта женщина, не изъ цѣломудренной скромности старухи, (она не стѣсняясь и очень прямо толковала о своихъ многочисленныхъ любовныхъ похожденіяхъ съ другими), а изъ какого-то почтительнаго страха, казалось, даже и забыла о томъ, что онъ когда-то находилъ ее прекрасной, что онъ говорилъ ей это не разъ;—она помнила и видѣла въ немъ не то, чѣмъ онъ былъ для нея одной, а то, чѣмъ онъ былъ для всей Франціи,—и она въ этомъ случаѣ походила на ту героиню античной легенды, простую смертную дѣвушку, почтенную на минуту лаской божества и не успѣвшую разсмотрѣть лица этого бога, ошеломленная ослѣпляющимъ свѣтомъ неземного видѣнія.

IX.

ЛЕКТРИСЫ.

Однѣ только трагическія артистки имѣли право пробираться по полутемной лѣстницѣ и чернымъ корридорамъ, слабо освѣщеннымъ днемъ и ночью и въ сопровожденіи Констана или Рустема проникать во внутренность небольшаго антресольнаго помѣщенія, сообщающагося потайной лѣстницей съ оффиціальными покоями.

Каждое утро аккуратно цвѣточница, м-ме Бернаръ, приноситъ сюда большой букетъ живыхъ цвѣтовъ;—это ея годовой заказъ—на 600 фр. въ годъ,—но бѣдные цвѣты, каждый день обновляемые, вянутъ пожалуй медленнѣе, чѣмъ умираетъ чувство, возбужденное тѣми, кому предназначаются эти букеты.

Число этихъ женщинъ необыкновенно многочисленно и съ теченіемъ времени все увеличивается; по мѣрѣ того, какъ Бонапартъ подымается въ гору, растетъ и число завистницъ, интригантокъ и дипломатокъ, чающихъ чего либо отъ восходящаго свѣтила. Развѣ люди, обладающіе такой степенью могущества, не вездѣ одинаково окружены несмѣтнымъ полчищемъ корыстныхъ сиренъ, стремящихся къ этой силѣ, какъ бабочки къ свѣту, ждущихъ лишь знака, чтобы отдаться безъ любви, становящихся нарочно передъ глазами, чтобы быть замѣченными, какъ нищій, молящихъ и ловящихъ взгляды

своего повелителя и мечтающихъ о возможности для себя выгоднаго позора.

Надо помнить, что въ 1801 году Наполеону 30, а въ 1811—40 лѣтъ. Въ эти 10 лѣтъ онъ находится въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, здоровья, темперамента.

Случая онъ не ищетъ, но и не бѣжитъ отъ него. Изъ всего несмѣтнаго полчища женщинъ, которыхъ имѣлъ Бонапартъ кромѣ Жозефины, всего только двѣ—много три—сумѣли внушить ему настоящее чувство, заставлявшее его иногда измѣнять себѣ. Вообще же онъ мало думаетъ о женщинахъ. За исключеніемъ двухъ—трехъ, ни одной женщинѣ не суждено помѣшать его работѣ, потревожить его мысли, измѣнить его планы, или оттянуть хоть на время исполненіе его рѣшеній, или заставить его отказаться отъ своихъ предначертаній. Какъ бы то ни было—онъ ничего не добивается и ничего не ищетъ, но беретъ все подходящее, что имѣется готовымъ подъ рукою,—и это впрочемъ, весьма естественно. Для него—это нѣчто въ родѣ той закуски на всякій случай, какую ему обыкновенно ставятъ на ночь около кровати. Если бы ея нужно было добиваться, то онъ конечно не сдѣлалъ бы ни шагу для этого, но разъ здѣсь не требуется ни предосторожностей, ни хлопотъ, ни усилія—отчего же не взять того, что само идетъ въ руки. И тотчасъ послѣ того онъ снова присаживается за свой рабочій столъ. И это скажутъ—безнравственно? Но какой-же мужчина на его мѣстѣ не сдѣлалъ бы тогоже? Что за бѣда, если нѣсколько женщинъ подъ густыми вуалями посѣщаютъ таинственное помѣщеніе; была бы бѣда, если бы одна женщина—будь это жена или любовница—безразлично—пріютилась бы въ его рабочемъ кабинетѣ, засѣдала бы съ нимъ въ совѣтѣ министровъ, мѣшалась бы въ дѣла государства. Когда бываетъ такъ, изъ лучшихъ мужей выходятъ никуда негодные государи.

Если бы дѣло шло не о Наполеонѣ, если бы многія изъ его похожденій, подробно повидимому разсказанныхъ, не слѣдовало бы по справедливости отнести къ разряду смѣлыхъ выдумокъ, если бы наконецъ многіе изъ избранныхъ и любимыхъ имъ людей не сдѣлались бы ради наживы или присвоенія себѣ никогда ими неигранной роли—авторами неправдоподобныхъ и грубыхъ выдумокъ, часто даже низкой клеветы или злословія въ видахъ снисканія себѣ незаслуженной популярности—если бы не безчисленное множество подобныхъ записокъ сомнительной фабрикаціи досужихъ тщеславныхъ или корыстныхъ современниковъ и современницъ Наполеона,—эту главу можно было пропустить совсѣмъ, но злоба была къ нему слишкомъ безпощадна, клевета слишкомъ безсовѣстна, ложь

слишкомъ нахальна для того, чтобы и здѣсь не постараться насколько возможно найти и возстановить истину. Одна изъ такихъ современницъ—извѣстная писательница, осыпанная больше другихъ милостями Консула и Императора и на этотъ разъ ускользнула отъ кары общественнаго осужденія, такъ какъ подозрѣнія, какъ бы основательны они ни были, все-же не могутъ считаться за очевидныя доказательства. Во всякомъ случаѣ одного изученія аналогичныхъ съ ней характеровъ будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы отдѣлить на ея долю именно такое мѣсто, какого она заслуживаетъ.

Другая, далеко не такая знаменитая, но тѣмъ не менѣе до конца своихъ дней больше всѣхъ способствовавшая распространенію всевозможныхъ памфлетовъ,—это нѣкто M-me de Vaudey, съ первыхъ дней возникновенія Имперіи зачисленная въ штатъ придворныхъ дамъ, благодаря особенно усиленному ходатайству Лекутеля и Кантеле.

Происходя изъ хорошей семьи, дочь знаменитаго Мишеля д'Арсонъ изобрѣтателя нетонущихъ баттарей на Гибралтарѣ, снабдившаго въ 1793 году Директорію планами Голландской Компаніи, безъ одного выстрѣла взявшаго Бреда и ставшаго впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ сенаторовъ консульства, со стороны мужа также имѣя хорошее родство, такъ какъ мужъ ея г-нъ Варберо де Валлексонъ де Водей, капитанъ въ Royal-Bourgogne, происходилъ изъ старинной фамиліи Альзасскихъ дворянъ, основавшихся въ Грэ еще съ XV вѣка,—г-жа де-Водей кромѣ того была очень красивая женщина, остроумная, блестящая, очень развитая, кокетливая, прекрасная пѣвица и еще лучшая писательница; назначенная въ придворныя дамы къ особѣ Императрицы она вскорѣ послѣ своего назначенія должна была сопровождать Императрицу на воды въ Aix-de-Chapelle. Когда въ началѣ сентября Наполеонъ самъ пріѣхалъ въ Aix для тріумфальной поѣздки по Рейну, M-me de Vaudey, присутствуя на всѣхъ празднествахъ, старалась изо всѣхъ силъ развлекать Императора. За это она вскорѣ вообразила, что можетъ не только бравировать даже и передъ Императрицей, уже успѣвшей приревновать къ ней мужа, но и входить въ долги, какъ сама Жозефина, даже силилась поставить домъ на широкую ногу, какъ и подобаетъ фавориткѣ Императора. Въ небольшомъ но красивомъ замкѣ Тюльери, который впослѣдствіи занимала M-lle Рашель и Mr Тьерсъ и гдѣ теперь стоитъ Успенскій монастырь, она держала богатый салонъ, въ которомъ собирала огромное общество, давала роскошныя празднества и вела царски-роскошную жизнь. На первой аудіенціи, продолжавшейся довольно долго, она представила Императору солидный списокъ долговъ, которые были уплочены

сполна; другая аудіенція по тому же поводу прошла съ одинаковымъ успѣхомъ, но отъ третьей аудіенціи Наполеонъ отказался очень рѣшительно.—«У меня не хватитъ», сказалъ онъ Дюроку, «ни достаточно денегъ, ни достаточно добродушія, чтобы покупать такою цѣною то, что такъ дорого цѣнятъ. Поблагодарите отъ меня г-жу Водей за ея доброту ко мнѣ и больше мнѣ о ней не говорите».

На такое рѣшеніе послѣдовало патетическое заявленіе этой дамы о томъ, что она отравится, если эти долги, «долги чести», не будутъ уплачены въ 24 часа. Дежурный адъютантъ, находитъ ее однако готовой на нѣчто другое, ничего общаго съ самоубійствомъ не имѣющее. Разумѣется, ее сейчасъ же заставили написать прошеніе объ увольненіи отъ званія придворной дамы,—вотъ почему ея имя не фигурируетъ ни въ одномъ придворномъ календарѣ.

Впослѣдствіи, немного помѣшанная, она приходила къ Полиньяку съ предложеніемъ убить Наполеона и она же, дойдя до крайней нищеты, почти слѣпая съ парализованной рукой ходила по городу и сама продавала свои «Воспоминанія о Директоріи и Имперіи», служившія ей предлогомъ къ попрошайничеству. Она же наконецъ наградила нѣкоего издателя «Лядвока» отрывками изъ «Воспоминаній придворной дамы», изданными вмѣстѣ съ жалкими книжонками «Мемуаровъ Констана», вполнѣ достойными такого дополненія. Эту однако можно извинить хоть тѣмъ, что она черезчуръ ужъ опустилась и погрязла; про другихъ и того нельзя было сказать.

M-me Водей попала ко двору благодаря настояніямъ Лекульте, уговорившаго Жозефину принять ее подъ свое покровительство; послѣ Водей у нея была масса протеже такого же, а то и болѣе сомнительнаго сорта, попадавшихъ ко Двору черезъ посредство самыхъ ничтожныхъ людей, пребываніе которыхъ при дворѣ едва ли объяснимо чѣмъ-либо другимъ, кромѣ той легкости, съ которой онѣ во всякое время были готовы служить игрушкой мимолетной прихоти своего владыки. Ошибочно было бы однако предположить, что Жозефина съ предвзятымъ намѣреніемъ окружала себя, этой легкомысленной свитой хорошенькихъ, но черезчуръ доступныхъ женщинъ; зная ея характеръ, не возможно вообразить себѣ, будто она могла когда-нибудь рѣшиться снабжать мужа развлеченьями подобнаго рода; дѣло въ томъ, что въ ея натурѣ креолки имѣлась извѣстная какъ бы потребность окружать себя симпатичными ей людьми и при томъ такими, которые бы не принадлежа къ ея кругу въ то же время не могли бы назваться прислугой. Эти дѣвицы должны были только имѣть смазливыя рожицы во вкусѣ Императрицы, забавлять ее болѣе или

менѣе остроумными выходками, развлекать своими свѣтскими талантами, наконецъ просто населять и скрашивать своею цвѣтущей юностью этотъ дворецъ «мрачный какъ само величіе», изъ котораго она никуда не выходила. Жозефина набирала ихъ безъ особенныхъ справокъ, тронутая иногда разсказами о перенесенныхъ бѣдствіяхъ, иногда подкупающимъ видомъ хорошенькой рожицы; часто даже кстати сказанное слово, во время выраженная предупредительность рѣшали участь молодыхъ особъ. Многія изъ нихъ имѣли въ прошломъ кое-какія приключенія, и всѣ до одной разсчитывали если не на блестящую партію, то по крайней мѣрѣ на выгодную сдѣлку. Такіе разсчеты въ связи съ воспитаніемъ, свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ, дѣлали неизбѣжнымъ и легкимъ паденіе этихъ несчастныхъ, вѣчно преслѣдуемыхъ призраками пережитой нужды, вѣчно стыдящихся своихъ скромныхъ нарядовъ, казавшихся ломотьями среди окружающаго ихъ блеска, среди роскоши этого двора, утонченное изящество котораго въ цѣломъ мірѣ не имѣло себѣ соперниковъ. Ничѣмъ не занятыя по цѣлымъ днямъ и по своему положенію не смѣя переступать за порогъ внутреннихъ аппартаментовъ, онѣ коротали свои безконечные досуги, слушая комплименты и принимая ухаживанія блестящихъ офицеровъ, которыхъ онѣ во всякомъ случаѣ могли превратить въ мужей, тѣмъ болѣе, что не мало у нихъ же на глазахъ было такихъ примѣровъ, когда столько женщинъ ничуть не выше, если не ниже ихъ стоящихъ, женили на себѣ генераловъ, теперь уже маршаловъ имперіи; почти ежеминутно онѣ могли видѣть, какъ мимо нихъ проходитъ тотъ, отъ кого изливались всѣ милости, тотъ, по чьему мановенію сооружалось и разрушалось счастье множества лицъ, тотъ, чье могущество казалось безпредѣльнымъ. Жадно ища случая удостоиться хоть взгляда всесильнаго владыки, хорошенькія грѣшницы то и дѣло будто нечаянно попадались ему на-глаза; ожидая знака вниманія съ его стороны, готовыя всѣмъ рискнуть, чтобы добиться его благосклонности (инымъ впрочемъ и рисковать-то было нечѣмъ); и такъ какъ всѣ онѣ были одинаково податливы, одинаково готовы на все и въ любую минуту, такъ какъ одна на перерывъ передъ другой стерегли Императора въ тайной надеждѣ остановить на себѣ его вниманіе, и какъ подчиненныя, какъ рабы на перерывъ соперничали между собою въ выраженіяхъ своей неизмѣнной готовности исполнить всѣ прихоти своего повелителя, то если являлась такая прихоть и Императоръ наконецъ замѣчалъ одну изъ нихъ, все устраивалось до-нельзя легко, просто и скоро, и дѣло шло естественнымъ порядкомъ, безъ тѣни «обольщенія съ одной стороны и безъ малѣйшаго проблеска любви съ дру-

гой». Но какъ ни искусно скрывалась интрига, ревнивая Жозефина въ концѣ концовъ замѣчала ее, устраивала сцену ревности, послѣ чего молодая особа отсылалась обратно къ роднымъ, а затѣмъ, получивъ хорошее приданое и выйдя замужъ за какого-нибудь неособенно щепетильнаго господина, вскорѣ входила въ роль честной жены и матери и часто даже важничала не по заслугамъ. Такъ было съ Фелиситэ Лонугуа, дочерью отставнаго гусара, которую Жозефина назначила своей «dame d'annonces». Въ качествѣ таковой она постоянно находилась въ салонѣ, непосредственно примыкавшемъ къ внутреннимъ покоямъ, и вся ея обязанность заключалась въ томъ, чтобы распахивать двери передъ Императоромъ и Императрицей. За эту незамысловатую службу она получала 3,600 фр. въ годъ, а въ 1806 г. Жозефина увеличила этотъ окладъ еще на 600 фр. Фелиситэ Лонугуа впрочемъ въ счетъ не идетъ: это почти служанка.

М-lle Леконтъ слѣдуетъ отнести уже къ нѣсколько высшему разряду. Это—красивая блондинка, немного сухощавая, но изящно сложенная, съ благородной и осмысленной физіономіей. Она сирота, безъ всякаго состоянія и воспитывалась у тетки, которая слыла за интригантку и которая всѣми правдами и неправдами добилась таки возможности представить племянницу Жозефинѣ. Та растрогалась и взяла дѣвушку къ себѣ въ качествѣ лектрисы—званіе впрочемъ довольно неопредѣленное. Новыя обязанности не должны были утомлять «Лектрису», такъ какъ почти тотчасъ же послѣ водворенія ея при Императрицѣ, дворъ выѣхалъ въ Миланъ, гдѣ должно было произойти торжество коронованія. М-lle Леконтъ послѣдовала за дворомъ, почти не принадлежа къ нему,—въ качествѣ лектрисы, не имѣя доступа въ залы, предназначенныя для придворныхъ чиновъ, и въ то же время не будучи въ состояніи смѣшаться съ прислугой, около которой ей отвели помѣщеніе; такимъ образомъ бѣдная дѣвушка почувствовала себя очень одинокой, какъ бы затерянной въ этомъ незнакомомъ для нея мірѣ. Императоръ обратилъ на нее вниманіе. Послѣ недолгихъ переговоровъ дѣло было слажено, но Жозефина замѣтила и романъ пришлось прекратить въ самомъ началѣ. Разыгралась ужасная сцена ревности, лектриса должна была уѣхать; сама тетушка пріѣхала за ней и увезла ее обратно въ Парижъ. Но прежде чѣмъ М-lle Леконтъ оставляла дворъ, Императоръ потребовалъ, чтобы она показалась хоть разъ въ пріемныхъ салонахъ Императрицы, что разумѣется было своего рода скандаломъ, такъ какъ скромное званіе лектрисы запрещало дѣвушкѣ выходить изъ внутреннихъ покоевъ. Однако на этотъ разъ Жозефина покорилась. По возвращеніи въ Парижъ На-

полеонъ самъ занялся устройствомъ судьбы бывшей лектрисы. Она вышла замужъ за богатаго негоціанта, была хорошей матерью и честной женой, но никогда уже не появлялась въ Тюльери.

Во время путешествія Наполеона по Италіи послѣ коронованія, въ Генуѣ, на одномъ изъ празднествъ, устроенныхъ въ честь присоединенія къ Франціи Лигурійской республики, случай свелъ Императора съ нѣкоей Гаццани или Гаццема (какъ вѣрнѣе произнести — неизвѣстно), урожденной Бартани, дочерью—по словамъ однихъ пѣвицы, а по словамъ другихъ—танцовщицы генуэзскаго «Большаго театра». Еще раньше того она пріѣзжала въ Миланъ поздравлять Жозефину въ числѣ дамской депутаціи, кстати сказать—крайне безтолково составленной изъ весьма пестрой публики, такъ какъ рядомъ съ такими громкими именами Италіи, какъ Негрони, Бриньоли, Доріа и другія, попадались никому неизвѣстныя имена какихъ-то Гаццани, и еще лучше совсѣмъ уже подозрительнаго происхожденія хорошенькая Бьянкина Флекэ, будущая звѣзда Вестфаліи.

Карлотту Гаццани—высокаго роста, черезчуръ сухощавую, можно было назвать екорѣе красивой, чѣмъ привлекательной. Руки и ноги—только-что сносныя, въ особенности руки, всегда затянутыя въ безконечно-длинныя перчатки; зато личико—безукоризненное, безподобное, настоящій типъ итальянской красоты:—необычайно чистыя линіи профеля, пара черныхъ огромныхъ сверкающихъ глазъ, полная гармонія въ чертахъ лица, которую еще усиливала насмѣшливая улыбка—немного, на сторону, открывавшая два ровные ряда ослѣпительныхъ зубовъ. Всѣ женщины, ее знавшія одинаково охотно восторгались ея красотой—неоспоримое доказательство того, что она, будучи несомнѣнно очень хороша собой, не обладала именно той способностью нравиться тѣмъ неуловимымъ обаяніемъ, которому женщины завидуютъ въ другихъ. Знатокъ и цѣнитель женщинъ могъ бы сказать про нее: «Я былъ съ ней очень друженъ и постоянно видалъ у нея много людей, казавшихся мнѣ очень въ нее влюбленными, но самъ никогда не былъ влюбленъ». И этимъ было бы все сказано. Первый камергеръ двора г. Ремюза взялся выдвинуть М-lle Гаццани и убѣдилъ Императора пристроить ее къ Императрицѣ въ качествѣ лектрисы, въ чемъ признается сама г-жа Ремюза; изъ этого слѣдуетъ, что не у одного Талейрана «были всегда полны карманы любовницъ», какъ говорилъ о немъ Наполеонъ.

Такимъ образомъ M-me Гаццани, носившая въ то время двойную фамилію Гаццани-Бретано и присвоившая себѣ впослѣдствіи неизвѣстно почему титулъ баронессы Бретано, сдѣ-

лалась лектрисой Императрицы въ замѣнъ M-lle Леконтъ, на жалованье 500 фр. ежемѣсячно.

Съ 1805 и вплоть до 1807 года ничто не выдвигаетъ ее: Императоръ въ эти годы почти все время въ разъѣздахъ, сначала въ Аустерлицѣ, потомъ на войнѣ съ Пруссіей, наконецъ въ Польшѣ. Зато когда Наполеонъ вернулся въ Парижъ и затѣмъ въ Фонтенебло—положеніе ея сразу опредѣляется. Не изъ шести же тысячъ франковъ своего жалованья она смогла не только прилично содержать себя, но выдвинуть мужа и даже поставить дочь въ такое положеніе, которое дало ей впослѣдствіи возможность сдѣлать необычайно-блестящую партію. Ей просто представился случай и она поспѣшила имъ воспользоваться. Ее помѣстили такъ, что она во всякое время могла явиться на зовъ Императора, и стоило ему окликнуть ее, какъ она уже была у него. Кромѣ того она не претендовала на роль присяжной фаворитки, не афишировала своего положенія, но благоразумно довольствовалась скромной ролью «запасной» любовницы, которую держали на всякій случай. Императрица сперва было приревновавшая по обыкновенію, скоро однако успокоилась на ея счетъ, особенно послѣ того какъ Наполеонъ вполнѣ чистосердечно разсказалъ ей о томъ, что и какъ было. Съ своей стороны M-me Гаццани держала себя въ высшей степени покорно и почтительно, знала свое мѣсто и не заявляла никакихъ претензій. Ее однако допустили въ придворный кругъ на пріемы и въ пріемные аппартаменты, но удостоивъ ее этой милости. Наполеонъ ничѣмъ не выказывалъ публично особаго вниманія, позволяя придворнымъ дамамъ третировать ее сколько угодно, явно сторониться ея и демонстративно уходить оттуда, гдѣ она сидѣла.

Однако все это продолжалось недолго; вскорѣ многія изъ этихъ дамъ, менѣе другихъ зараженныя высокомѣріемъ, смягчились до такой степени, что допустили ее въ свой кружокъ. Она устроила у себя нѣчто въ родѣ салона, куда собирались нѣсколько разъ въ недѣлю самыя элегантныя изъ придворныхъ женщинъ; здѣсь забавлялись невинными играми и устраивались шарады. Кромѣ упроченнаго положенія при дворѣ, она добилась кое-чего посолиднѣе этого—а именно мѣста генеральнаго сборщика податей въ Эвре для мужа. Послѣ развода Наполеона съ Жозефиной она поселилась близъ Наварры, гдѣ въ то время находилась резиденція Эксъ-Императрицы и сразу попала въ число самыхъ интимныхъ посѣтительницъ салоновъ Жозефины, для этого она воспользовалась услугами одного изъ приближенныхъ бывшей Императрицы нѣкоего Пуртолеса, который оказывалъ ей самое широкое покровительство во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и денеж-

наго, и съ которымъ она находилась въ связи вплоть до самой женитьбы его на m-lle Кастелляне. Послѣ Фонтенебло Наполеонъ лишь случайно и всегда равнодушно встрѣчался съ Карлоттой; онъ никогда не любилъ ея и никогда не вспоминалъ о ней впослѣдствіи.

Въ противуположность незамѣтной красавицѣ Гаццани, о которой совсѣмъ и не упоминали біографы Наполеона, не мало шуму надѣлала исторія нѣкоей m-lle Гильебо, дочери разорившагося банкира, которую Жозефина назначила въ 1808 году въ помощницы m-me Гаццани. У г-жи Гильебо, ирландки по происхожденію, было три дочери, изъ которыхъ двѣ—уже вполнѣ взрослыя дѣвушки—танцовали въ салонахъ всевозможные танцы съ тамбуриномъ въ рукахъ, съ граціей и позами профессіональныхъ танцовщицъ. Старшая изъ нихъ какимъ-то образомъ втерлась къ принцессѣ Элизѣ и благодаря ей сдѣлала отличную партію, а меньшая, благосклонностью которой, какъ говорятъ, пользовались въ свое время и Жюно, и Мюратъ, сумѣла подладиться къ Гортензіи, прельстившейся ея хорошенькимъ личикомъ и пластичной граціей ея танцевъ.

Гортензія представила m-e Гильебо своей матери, которая назначила ея лектрисой.

Будучи по натурѣ кокеткой, страшно скучая за отсутствіемъ доступныхъ ей развлеченій и сверхъ того горя желаніемъ пристроиться возможно выгоднѣе, она разумѣется почувствовала себя очень счастливой, когда неизмѣнный Мамелюкъ пришелъ предупредить ее о посѣщеніи Императора.

Дѣла шли какъ нельзя лучше, и обстоятельства складывались сообразно ея желаніямъ, какъ вдругъ все сразу рушилось. Дѣло въ томъ, что Лявалеттъ, въ качествѣ почтъ-директора, слѣдившій за корреспонденціей лицъ, состоящихъ при дворѣ, переслалъ Наполеону письмо m-e Гильебо къ своей дочери. Въ этомъ письмѣ ей намѣчали и диктовали ту роль, которую она должна была играть, внушали ей осторожность и ловкость, а въ особенности настаивали на томъ, чтобы она во что-бы то ни стало, всѣми правдами и неправдами ухитрилась забеременить, при чемъ подробно излагались всѣ огромныя выгоды, которыхъ можно было добиться, имѣя въ рукахъ доказательство своихъ отношеній къ Императору. Гнусность этой интриги, въ которой, какъ позже утверждалъ Наполеонъ, былъ замѣшанъ принцъ Беневентскій, показалась Наполеону до того нестерпимо-противной, что молодой дѣвушкѣ приказано было немедленно сѣсть въ почтовую карету и въ сопровожденіи только одного лакея она была доставлена обратно въ Парижъ. Въ Парижѣ m-lle Гильебо вышла за-

мужъ за нѣкоего Сурдо, который вскорѣ послѣ того по милости Императора попалъ въ сборщики податей, но какъ-то растратилъ казенныя деньги, и Реставрація явилась очень кстати, чтобы спасти его отъ тяжести грозившей ему отвѣтственности, и такимъ образомъ онъ отдѣлался однимъ только страхомъ. M-me Сурдо на этотъ разъ то-же не сплоховала и получивъ какъ-то доступъ къ герцогу Берри, сумѣла ему понравиться на столько, что онъ нашелъ ее самое «очаровательной, съ самыми великолѣпными глазами, которые когда-либо существовали на землѣ», и въ благодарность за ея благосклонную податливость назначилъ ея мужа Французскимъ консуломъ въ Танжерѣ.

Несомнѣнно, что въ жизни Наполеона подобныя приключенія не играютъ никакой мало-мальски выдающейся роли: едва-едва они отраждаются на чувственной сторонѣ его натуры и совершенно не задѣваютъ сердца. Они ничѣмъ не освѣщаютъ его нравственнаго облика, не считая развѣ его рѣдкой щедрости да прирожденной ненависти ко всякаго рода интригѣ, а если что и подчеркиваютъ, то развѣ только кое-какія изъ его привычекъ.

Кромѣ вышеописанныхъ мы могли бы насчитать въ жизни Наполеона немало и другихъ мимолетныхъ романовъ въ томъ-же родѣ, исторія которыхъ представляетъ еще менѣе интереса, чѣмъ предыдущія, такъ напримѣръ гарнизонныя похожденія, за которыя онъ какъ Императоръ платилъ 100 луидорами, тогда какъ тоже самое стоило-бы не болѣе 20 франковъ любому капитану въ его арміи.

Онъ находитъ, или скорѣе для него находятъ такихъ женщинъ и въ Берлинѣ, и въ Мадридѣ и въ Вѣнѣ, но это въ порядкѣ вещей. Онъ вѣдь такой-же человѣкъ, какъ его маршалы, офицеры, солдаты, но въ немъ даже и чувственность часто подчиняется голосу сердца или разсудка. Такъ въ Вѣнѣ онъ заинтересовался какой-то молоденькой дѣвушкой, которая въ свою очередь увлеклась имъ не на шутку. По его приказанію за дѣвушкой начинаютъ слѣдить и наконецъ ей предлагаютъ навѣстить Императора въ Шенбруннѣ, на что та соглашается. Она пріѣзжаетъ. Ее вводятъ къ Императору. Такъ какъ она говоритъ только по итальянски и по нѣмецки, то разговоръ завязывается на итальянскомъ языкѣ и съ первыхъ-же словъ Наполеонъ убѣждается, что молодая дѣвушка-дочь уважаемыхъ родителей, что она вовсе и не подозрѣваетъ о томъ, чего отъ нея здѣсь ждутъ, что наконецъ хотя она и чувствуетъ къ нему какое-то страстное обожаніе, но ея невинность и безкорыстіе не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тотчасъ-же онъ приказываетъ отвезти ее обратно къ родите-

лямъ, но тронутый непподдѣльнымъ восторженнымъ ея обожаніемъ, онъ не теряетъ ея изъ виду, заботится о ея судьбѣ и наконецъ даетъ ей въ приданое 20.000 флориновъ, что по курсу на 1-ое сентября 1809 года равняется 17.367 франковъ. И это доброе дѣло далеко не было единственнымъ въ жизни Наполеона. То-же самое онъ повторяетъ цѣлыхъ три раза, а послѣдній разъ уже на островѣ Св. Елены!

X.

ГОСПОЖА ***.

Увлеченія чисто—чувственнаго характера непрерывно чередуются въ жизни Наполеона, но, удовлетворяя одной его физической потребности, разумѣется не въ состояніи хотя сколько-нибудь удовлетворить его нравственнымъ запросамъ, а между тѣмъ такіе запросы какъ нельзя болѣе свойственны чуткой душѣ Наполеона и властно требуютъ удовлетворенія. Да и понятно: мужчина вообще не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть, если бы чувствовалъ себя способнымъ довольствоваться любовью, одинаково доступкой каждому, кто въ состояніи купить ее за деньги. Наполеонъ менѣе чѣмъ кто-либо склоненъ отрѣшиться отъ чувства брезгливости къ продажнымъ ласкамъ. Смутное, но властное чувство грусти, томленіе неудовлетворенности, никому неизвѣстные часы тоскливаго одиночества, и неудержимое желаніе найти родную женскую душу, готовую слиться съ его тревожной душой—вотъ тотъ идеалъ личнаго счастья, къ которому неизмѣнно всю свою жизнь рвалась душа Наполеона. И эта неудержимая потребность полнаго всесторонняго счастья вдвоемъ становится тѣмъ сильнѣе, опредѣляется тѣмъ ярче и рѣзче, чѣмъ онъ дѣлается старше лѣтами, чѣмъ больше его все возрастающее величіе представляетъ ему возможности удовлетворять своему сладострастію и наконецъ чѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ свою высоту, свою геніальность, а потому и свое одиночество среди другихъ людей. Это чувство обособленности и превосходства надъ другими еще едва-едва уловимо въ Бонапартѣ въ періодъ Консульства, но уже къ началу имперіи оно замѣтно усиливается, крѣпнетъ, опредѣляется и наконецъ вкореняется въ его душу, и рядомъ съ гордымъ сознаніемъ собственной высоты растетъ тоска одиночества и властно заявляетъ свои права, потребность найти подругу, достойную высокаго назначенія—раздѣлить величавое уединеніе, неизбѣжно для генія, но вмѣстѣ съ тѣмъ горькое для человѣка. Чувство подобнаго рода не имѣетъ конечно ничего общаго съ тѣмъ взрывомъ моло-

дыхъ силъ и могучаго темперамента, которые испыталъ онъ узнавъ Жозефину; это—такое чувство, гдѣ на ряду съ физической страстью живетъ глубокое стремленіе къ нравственному единенію, и, это стремленіе къ полной всесторонней привязанности, не разъ прорывающееся въ Наполеонѣ, указываетъ на него, какъ на такое существо, тревожная натура котораго безпрестанно ищущая новизны неизвѣстнаго, недостижимаго, съ одинаковой страстью преслѣдуетъ мечту о счастьѣ, какъ и мечту о славѣ.

Пока эти чувства въ немъ еще смутны и неопредѣленны, но непосредственно вслѣдъ за обладаніемъ женщинами, которыхъ онъ добивается тѣмъ упорнѣй и страстнѣй, чѣмъ сложнѣе препятствія, затрудняющія побѣду,—наступаетъ почти мгновенное охлажденіе, ибо дѣйствительность оказывается много ниже того, о чемъ онъ мечталъ и къ чему стремился. Зато мечты дѣлаются чище, духовнѣе, выше; физическое обладаніе перестаетъ быть единственной цѣлью сближенія съ женщинами, и передъ нами встаетъ совсѣмъ другой, новый Наполеонъ, вовсе не похожій на счастливаго поклонника посѣтительницъ секретнаго помѣщенія—Наполеонъ нѣжный, ласковый, преданный, умѣющій выражать свои мысли такими словами, такимъ языкомъ, какой былъ бы въ пору развѣ герою Астрэи.

Разумѣется—такимъ его видали немногіе, а кто и видалъ, молчалъ о томъ, что видѣлъ; разумѣется для того, чтобы получить право приписать ему съ увѣренностью подобное душевное состояніе, необходимо имѣть цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и точныхъ на то указаній, но разъ таковыя существуютъ (хотя и относящіяся къ болѣе позднему времени), поневолѣ приходится возвратиться и къ болѣе раннему періоду его жизни, такъ какъ сопоставивъ извѣстные признаки до сихъ поръ повидимому незначительные относящіеся къ извѣстной эпохѣ и связавъ ихъ въ одно неразрывное цѣлое съ позднѣйшими проявленіями въ немъ данныхъ свойствъ, мы почти увѣрены, что не ошиблись и стоимъ на пути къ истинѣ.

Связи Наполеона съ порядочными женщинами представляютъ однако очень мало матеріала для изысканій потому именно, что были приняты всѣ возможныя предосторожности, чтобы не сдѣлать ихъ достояніемъ публики. Эта часть его жизни настолько заботливо скрывалась той и другой стороной, что въ данныхъ, дошедшихъ до насъ, легко запутаться и затеряться какъ въ лабиринтѣ. Эти женщины, инкогнито которыхъ такъ строго сохранялось Наполеономъ, не достаются ему такъ легко, какъ прочія любительницы умножать свои и безъ того многочисленныя побѣды; напротивъ, большинство

изъ нихъ заботливо уничтожаютъ малѣйшіе слѣды своего паденія. Всѣмъ имъ необходимо остерегаться подозрительности мужей и потери своихъ репутацій.

Среди придворныхъ дамъ находилась одна молоденькая 20 лѣтъ, мужъ которой былъ на 30 лѣтъ старше ея. Этотъ мужъ—всѣми уважаемый, хорошій работникъ, оставлявшій повсюду, гдѣ ни служилъ, превосходную память,—былъ однимъ изъ тѣхъ честнѣйшихъ и добросовѣстныхъ служакъ, изъ которыхъ прежній режимъ вырабатывалъ такъ называемыхъ «Commis», а новый—администраторовъ и директоровъ всякаго рода. Въ извѣстномъ спеціальномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе очень важномъ для національныхъ финансовъ, онъ слылъ большимъ знатокомъ; собственными силами организовалъ административное учрежденіе, которымъ лично завѣдывалъ и которое функціонируетъ до сихъ поръ по тѣмъ же законамъ и традиціямъ, которые были выработаны для него имъ самимъ.

Жена у него была очаровательная: вся грація, вся кротость, съ прелестнымъ личикомъ, великолѣпными зубами, густыми бѣлокурыми волосами, немного длиннымъ—орлинымъ, но весьма характернымъ носомъ, замѣчательно красивыми руками и совсѣмъ крошечной ножкой; если въ чертахъ лица и не доставало правильности, за то все вы купалось необычайной прелестью улыбки, какой-то спокойной стройностью общаго впечатлѣнія, въ связи съ особымъ, ей только свойственнымъ, долгимъ и глубокимъ взглядомъ большихъ темносинихъ глазъ, осѣненныхъ сверху и снизу двойной бахромой пушистыхъ рѣсницъ. Правда, эти чудесныя очи выражали по волѣ ихъ обладательницы лишь тѣ впечатлѣнія, какія ей хотѣлось ими выразить, и потому въ ихъ взглядѣ недоставало искренности, но для того чтобы уловить этотъ ихъ недостатокъ, надо было быть женщиной и при томъ ревнивой. Она превосходно танцовала, артистически пѣла, а въ игрѣ на арфѣ проявляла настоящій талантъ; хорошо читала, а главное умѣла слушать, но далеко не выказывала тогда того поистинѣ замѣчательнаго ума, какой проявила впослѣдствіи. У нея не было недостатка ни въ рѣдкой силѣ воли, ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ честолюбіи, ни наконецъ въ удобной неразборчивости на средства для достиженія разъ намѣченныхъ цѣлей, но эта дѣйствительная сухость сердца скрывалась подъ ея трогательной красотой и подкупающимъ изяществомъ; происходя изъ мѣщанской семьи, она лучше многихъ великосвѣтскихъ дамъ знала толкъ въ утонченной вѣжливости, въ непринужденной простотѣ манеръ, въ изысканныхъ туалетахъ, даже въ тонкостяхъ придворнаго этикета. Надѣленная отъ природы тонкимъ чутьемъ во всемъ, что касалось жизни и пріемовъ большаго свѣта, (съ этимъ,

говорятъ, родятся, но этому не выучиваются), она держалась въ своемъ обращеніи съ другими такого презрительнаго высокомѣрнаго тона, словно предками ея были не ничтожные скромные мѣщане изъ какой-то глухой провинціи, а герцоги, перы и графы.

Къ какому собственно времени слѣдуетъ отнести начало отношеній Наполеона съ этой молодой женщиной? Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, надо думать, что это произошло въ ноябрѣ 1803 г., хотя съ другой стороны быстрота, съ какой возникла и разрѣшилась связь Наполеона съ той, которую Жозефина подстерегла, въ Сенъ-Клу въ смежной съ оранжереей комнатѣ, должна была бы заставить усомниться въ основательности даннаго предположенія, какъ бы ни казалось оно правдоподобнымъ, въ особенности вслѣдствіе рожденія ребенка ровно девять мѣсяцевъ спустя (5 августа 1804 г.).

Правда, родившійся въ это время ребенокъ ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны ничѣмъ не выдалъ своего происхожденія, но лицо Наполеона настолько характерно и индивидуально, что можетъ смѣниться не одно поколѣніе, прежде чѣмъ эти черты передадутся одному изъ его потомковъ во всей своей царственной и разоблачающей красотѣ. На этотъ разъ оно такъ и случилось, и это обстоятельство съ одной стороны внушило Наполеону сомнѣнья относительно своей причастности къ рожденію дитяти, съ другой стороны разсѣяло ревнивыя сомнѣнья супруга и обезопасило жену, а черезъ одно поколѣніе выразившееся въ потомкѣ разительное сходство съ знаменитымъ предкомъ разоблачило передъ обществомъ до тѣхъ поръ заботливо скрытую тайну.

Эта дама изъ Сенъ-Клу на та ли самая, что въ концѣ консульства посѣщала маленькій домикъ въ аллеѣ des Veuves, куда съ своей стороны часто хаживалъ и Наполеонъ, соблюдая при этомъ строжайшій секретъ? И не къ ней ли опять-таки отправлялся онъ переодѣваясь въ простое платье и таинственно исчезая въ лабиринтѣ парижскихъ улицъ. Здѣсь невольно теряешься въ догадкахъ. Приключеніе въ Сенъ-Клу по всѣмъ признакамъ не болѣе, какъ мимолетный капризъ, тогда какъ ночныя экскурсіи, да еще съ переодѣваніемъ, какова бы ни была ихъ цѣль, напротивъ того указываютъ въ такомъ домосѣдѣ, какъ Наполеонъ, на то властное, непреоборимое стремленіе, тѣ рѣзкіе симптомы глубокаго чувства, которое такъ рѣдко приходилось наблюдать въ немъ въ теченіе всей его жизни. Но здѣсь-то какъ разъ и наталкиваешься на такую путаницу, на такія потемки, освѣтить которыя въ данную минуту по крайней мѣрѣ не въ нашей власти, тѣмъ болѣе что какъ біо-

графы, такъ и издатели одинаково потрудились надъ тѣмъ, чтобы сгустить еще больше таинственный сумракъ, окружающій эти событія, руководимые уваженіемъ къ самой героинѣ и ея потомству. Существуетъ тѣмъ не менѣе одинъ моментъ въ этой исторіи, на которомъ сходятся съ поразительнымъ единогласіемъ всѣ до одного свидѣтельства, исходящія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, и гдѣ за неимѣніемъ фактическихъ доказательствъ цѣлый рядъ косвенныхъ, но поразительно однородныхъ указаній доводятъ «вѣроятное» почти до «очевиднаго».

Императоръ выѣхалъ въ Фонтенебло навстрѣчу Папѣ, который ѣхалъ въ то время изъ Рима, чтобы совершить надъ нимъ обрядъ коронованія. Его сопровождаетъ дворъ. Дорогой окружающіе замѣчаютъ, что видъ у него ясный и радостный, а обращеніе непринужденнѣе и мягче обыкновеннаго. Послѣ того, какъ Папа удалился въ свои аппартаменты, Императоръ остается въ покояхъ Императрицы, болтая преимущественно съ присутствующими дамами. Жозефина начинаетъ тревожиться. Его пріемы кажутся ей неестественными и ревнивое воображеніе рисуетъ ей картину какой-нибудь ловко скрытой интриги. Но кого заподозрить, кого обвинить? Она принимается за M-me Ней, которая горячо защищается и вмѣстѣ съ Гортензіей, своей бывшей подругой по пансіону M-me Компанъ, доказываетъ Жозефинѣ, что Императоръ занятъ вовсе не ею, а одной изъ придворныхъ дамъ, которою сильно увлеченъ Евгеній Богарне и съ которою поэтому до сихъ поръ сама Жозефина до-нельзя любезна. Евгеній служитъ просто ширмой, а если и отвѣчаютъ на его пламенные взоры, если и бесѣдуютъ съ нимъ повидимому очень охотно, то лишь для того, чтобы обмануть окружающихъ. На самомъ же дѣлѣ героиня интриги—тайная сторонница Мюрата и Каролины, въ особенности послѣдней, такъ какъ самъ Мюратъ не мѣшается въ такія дѣла; зато Каролина, ненавидящая свою belle-soeur и всегда готовая сыграть съ ней какую-нибудь злую штуку,—душа этого заговора и ведетъ его такъ же искусно, какъ поведетъ впослѣдствіи множество другихъ интригъ, до которыхъ она такая большая охотница.

Тѣмъ временемъ Императоръ и дворъ возвращаются обратно въ Парижъ. Любовныя дѣла Императора подвигаются довольно туго. Видимо влюбленный Наполеонъ неохотно оставляетъ покои Императрицы, когда при ней находится «извѣстная дама»; онъ провожаетъ Жозефину въ театръ, если «извѣстная дама» ѣдетъ съ нею; онъ устраиваетъ поѣздки въ театръ «запросто», въ малую ложу, тогда какъ прежде Жозефина не смѣла и думать показываться на спектаклѣ иначе, какъ съ подобающей

торжественностью; теперь же все можно, лишь бы «извѣстная дама» принимала участіе во всѣхъ развлеченіяхъ. Раздражаясь все болѣе и болѣе такимъ поведеніемъ мужа, Жозефина пытается вызвать его на объясненія, но эти попытки оказываются тѣмъ болѣе неудачными, что благодушное и ровное расположеніе духа, не покидающее Наполеона въ обществѣ «извѣстной дамы», мгновенно улетучивается куда-то, когда эта дама отсутствуетъ, и его прежняя желчная раздражительность вновь появляется на сцену.

«Каждый день Бонапартъ дѣлаетъ сцены», пишетъ она, «и такъ безъ конца,—развѣ это жизнь»?

Въ то время онъ по вечерамъ почему-то игралъ въ карты или вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что играетъ. Для этого онъ каждый разъ регулярно звалъ свою сестру Каролину и двухъ придворныхъ дамъ, изъ которыхъ одна пользовалась его особымъ вниманіемъ. Небрежно—только для вида—держа карты передъ собой, онъ отдается знакомой гаммѣ жуткихъ, но сладкихъ ощущеній едва расцвѣтающей, пока идеальной платонической страсти, или же, никого не называя, въ третьемъ лицѣ, вдругъ разражается пылкими тирадами противъ ревности вообще и ревнивыхъ женщинъ въ особенности. Жозефина тутъ же на другомъ концѣ зала, изнывая отъ ревности и скуки, машинально играетъ въ вистъ кое съ кѣмъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, и, кидая время отъ времени быстрые взгляды въ сторону счастливцевъ, напряженно прислушивается къ звучному, полному голосу мужа, который одинъ среди нѣмого вниманія и почтительно безмолвствующихъ придворныхъ властно отдается во всѣхъ уголкахъ громаднаго салона. На праздникѣ, данномъ Императорской Четѣ военнымъ министромъ въ честь совершившагося коронованія, женщины по обычаю ужинаютъ за отдѣльнымъ столомъ, а не вмѣстѣ съ мужчинами. За почетнымъ столомъ помѣщается Императрица съ нѣкоторыми изъ придворныхъ дамъ и съ женами наиболѣе прославленныхъ военначальниковъ. Наполеонъ отказался сѣсть за столъ, онъ обходитъ дамъ, обращаясь къ каждой изъ нихъ съ какой-нибудь любезной фразой. Онъ—вѣжливъ, предупредителенъ, галантенъ до нельзя, онъ любезно прислуживаетъ Жозефинѣ, беретъ тарелки изъ рукъ пажа и самъ передаетъ ихъ ей. «Онъ хотѣлъ бы быть предупредительнымъ къ одной только женщинѣ, но не желаетъ дать этого замѣтить». Это одно уже есть доказательство любви. Добросовѣстно обойдя по нѣскольку разъ всѣ столы и насказавъ кучу любезностей каждой женщинѣ для того, чтобы получить право заговорить съ одной, онъ наконецъ подходитъ къ «ней», но растерявшись, начинаетъ съ того, что заговариваетъ съ ея со-

сѣдкой. Опираясь на спинки двухъ стульевъ, онъ наклоняется къ дамамъ и завязываетъ разговоръ, стараясь втянуть въ него ту, которой заняты всѣ его мысли; онъ любезно предупреждаетъ ея желанья, угощаетъ ее; она проситъ передать себѣ блюдо съ оливками. «Вы напрасно кушаете оливки вечеромъ», говоритъ онъ, «это вредно», и, обращаясь къ сидящей рядомъ дамѣ, прибавляетъ: «А вы не хотите оливокъ? И хорошо дѣлаете; вдвойнѣ хорошо тѣмъ, что не подражаете вашей сосѣдкѣ, такъ какъ она во всемъ неподражаема». Ничто изъ всей этой сцены не ускользаетъ отъ бдительнаго ока Жозефины, которая къ довершенію всего была принуждена среди зимы уѣхать въ Мальмезонъ по приказанію Императора, почему-то ухватившагося вдругъ за эту дикую мысль. Это обстоятельство окончательно разстроило всѣ ея планы на зимній сезонъ, и ко всему тому первую ночь своего пребыванія въ Мальмезонѣ всѣмъ пришлось провести буквально, какъ въ ледникѣ, такъ какъ въ домѣ къ тому времени даже печей не успѣли протопить хорошенько.

Но какое дѣло Наполеону до этого холода, когда онъ въ эту ночь совершилъ нѣкую экскурсію черезъ корридоры, и съ такимъ результатомъ, съ которымъ внутренно самъ себя поздравлялъ, не подозрѣвая однако, что Жозефина послѣ долгаго ожиданія, притаившись за стеклянной дверью, разоблачила-таки его тайну и не могла уже сомнѣваться относительно того, кому былъ сдѣланъ этотъ ночной визитъ. Итакъ—на другой же день послѣ празднества у Военнаго министра дворъ выѣзжаетъ въ Мальмезонъ, а еще день спустя Императрица подъ какимъ-то предлогомъ приказываетъ позвать къ себѣ даму, неѣвшую оливокъ за ужиномъ. Поболтавъ съ ней предварительно кое о чемъ постороннемъ, Императрица между прочимъ интересуется узнать, о чемъ говорилъ съ ней Императоръ за ужиномъ, и затѣмъ уже спрашиваетъ: «А что говорилъ онъ вашей сосѣдкѣ?» Та отвѣчаетъ, что онъ совѣтовалъ ей не ѣсть на ночь оливокъ. «Э», возражаетъ Жозефина, «ужъ если давать совѣты, такъ ужъ слѣдовало бы посовѣтовать ей не разыгрывать Рокселяну съ этакимъ длиннымъ носомъ». Затѣмъ она беретъ съ камина какую-то книгу—это новый романъ m-me Жанлисъ «Герцогиня Ля-Вальеръ», и указывая на нее, прибавляетъ: «Вотъ эта книга кружитъ головы всѣмъ молоденькимъ женщинамъ бѣлокурымъ и сухощавымъ».

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ замѣчаніи не было своей доли правды, такъ какъ во всѣхъ комнатахъ придворныхъ дамъ Мальмезона имѣется неизбѣжный томикъ герцогини Ля-Вальеръ. Надъ необычайнымъ успѣхомъ этого романа, выдер-

жавшаго съ честью 10 изданій, не мало, надо думать потрудились прекрасныя завистницы счастливой герцогини, блестящая судьба которой служила имъ не только примѣромъ, но даже идеаломъ.

Однако Императоръ совсѣмъ не намѣревался обзаводиться фавориткой. «Я не хочу, говаривалъ онъ, допускать при моемъ дворѣ женскаго господства. Оно не мало вредило Генриху IV и Людовику XIV. Мое назначеніе гораздо важнѣе, чѣмъ было ихъ назначенье, это во первыхъ, да и французы съ тѣхъ поръ стали настолько серьезнѣе, что не простятъ своему государю ни открытыхъ связей, ни признанныхъ любовницъ». Его настоящей любовницей, какъ онъ самъ выражался,—было только могущество. «Я сдѣлалъ слишкомъ много для его достиженія, чтобы допустить кого бы то ни было не только отнять, но даже оспаривать его у меня»—говаривалъ онъ. Однако онъ видимо чувствовалъ нѣкоторое посягательство на себя въ этомъ смыслѣ со стороны своей новой привязанности. Само собой, она, какъ женщина умная и притомъ очень искусно руководимая совѣтами близкихъ людей, не требовала ничего для себя лично; къ тому же она если бы и хотѣла, не могла бы пользоваться извѣстными преимуществами, не возбудивъ подозрѣнія въ мужѣ, бывшемъ до нѣкоторой степени снисходительнымъ—это правда, но и только. Самое большее, чего она добилась для себя, это зачисленіе въ придворный штатъ, хотя ея юность могла бы служить ей въ этомъ скорѣе помѣхой, тѣмъ болѣе, что ни общественное положеніе, ни происхожденіе, ни прошлое ея, ничѣмъ не связанное съ судьбой Бонапартовъ или Богарне,—ничто не могло объяснить ея присутствія при дворѣ Наполеона, и одно это уже въ свое время возбудило толки, пересуды и многозначительныя улыбки.

Но чѣмъ меньше претензій предъявляла она для удовлетворенія личнаго честолюбія и личной корысти (такъ какъ она не принимала никакихъ подношеній, ни даже бриллiантовъ)—съ тѣмъ большимъ успѣхомъ удавалось ей, не возбуждая ни въ комъ никакихъ подозрѣній, выдвигать тѣхъ, кто когда-то покровительствовалъ ей, а теперь прибѣгалъ въ свою очередь къ ея покровительству.

Мюратъ, въ то время уже маршалъ Имперіи, былъ возведенъ въ санъ Великаго адмирала, но параллельно съ этимъ и уже по собственному почину Наполеонъ сдѣлалъ Евгенія Богарне главнымъ государственнымъ канцлеромъ и тѣмъ сравнялъ его съ Мюратомъ. Такимъ образомъ было возстановлено своего рода равновѣсіе между Бонапартами и Богарне, клонившееся даже скорѣе въ пользу послѣднихъ.

Насколько въ этихъ почестяхъ, оказанныхъ Мюрату, чувствуются со стороны Наполеона давленіе семейныхъ вліяній и невольныя уступки корыстнымъ вождѣленіямъ родни, настолько въ милостяхъ по адресу Евгенія Богарне выразились лучшія чувства, благороднѣйшія душевныя побужденія Наполеона, которыми дышатъ слѣдующія строки его: «Среди трудовъ и тяжелыхъ заботъ неразлучныхъ съ нашимъ высокимъ положеніемъ, нашему сердцу необходимо было найти утѣшеніе въ неизмѣнной нѣжности этого усыновленнаго нами ребенка. Наше родительское благословеніе будетъ сопровождать этого юнаго принца во всѣхъ его начинаніяхъ и съ помощью св. Провидѣнія, онъ окажется со временемъ достойнымъ благодарности потомства». Самъ Евгеній ни о чемъ не хлопоталъ и ничего не добивался; онъ не выражаетъ неудовольствія по поводу сравнительно-скромнаго назначенія его первымъ офицеромъ Имперіи, а позже полковникомъ стрѣлковъ. Съ одинаковой готовностью ѣдетъ онъ въ Миланъ во главѣ гвардейской кавалеріи, хотя это уже настолько почетный постъ, что только до странности безтолковая m-me Ремюза могла выставлять, какъ несчастье и униженіе высшую милость, какою только могъ почтить Наполеонъ юнаго 23-лѣтняго генерала. Всѣ эти милости, въ изобиліи посыпавшіяся вдругъ на сына Жозефины, краснорѣчиво говорили о томъ, что Императоръ вновь готовъ возвратиться къ женѣ, что онъ далекъ отъ желанія позволить руководить собой и что наконецъ овладѣвшая было имъ страсть, на которую возлагалось столько надеждъ, почти совершенно остыла. Пресыщеніе дѣйствительно наступило очень скоро, послѣ того какъ сопротивленіе перестало существовать. Интрига завязалась въ Мальмезонѣ среди самой зимы, и въ Мальмезонѣ же еще до весны наступаетъ развязка. За это двухнедѣльное пребываніе двора въ Мальмезонѣ Императоръ могъ совершенно свободно гулять и разговаривать съ молодой женщиной, а еще того свободнѣе могъ навѣщать ее по ночамъ.

Жозефина, запершись въ своихъ комнатахъ, проводитъ ночи безъ сна и въ слезахъ, худѣетъ и таетъ день ото дня. Но вотъ въ одно прекрасное утро Императоръ входитъ къ ней, говоритъ съ ней тѣмъ тономъ, какимъ говаривалъ прежде, когда еще любилъ, признается, что былъ очень влюбленъ, но что все уже прошло, и проситъ ее помочь устроить разрывъ. Она охотно принимается за это и, не теряя времени, приказываетъ позвать къ себѣ свою бывшую соперницу, которая, въ совершенствѣ владѣя собой, не выказывая ни малѣйшаго волненья, противупоставляетъ обвинительнымъ тирадамъ Императрицы свое надменное молчаливое спокойствіе и безстрастно-

каменную неподвижность своего блѣднаго, словно мраморнаго лица.

Какъ бы то ни было, она осталась навсегда нѣжно привязанной къ Императору несмотря на то, что тотъ послѣ Аустерлица никогда уже не возобновлялъ своихъ отношеній съ нею, а если когда и возвращался къ прошлому, то такъ незамѣтно и такъ ненадолго, что самымъ внимательнымъ наблюдателямъ съ большимъ трудомъ удавалось замѣчать это въ немъ; все это не мѣшало ему однако относиться къ ней съ большой предупредительностью, осыпать ее милостями, совмѣстимыми разумѣется съ общественнымъ положеніемъ ея мужа, и назначать ее къ участію во всѣхъ событіяхъ и торжествахъ придворной жизни. Зато и она впослѣдствіи оказалась въ числѣ тѣхъ, кто въ плохое время, въ черные дни утѣшали безкорыстною преданностію своего несчастнаго Императора. Она же была украшеніемъ всѣхъ празднествъ знаменитыхъ 100 дней, а 26 іюня 1815 года, когда послѣ Ватерлоо побѣжденный Владыка готовился навѣки покинуть отечество, она же одной изъ послѣднихъ пріѣхала въ Мальмезонъ,—стѣны котораго были свидѣтелями рожденія и смерти ея рано погибшей любви,—пріѣхала, чтобы отдать развѣнчанному Императору послѣднюю дань своей почтительной и неизмѣнной преданности.

XI.

ОТЕФАНІЯ БОГАРНЕ.

Еще незадолго до Аустерлица Наполеонъ рѣшилъ черезъ посредство представителей своей фамиліи породниться съ царствующими домами Германіи и тѣмъ закрѣпить за отпрысками своего рода прочныя семейныя связи съ принцами германской крови, въ разсчетѣ, что эти послѣднія явятся надежной гарантіей соотвѣтствующей политической солидарности. Онъ твердо вѣрилъ, что его система привьется Европѣ лишь въ томъ случаѣ, если кровь Наполеонидовъ на мирныхъ началахъ смѣшается съ кровью старыхъ династій. Не считая бракъ возможнымъ для себя лично, онъ группируетъ вокругъ себя все, что уже достигло или достигаетъ брачнаго возраста—подростковъ и молодежь обоего пола,—и все это съ единственной цѣлью скрѣпить узы, которымъ онъ только и придаетъ значеніе, такъ какъ онѣ ему кажутся крѣпче и выше всякихъ случайностей, всякихъ превратностей политической удачи, и такъ какъ по его мнѣнію обязываютъ ко многому

гордыхъ представителей старой династіи и обезпечиваютъ ему почетное родство.

По окончаніи компаніи послѣ Аустерлица—первымъ вопросомъ на очереди въ этомъ смыслѣ является бракъ Евгенія Богарне съ принцессой Августой Баварской. Нужды нѣтъ, что принцесса—уже объявленная невѣста принца Баденскаго; предназначая ее своему пасынку, Наполеонъ уже знаетъ напередъ, гдѣ найти жену для принца Баденскаго; для этой цѣли онъ выбираетъ опять таки одну изъ Богарне; это—Стефанія-Луиза-Андіенна Богарне, дочь Клода Богарне, отъ первой жены его Андріенны-де-Лазей-Марнезіа, и приходившаяся ровно шестиюродной сестрой Евгенію и Гортензіи. Стефанія родилась въ Парижѣ 26-го августа 1789 года и, оставшись сиротой съ 4-хълѣтняго возраста, по выходѣ изъ Понтемонтскаго монастыря, была взята на воспитаніе подругой своей матери, нѣкой леди Ботъ. Въ то время бабушка Стефаніи съ отцовской стороны Фанни Богарне, несмотря на свой преклонный возрастъ, забавлялась еще писаніемъ стишковъ и любовными похожденіями, отецъ—эмигрировалъ, дѣдушка по матери, маркизъ Марнезіа, путешествовалъ въ Пенсильваніи, и если бы не леди Ботъ, дѣвочка была бы предоставлена единственно общественной благотворительности. Но вотъ однажды Жозефина говоритъ мужу о своей юной родственницѣ. Наполеонъ, всегда чуткій ко всему, что касается семейныхъ традицій и семьи вообще, возмущается тѣмъ, что Жозефина такъ долго оставляетъ свою родственницу на иждивеніи совершенно чужой женщины, да еще англичанки! Тотчасъ-же посылаютъ курьера съ приказаніемъ доставить ребенка въ Парижъ. Курьеръ привозитъ префекту города Г-ну Бейльи приказъ именемъ закона завладѣть Стефаніей. Дѣло—разумѣется не обошлось безъ слезъ и страха. Едва дѣвочка успѣла пріѣхать въ Парижъ, ее тотчасъ-же помѣстили въ пансіонъ Компанъ. Жозефина и Гортензія при случаѣ занимаются ею, но повидимому она не призвана играть никакой роли въ семьѣ и ее—очевидно—ожидаетъ та же скромная доля, какъ и кузину ея Эмилію Богарне, по мужу Левалеттъ.

Но разъ Евгеній женится на принцессѣ Баварской, волей неволей приходится подумать о томъ, кѣмъ замѣнить ее для принца Баденскаго. Сперва Наполеонъ предназначаетъ ему другую воспитанницу Жозефины, Стефанію Тастеръ, но потомъ почему-то останавливается на Стефаніи Богарне. Бракосочетаніе, назначенное на 20 января 1806 г., но отложенное по настоянію Императора вслѣдствіе поѣздки его въ Карлсруе, состоялось наконецъ 17 февраля того-же года.

Стефаніи въ то время всего 17 лѣтъ; это хорошенькая дѣвочка съ миловиднымъ личикомъ, природнымъ умомъ, искренней веселостью, изрядной еще долей ребячества, которое къ ней очень идетъ, у нея прелестный голосъ, хорошій цвѣтъ лица, живые голубые глаза и волосы красиваго бѣлокураго оттѣнка. Едва ее привезли въ Тюльери изъ пансіона Компанъ и помѣстили въ комнатахъ, смежныхъ съ аппартаментами Императрицы, какъ она сразу своимъ беззаботнымъ весельемъ наполнила и освѣтила ужасную атмосферу дворца. Живая, пикантная, забавная, разгоняя своими ребяческими выходками безпросвѣтную скуку, царившую въ этихъ мрачныхъ пустынныхъ покояхъ, не ощущая ни малѣйшей робости передъ Императоромъ и даже скорѣе при немъ позволяя себѣ больше, чѣмъ безъ него—она, преображаетъ его, забавляетъ, развлекаетъ, словомъ, она ему нравится—эта рѣзвушка; она скоро это подмѣтила и набралась оттого еще большей храбрости, даже апломба. Начинается своего рода интермедія не любви, положимъ, но уже женскаго кокетства со стороны Стефаніи и добродушнаго флирта со стороны Наполеона. Онъ, можетъ быть, и хотѣлъ бы пойти далѣе, но малютка хочетъ только забавляться, извлечь возможно больше выгодъ изъ своего положенія, но уже отнюдь не думаетъ скомпрометировать себя такимъ неподходящимъ шагомъ. Она чувствуетъ, что не потому выйдетъ замужъ за принца Баденскаго, что она Богарне, но потому, что она родня Наполеона; теперь вопросъ—на какихъ основаніяхъ и правахъ, въ качествѣ кого и какимъ образомъ, подъ какой почетной кличкой войдетъ она въ семью будущаго мужа? Все это зависитъ отъ Императора и только отъ него одного; слѣдовательно, прежде всего необходимо точно узнать, до чего можетъ довести его то легкое увлеченіе, которое она ему успѣла внушить. На этотъ разъ борьбу предстоитъ вести не съ Жозефиной конечно, которая, если и ревнуетъ, то не настолько, чтобы отказаться отъ удовольствія породниться черезъ племянницу съ принцами крови, но съ сестрами Наполеона, вовсе нерасположенными дать возможность возвыситься до себя какой-то Богарне; всѣ онѣ въ особенности Каролина Мюратъ, защищаютъ эти свои привиллегіи съ большимъ ожесточеніемъ и нисколько не жалѣютъ бѣдной дѣвушки; только этой и горя мало: она хохочетъ, показывая свои бѣлые зубки, и эти зубки такъ мило сверкаютъ, что вездѣ въ такихъ случаяхъ побѣда какъ-то признается за нею. Выведенная изъ терпѣнія такой неумѣстной веселостью, Каролина доходитъ наконецъ до грубости. Однажды вечеромъ ждутъ Императора; Стефанія сидитъ на складномъ стулѣ; вдругъ принцессѣ Каролинѣ приходитъ въ голову передать

Стефаніи черезъ кого-то изъ придворныхъ дамъ приказаніе встать со стула, такъ какъ извѣстно, что никто не смѣетъ сидѣть въ присутствіи принцессъ, сестеръ Его Величества Императора. Стефанія послушно встаетъ, но уже не смѣется, а плачетъ горькими слезами. Какъ разъ въ эту минуту входитъ Императоръ и, замѣтивъ эти слезы, которыя можетъ быть такъ же къ лицу, какъ и смѣхъ, справляется объ ихъ причинѣ.—«Только-то», говоритъ онъ, «ну полно, садись ко мнѣ на колѣни. Такъ ты никого не стѣснишь».

Слѣдствіемъ этого, весьма впрочемъ вѣроятнаго инцидента, надо полагать и былъ слѣдующій указъ, данный оберъ-церемоніймейстеру на другой день послѣ прибытія въ Парижъ принца Баденскаго: «Согласно нашему желанію», гласитъ указъ, «чтобы принцесса Stefanie-Napoleon, дочь нашего дома, пользовалась всѣми прерогативами своего высокаго званія, она должна на всѣхъ празднествахъ и собраніяхъ и за столомъ сидѣть рядомъ съ нами, а въ случаѣ нашего отсутствія она сидитъ по правую руку Императрицы». Такимъ образомъ здѣсь, повидимому, малютка шагнула основательно, перескочивъ черезъ Юлію, которая не сегодня-завтра станетъ королевой, черезъ Гортензію, черезъ всѣхъ сестеръ и свояченицъ Императора, даже черезъ гордую принцессу Августу, супругу его пріемнаго сына. А на другой день послѣ этого скачка въ сенатѣ получаются одновременно два извѣстія: одно объ усыновленіи принцессы Stefanie-Napoleon и другое о предстоящемъ бракосочетаніи ея съ принцемъ Баденскимъ, а также приказъ всѣмъ учрежденіямъ, сословіямъ и различнымъ корпусамъ государства прислать по этому случаю своихъ депутатовъ, при чемъ въ депутаціи отъ сената фигурируетъ никто иной, какъ отецъ самой «Принцессы». Этого бывшаго эмигранта, а теперь сенатора, получающаго, какъ таковой, 25,000 фр. жалованья, щедро награждаютъ за то, что у него такая милая дочь. Прежде всего онъ получаетъ Амьенскую сенаторію (съ 25,000 фр. годоваго дохода), не говоря уже о высокомъ постѣ «Chevalier d'honneur», при Маріи-Луизѣ (съ окладомъ 30,000 фран. въ годъ) въ 1810 г. и 200,000 фр. деньгами, полученныхъ имъ 22 сентября того же 1807 г. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что Императоръ дѣлаетъ для самой Стефаніи. Онъ самъ заказываетъ ей платья, приданое, особенно безпокоится о томъ, чтобы былъ готовъ во время одинъ изъ его подарковъ—роскошное платье изъ бѣлаго тюля, шитое золотомъ и драгоцѣнными камнями—и которое одно стоитъ 2,400 фр. 12 платьевъ заказаны имъ для нея у Ленорманъ, каждое стоимостью въ 1900, 1800, 1200 фр.; отъ Леруа онъ забираетъ разныхъ модныхъ вещей и отдѣлокъ на 45,178 фр. 96 сантим.,

у Ру-Монтаньяръ на 2,574 фр. искусственныхъ цвѣтовъ; онъ же даетъ ей въ приданое 150,000фр., прелестную брилльянтовую парюру, массу драгоцѣнностей и наконецъ велитъ выдать ей изъ собственной кассы 1,000 луидоровъ на карманные расходы. Церемоніи гражданскаго и въ особенности церковнаго брака обставлены со всей помпой, какую только можно вообразить себѣ, и всѣ эффекты Императорскаго кортежа весь блескъ, все пестрое великолѣпіе, присущее обстановкѣ торжественныхъ выѣздовъ царственныхъ особъ,—все это здѣсь на лицо. Большаго Наполеонъ не смогъ бы сдѣлать и для собственной дочери. Но торжество не ограничивается однимъ дворцомъ, оно переходитъ и въ городъ, гдѣ по этому случаю съ площади Согласія пускаютъ роскошный фейерверкъ. И вотъ наконецъ потушены огни, замираютъ послѣдніе звуки оркестра, приглашенные разъѣзжаются, залы пустѣютъ; но когда по обычаю Императоръ и Императрица, проводивъ молодыхъ въ отведенныя имъ помѣщенія, собираются оставить ихъ вдвоемъ—нѣтъ никакой возможности уговорить Стефанію принять мужа у себя въ комнатахъ. Она кричитъ, плачетъ, требуетъ, чтобы ея пансіонской подругѣ M-lle Нейли Буржоли позволили лечь спать въ ея комнатѣ. Ѣдутъ въ Мальмезонъ—тамъ тоже самое. Когда бѣдному принцу говорятъ, что это отвращеніе къ нему жены происходитъ отъ его прически и что принцессу ужасаютъ такія прически съ кокомъ напередъ,—онъ тотчасъ же велитъ остричь себѣ волосы à la Titus—но какъ только появляется въ такомъ видѣ передъ молодой женой—Стефанія покатывается со смѣху и объявляетъ, что онъ теперь еще хуже, чѣмъ былъ. Каждый вечеръ повторяется одно и то же. Принцъ приходитъ къ женѣ, проситъ, молитъ, требуетъ и, ничего не добившись, кончаетъ тѣмъ, что отъ усталости засыпаетъ тутъ же въ креслахъ. На утро онъ идетъ жаловаться на жену Императрицѣ, Императоръ, усмѣхаясь, слѣдитъ за этими выходками, ставшими во дворцѣ настоящей «притчею во языцѣхъ». Что Императору такое поведеніе Стефаніи даже нравится и что онъ нисколько не сердитъ на нее—это доказываетъ роскошный праздникъ, данный имъ въ Тюльери въ честь новобрачныхъ; этотъ балъ—первый большой балъ сезона, на который приглашенъ не только дворъ, но положительно весь городъ, словомъ 2,500 персонъ. Этотъ праздникъ однако не сдѣлалъ изъ Стефаніи болѣе нѣжной супруги. Наконецъ политическія соображенія заставляютъ-таки Наполеона вмѣшаться въ эту странную исторію супружескаго несогласія. Кокетство M-lle Богарне когда-то забавляло его: онъ дразнилъ имъ жену и зашелъ дальше даже, чѣмъ хо-

тѣлъ бы, возвеличивъ сверхъ всякой мѣры эту дѣвушку и окруживъ ея замужество такимъ неожиданнымъ блескомъ. Теперь онъ замѣчаетъ, что принцъ Баденскій озабоченъ не на шутку своей семейной неудачей, а въ моментъ, когда война съ Пруссіей дѣлается неизбѣжной, слѣдовало прежде всего сохранить доброе расположеніе къ себѣ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ принцевъ, могущихъ служить помощниками или хотя бы совѣтниками. Наполеонъ едва успѣваетъ разобраться въ извѣстной исторіи съ перехваченными письмами и уяснить себѣ, какія крупныя непріятности грозятъ его пріемной дочери, и, не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности торопитъ молодыхъ отъѣздомъ въ Карлсруэ. Стефанія уѣзжаетъ въ отчаяніи, несмотря на то что увозитъ съ собой трехъ своихъ пансіонскихъ подругъ. Тотчасъ по въѣздѣ своемъ во владѣнія свекра, она пишетъ Императору: Государь, каждый разъ какъ я бываю предоставлена самой себѣ, моя мысль обращается къ Вамъ, къ Императрицѣ, ко всему, что мнѣ дороже всего. Я мысленно переношусь во Францію, воображаю себя снова съ вами и нахожу еще утѣшеніе въ своей печали.»

На это письмо Наполеонъ отвѣчаетъ въ нѣсколько суровомъ, наставительномъ тонѣ, безъ всякаго намека на свои «отеческія» чувства или даже просто нѣжную привязанность. «Карлсруэ — превосходная резиденція», — пишетъ Наполеонъ, старайтесь понравиться герцогу—теперь онъ вашъ отецъ. Любите вашего мужа, который стоитъ этого хотя бы потому, что такъ преданъ вамъ». Когда, наконецъ, она отвѣчаетъ въ желательномъ для него тонѣ, заявляя ему, что ей понравилось въ Карлсруэ,—это смягчаетъ его; отвѣчая ей, онъ называетъ ее своей дочерью, но все же возвращается къ вопросу о томъ, какъ она должна вести себя, и снова настаиваетъ на этомъ пунктѣ. Ледъ таетъ окончательно только тогда, когда наслѣдный принцъ Баденскій предлагаетъ ему вмѣстѣ съ нимъ вести предстоящую компанію и тутъ же объявляетъ ему о беременности Стефаніи. «Я получаю только хорошія вѣсти о васъ», пишетъ Наполеонъ, «продолжайте же быть умницей и доброй ко всѣмъ». Онъ шлетъ ей въ подарокъ пару великолѣпныхъ лошадей изъ своихъ конюшенъ и разрѣшаетъ присоединиться къ Императрицѣ и Гортензіи, пока ея мужъ будетъ находиться въ арміи. Съ тѣхъ поръ въ рѣдкомъ письмѣ своемъ къ Жозефинѣ Наполеонъ не вспоминаетъ о Стефаніи, но это дѣлается такъ мимоходомъ, просто потому, что ему извѣстно о ея пребываніи при Императрицѣ и безъ всякой задней мысли.

XII.

ЭЛЕОНОРА.

Жозефина, можетъ быть, сравнительно спокойна за прочность своего положенія до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не убѣдится, что можетъ имѣть дѣтей, но чтобы подобное убѣжденіе могло вкорениться въ немъ, ему нуженъ цѣлый рядъ неоспоримыхъ доказательствъ. И вотъ какъ разъ возникаетъ въ немъ эта увѣренность, неопровержимыя данныя на лицо, да еще исходятъ оттуда, откуда, уже навѣрное, менѣе всего можно было ожидать чего-либо подобнаго, ни больше ни меньше, какъ отъ мимолетнаго, ничего не значащаго приключенія, которому ни на одну минуту самъ Императоръ не придавалъ ни малѣйшей важности.

M-me Кампанъ, бывшая горничная Императрицы держала въ Сенъ-Жерменъ-де-Лей, какъ уже извѣстно, еще въ концѣ революціи пансіонъ для дѣвицъ, находившійся почти со дня открытія подъ непосредственнымъ покровительствомъ Жозефины, куда та помѣстила послѣдовательно свою дочь Гортензію, своихъ племянницъ и кузинъ, какъ-то: Эмилію и Стефанію Богарне, Стефанію Ташеръ и Фелиситу де-Фадоасъ, затѣмъ свою belle-soeur, Каролину Бонапартъ и даже дочь Люсьена Шарлотту. Вокругъ этихъ дѣвицъ понемногу начали группироваться дочери отцовъ, стремившихся сойтись поближе съ консуломъ, напр. дѣвицы: Барбе-Марбуа, Леклеръ, Викторъ, Макдональдъ и др. А послѣ тѣхъ блестящихъ партій, какія выпали на долю дѣвицамъ Огюйэ, племянницамъ г-жи Кампанъ, благодаря короткости этихъ послѣднихъ съ Гортензіей, масса заботливыхъ маменекъ, иногда совсѣмъ бѣдныхъ, стали добиваться помѣстить въ пансіонъ своихъ дочерей, въ надеждѣ со временемъ устроить и имъ нѣчто подобное.

M-me Кампанъ слыла за особу вліятельную, многимъ выхлопотала должности, добилась исключенія иныхъ своихъ протежэ изъ списка эмигрантовъ, добилась для другихъ возвращенія конфискованныхъ имуществъ. Короче, бывать у нея считалось моднымъ и среди пестрой толпы посѣтителей ея салоновъ на ряду съ вновь восходящими свѣтилами попадались славныя старинныя имена, затѣмъ шли имена финансовыхъ тузовъ, и тутъ же Богъ вѣсть какія-то никому неизвѣстныя фамиліи.

Въ пансіонѣ m-me Кампанъ воспитывалась, между прочимъ, одна дѣвушка, о которой сама начальница едва-ли могла дать сколько-нибудь точныя справки, и которую она врядъ-ли

приняла бы въ свое образцовое нѣкогда заведеніе, если бы въ пришедшемъ уже нѣсколько въ упадокъ пансіонѣ все ростающее число вакантныхъ мѣстъ не заставило ее мало по малу умѣрить прежнюю щепетильность и строгость требованій по части происхожденія своихъ питомицъ. Эта барышня была Луиза-Катерина-Элеонора-Денюэль де-ля Илень. Отецъ, выдававшій себя за помѣщика, занимался невсегда счастливыми спекуляціями, мать—еще очень красивая женщина—вела довольно разсѣянную и не совсѣмъ скромную жизнь, и семья, занимавшая на Итальянскомъ бульварѣ роскошное помѣщеніе, жила кое-какъ изо дня въ день, то выручкой отца, то подозрительными доходами матери, принимая у себя самое смѣшанное общество и терпѣливо ожидая, пока дочь, которой въ 1804 г. исполнилось 17 лѣтъ (родилась она 13 сентября 1787 г.) найдетъ возможность выйти замужъ за богатаго человѣка или, по меньшей мѣрѣ выдвинется хотя бы инымъ путемъ. Но годы идутъ, мужъ должаетъ, жена старѣетъ, поклонники удаляются. Вносить плату за воспитаніе дочери становится тяжело, да сверхъ того послѣ выхода Богарне изъ пансіона времена круто измѣнились, и о свадьбахъ вродѣ Ney или Savary—давно уже нѣтъ и помину. Г-жа Денюэлль рѣшается, за неимѣніемъ открытыхъ передъ нею аристократическихъ салоновъ, усердно вывозить дочь въ театры, и вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, въ ложу театра Gaité, гдѣ обѣ дамы занимали два переднихъ стула, входитъ какой-то офицеръ довольно приличной наружности и занимаетъ сзади нихъ мѣсто. У дамъ далеко несуровый видъ, офицеръ оказывается галантнымъ молодымъ человѣкомъ,—и къ общему удовольствію между сосѣдями тотчасъ же завязывается знакомство: скоро юноша начинаетъ заговаривать о любви—ему отвѣчаютъ какъ жениху. Что жъ, идетъ! Онъ и на это согласенъ, если иначе не обойдется. Разумѣется, его приглашаютъ бывать, онъ не заставляетъ себя упрашивать, вскорѣ обращается въ постояннаго посѣтителя отеля на Итальянскомъ бульварѣ и усердно ухаживаетъ за дочкой. Отецъ старается занять у него денегъ и тѣмъ наводитъ юношу на мысль, что жить на такую широкую ногу не по средствамъ семьѣ; однако послѣ долгаго разговора съ г-жей Кампанъ онъ отбрасываетъ всю свою щепетильность, если таковая еще имѣлась у него, и заранѣе согласенъ на все, требуя только, чтобы свадьба состоялась въ Сенъ-Жерменѣ, что и происходитъ дѣйствительно 15 сентября 1805 г.

Офицеръ Жанъ-Оноре-Франсуа Ревель, называвшій себя капитаномъ 15-го Драгунскаго полка, состоящимъ яко-бы при генералѣ д'Авраншъ д'Анжеронвилль, просто-на-просто плутъ

и мошенникъ; прослуживъ квартирмейстеромъ въ полку онъ только что подалъ въ отставку и намѣреваясь, по его словамъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ поставку продовольствія въ армію, жилъ въ кредитъ гдѣ-то въ гостиницѣ, разсчитывая со временемъ вывернуться и полагаясь при этомъ, какъ кажется, больше на красоту жены, чѣмъ на собственный заработокъ. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы онъ былъ арестованъ за подложный вексель, данный имъ въ уплату за что-то своему же полку, за что и препровожденъ въ тюрьму для предварительнаго заключенія впредь до разбирательства дѣла по обвиненію его въ поддѣлкѣ чужой подписи.

Элеонора вспоминаетъ, что воспитывалась когда-то въ одномъ пансіонѣ съ Каролиной Мюратъ, теперь ея Императорскимъ Высочествомъ принцессой Каролиной, и, заручившись предварительно предстательствомъ и рекомендаціей г-жи Кампанъ, отправляется просить для себя покровительства у принцессы. Каролина помѣщаетъ ее сначала въ какой-то семейный домъ въ Шантильи, куда принимаются такія же, какъ она несчастныя молодыя женщины, а затѣмъ беретъ ее къ себѣ, несмотря на протесты m-me Кампанъ, желавшей было предварительно удалить Элеонору на извѣстное время отъ свѣта, а послѣ того вторично выдать ее замужъ куда-нибудь въ провинцію. Элеонора—высокая, стройная, хорошо сложенная брюнетка съ прекрасными черными живыми глазами, подвижная и кокетливая. Круглая голова и лицо нѣсколько пожалуй простого типа выдаетъ вульгарные грубые инстинкты, но за то все въ ней указываетъ на несомнѣнный темпераментъ и должно привлекать мужчинъ. Какъ брюнетка она то же, что Белимоттъ, какъ блондинка. Тотъ же сдавленный черепъ, то же широкое лицо, та же скотская неодухотворенная, но вызывающая красота, дѣйствующая на мужчинъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ ней больше животнаго, чѣмъ она ближе къ животной природѣ. Мелкія, словно выточенныя на шарѣ черты круглаго лица, пара огромныхъ глазъ на немъ, кажущихся какими-то сверкающими впадинами, нависшіе надо лбомъ черные волосы, удивительно бѣлая кожа и довольно—вся она тутъ.

Элеонора получила далеко нескромное воспитаніе; два мѣсяца, проведенные съ мужемъ, уже конечно не могли способствовать развитію въ ней этого качества.

Сперва въ качествѣ «dame d'annonce», а затѣмъ получивъ въ видѣ повышенія званіе лектрисы, она какъ-бы случайно то и дѣло попадается на глаза Императору, каждый разъ какъ тотъ по возвращеніи изъ Аустерлица приходитъ навѣстить сестру. Она устраиваетъ такъ, чтобы ее замѣтили, и съ пер-

выхъ же словъ съ энтузіазмомъ принимаетъ его предложенія! Она позволяетъ вести себя въ Тюльери, и скоро у нея входитъ въ привычку навѣщать дворецъ время отъ времени, проводя въ немъ два-три часа—при чемъ визиты эти молодая женщина старается сокращать по возможности. Она сама признается, что въ комнатѣ, гдѣ ее принималъ Императоръ, въ глубинѣ алькова висѣли часы и что пока Императоръ былъ чѣмъ-нибудь занятъ, ей удавалось иногда украдкой перевести большую стрѣлку на $^1/_2$ часа впередъ. Время, предназначаемое Наполеономъ для собственныхъ развлеченій, было распредѣлено очень строго; въ такихъ случаяхъ поднявъ голову и взглянувъ на часы онъ говорилъ удивленно: «Уже!» И нетерпѣливая «влюбленная» была свободна. Но какъ ни мало часовъ дарила она Императору и тѣ послужили въ пользу Элеонорѣ, которая, нельзя не сказать, мастерски умѣла преслѣдовать свои выгоды. Хорошо еще, что она не допустила мужа воспользоваться преимуществами своего положенія; 13 февраля она подаетъ прошеніе о разводѣ на основаніи тяжкихъ оскорбленій, полученныхъ отъ мужа, и добивается его тѣмъ скорѣе и легче, что Ревель уже осужденъ въ это время Окружнымъ Судомъ Департамента Сены и Уазы на 2 года тюремнаго заключенія. Разводъ утвержденъ 29 апрѣля 1806 г.—и пора—такъ какъ Элеонора беременна уже съ марта мѣсяца; 13 декабря 1806 г. на улицѣ Побѣды, въ домѣ подъ № 29, она разрѣшилась отъ бремени ребенкомъ мужескаго пола, Леономъ по имени, обозначеннымъ въ документахъ, какъ сынъ дѣвицы Элеоноры Денюэлль, помѣщицы, 20 лѣтъ отъ роду, и неизвѣстнаго отца.

Насчетъ отца положимъ сомнѣваться немыслимо: Элеонора, назвавшая себя въ разводномъ актѣ состоящею при особѣ Е. И. В. принцессы Каролины, все время по возвращеніи своемъ изъ Шантильи жила въ губернаторскомъ отелѣ на улицѣ Провансъ. Отсюда она выходила только для того, чтобы навѣстить Тюльери, и секретъ этихъ визитовъ былъ извѣстенъ одной Каролинѣ. Къ тому же для устраненія, какихъ-либо пререканій по этому поводу—достаточно было только взглянуть на ребенка, сходство котораго съ Наполеономъ просто бросалось въ глаза.

Императоръ получилъ извѣстіе о рожденіи сына въ Пульштюкѣ, 31-го декабря и это событіе неопровержимо доказало Наполеону, что онъ можетъ оставить потомству наслѣдника собственной крови. Возможно, что тайное рожденіе этого ребенка безъ отца и безъ имени больше всего другого повліяло на дальнѣйшее теченіе жизни Наполеона, опредѣлило и укрѣпило въ немъ намѣренія первостепенной важности, принятыя

имъ еще въ Тильзитѣ, но приведенныя въ исполненіе лишь два года спустя.

На первыхъ порахъ Леона поручили m-me Луаръ, кормилицы Ахилла Мюратъ; затѣмъ въ 1812 году на семейномъ совѣтѣ рѣшили назначить ему опекуна въ лицѣ г-на Матье де Мовьера, тестя Меневаля, интимнаго секретара Императора. Не довольствуясь закрѣпленіемъ за сыномъ вполнѣ независимаго состоянія, Наполеонъ, передъ отъѣздомъ въ армію въ 1814 году, поручилъ герцогу Бассано добавить къ прежней цифрѣ еще 12,000 ливровъ годового дохода; 21 іюля 1815 г. самъ присоединяетъ туда же 100,000 фр. въ видѣ 10 каносскихъ акцій, кромѣ того въ завѣщаніи Императора ему, Леону, отказано 320,000 фр. съ тѣмъ, чтобы эти деньги пошли на пріобрѣтеніе имъ земельной собственности, и, продолжая заботиться о немъ до послѣдняго дня своей жизни, Императоръ посвящаетъ Леону 37 §§ своихъ «Инструкцій исполнителямъ духовнаго завѣщанія», гдѣ говоритъ: «Я не противъ того, чтобы маленькій Леонъ впослѣдствіи вступилъ въ магистратуру, если бы это было въ его вкусѣ». Но что значатъ всѣ эти преимущества въ сравненіи съ тѣмъ, что одно время онъ хотѣлъ было для него сдѣлать!

Для того, чтобы избѣгнуть развода и главное разлуки съ Жозефиной, въ которой онъ любилъ все до ея недостатковъ включительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить, раціональнымъ на его взглядъ способомъ, требованію закона о престолонаслѣдіи, одно время онъ несомнѣнно возымѣлъ мысль усыновить своего незаконнаго ребенка, о чемъ говорилъ не разъ Жозефинѣ, и если не прямо, то намеками зондировалъ на этотъ счетъ почву съ иными изъ своихъ приближенныхъ. Подъ вліяніемъ этой идеи онъ ищетъ однородныхъ примѣровъ въ исторіи, обращается къ сравнительно недавнему прошлому Франціи, измышляетъ всевозможныя оправданія, и если отступаетъ въ концѣ концовъ, то лишь потому, что понимаетъ, насколько современное ему общество уже выросло для подобнаго грубаго надъ собой произвола, понимаетъ, что живетъ не во времена Людовика XIV, позволявшаго себѣ предлагать свою корону въ наслѣдіе герцогу де-Менъ и графу Тулузскому. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія этого вопроса, Наполеонъ успѣлъ привыкнуть, почти привязаться къ малюткѣ; часто онъ заставлялъ приводить его къ себѣ въ Елисейскій дворецъ, къ сестрѣ Каролинѣ, и даже въ Тюльери, пока одѣвался или завтракалъ; ему нравилось тогда кормить его сластями, играть съ нимъ и забавляться его дѣтскими выходками.

Но время идетъ и обстоятельства складываются такимъ образомъ, что Наполеонъ уже не въ состояніи заботиться о немъ попрежнему; это не мѣшаетъ ему однако въ 1815 г. поручить ребенка кардиналу Фесту и своей матери; послѣдняя уже занялась было имъ съ большимъ усердіемъ и повидимому расположена была сдѣлать много больше того, что уже сдѣлала, но по совѣсти—Леонъ далеко не изъ тѣхъ, кто могъ бы привлекать и нравиться.

Въ 1832 году ему всего 25 лѣтъ, а онъ уже страстный разорившійся игрокъ и обращаетея за помощью къ кардиналу Фесту, обѣщая ему не проигрывать больше 45,000 фр. въ одну ночь. Но что такое обѣщаніе игрока, чего оно стоитъ? Черезъ годъ онъ уже затѣваетъ какія-то предпріятія, вмѣшивается въ политику, вызываетъ на дуэли кого ни попало, будучи не только храбрецомъ, но и порядочно владѣя шпагой. Въ 1837 г. онъ назначенъ батальоннымъ командиромъ въ коммунарный батальонъ изъ Сенъ-Дени и очень гордится «великимъ человѣкомъ, которому обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ». Вслѣдствіе отказа его отъ исполненія какой-то служебной обязанности, онъ спустя нѣсколько времени былъ отрѣшенъ отъ должности и принялся издавать довольно несвязно написанныя апологическія брошюры, въ смыслѣ которыхъ крайне трудно разобраться; въ 1840 году онъ принимаетъ участіе въ оффиціальномъ кортежѣ изъ «Cendres» и, разорившись въ конецъ, возбуждаетъ противъ матери цѣлую серію возможныхъ процессовъ.

Элеонора дѣйствительно сохранила свое личное состояніе. Покончивъ съ нею, Императоръ никогда не видалъ ее болѣе, и даже отказался принять ее, когда въ 1807 году она явилась въ Фонтенебло, но предварительно обезпечилъ ее, подаривъ ей сперва отель № 29 на улицѣ Побѣды, а 4 февраля 1808 г. закрѣпивъ за ней неподлежащую ни уступкѣ, ни отчужденію ежегодную ренту въ 22.000 ливровъ. Это было какъ разъ въ день ея свадьбы съ поручикомъ пѣхотнаго полка m-eur Pierre-Augier.

Augier увезъ жену въ Испанію и скоро умеръ въ плѣну во время войны съ Россіей.

Овдовѣвъ, Элеонора живо утѣшилась и снова вышла замужъ въ Секенгеймѣ 25-го мая 1814 г. за Карла-Августа Эмилія графа Люксбурга, состоявшаго маіоромъ на службѣ у короля Баварскаго. Вернувшись въ Парижъ съ своимъ новымъ супругомъ, Элеонора натолкнулась прежде всего на своего перваго мужа Ревель и должна была долго бороться противъ угрозъ, шантажа и скандальныхъ выходокъ этого господина, корчившаго изъ себя невинную жертву «павшаго»

тирана и старавшагося всѣми силами извлечь изъ этой комедіи возможно большія выгоды. Графиня Люксбургъ не поддавалась, оказывая упорное сопротивленіе своему бывшему мужу; а тотъ отчасти изъ мести, отчасти въ надеждѣ кое-что заработать, издалъ безчисленное множество памфлетическихъ брошюръ съ превосходно составленными заглавіями, разсчитывая произвести скандалъ; что же касается процессовъ, затѣянныхъ имъ противъ графини, то онъ проигралъ ихъ всѣ до одного и во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Леонъ оказался немного счастливѣе въ процессахъ своихъ противъ матери. Хотя его и исколотили за предъявленіе требованія какого-то отчета и за мошеннически составленную жалобу, зато онъ добился оффиціальнаго признанія себя незаконнымъ ребенкомъ Элеоноры и въ качествѣ такового судомъ принудилъ ее выдать себѣ, помимо денегъ на свое содержаніе, единовременно еще 4,000 фр.

Въ 1848 году, повидимому, онъ перехватилъ откуда-то кое-какія деньги, такъ какъ намѣревался представить свою кандидатуру на постъ президента республики, оспаривая его у принца Луи-Наполеона, съ которымъ 8 лѣтъ назадъ (въ мартѣ 1840 года) собирался драться на дуэли. Эта исторія до такой степени странная можетъ быть объяснима лишь извѣстнаго рода умственнымъ разстройствомъ бѣдняги.

Но вотъ возникаетъ Имперія; Леонъ получаетъ отъ Наполеона III, котораго когда-то хотѣлъ убить, 6,000 фр. ежегодной пенсіи и сверхъ того ему представляется выборъ между полученіемъ суммы, закрѣпленной за нимъ по завѣщанію Наполеона подъ условіемъ пріобрѣтенія земельной собственности, и единовременной выдачей на руки 225,319 фр., но и этого оказалось недостаточно для того, чтобы удовлетворить его вполнѣ. Въ 1853 году онъ требуетъ себѣ 572,670 фр. въ силу какихъ-то никому неизвѣстныхъ декретовъ за апрѣль, май и іюнь 1815 года, а въ 1857 г. досаждаетъ министра публичныхъ работъ своими постоянными претензіями на сумму въ 500,000 фр., которую, говоритъ онъ, министры обязаны выдать ему за представленные имъ чертежи и планы Сѣверной желѣзной дороги. Не проходитъ года, чтобы онъ не осаждалъ правительство подобными петиціями, требованіями и предложеніями; 4, 5, 6 разъ его долги погашаются изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Королевскаго дома. Его мозгъ въ постоянномъ броженіи, голова полна проэктами желѣзныхъ дорогъ, проложеніемъ бульваровъ, процессами, дѣлами.

Онъ умеръ въ Понтуазѣ 15 апрѣля 1881 года несомнѣнно вполнѣ невмѣняемымъ.

XIII.

М-me ВАЛЕВОКАЯ.

1-го января 1807 года Императоръ проѣздомъ изъ Пульштюка въ Варшаву, останавливается на минуту, чтобы перемѣнить лошадей, у воротъ города Брони. Огромная толпа ждетъ тутъ «освободителя Польши», толпа восторженная, бѣснующая, и едва показалась императорская коляска—какъ народъ хлынулъ къ ней. Коляска останавливается; изъ нея выходитъ офицеръ генеральнаго штаба Дюрокъ и съ трудомъ проталкивается до почтовой станціи. Въ то время когда ему уже почти удалось пробраться, раздается отчаянный крикъ по близости, онъ видитъ чьи-то съ мольбой протянутыя къ нему руки, и женскій голосъ говоритъ ему по-французски:

«О, M-eur» посторонитесь пожалуйста и дайте мнѣ взглянуть на него хоть одну минуту!» Онъ останавливается—передъ нимъ двѣ дамы, растерявшіяся въ этой толпѣ крестьянъ и рабочихъ. Одна—та, что заговорила съ нимъ, выглядитъ еще совсѣмъ ребенкомъ; это очень свѣтлая блондинка съ очень наивнымъ и очень нѣжнымъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ, въ эту минуту сверкавшихъ огнемъ неземного восторга; кожа тонкая, гладкая, свѣжая какъ лепестокъ чайной розы, а все лицо залито румянцемъ стыдливой скромности. Она довольно низкаго роста, но сложена чудесно, такая тоненькая, хрупкая, съ такими волнистыми линіями гибкаго торса; это—сама грація; на ней темное, совсѣмъ просто сшитое платье и темная-же шляпа съ большой черной вуалью. Дюрокъ разобралъ все съ одного взгляда. Онъ выводитъ дамъ изъ тѣснящейся кругомъ толпы, предлагаетъ руку блондинкѣ и подводитъ ее къ коляскѣ Императора со словами: «Государь, взгляните на ту, которая пренебрегла для Васъ опасностями и страхомъ передъ толпою».

Императоръ любезно снимаетъ шляпу и, наклонясь въ сторону дамы, что-то говоритъ ей, но она, какъ бы обезумѣвъ, растерявшись подъ наплывомъ нахлынувшаго на душу чувства, въ порывѣ, какъ она потомъ увѣряетъ сама, какого-то неудержимаго восторга, перебиваетъ его, не давая ему времени окончить начатую фразу. «О, будьте дорогимъ, тысячу разъ дорогимъ гостемъ на нашей землѣ!» восклицаетъ она. «Что бы мы ни дѣлали, ничто не въ состояніи достаточно сильно выразить тѣ чувства, какія мы питаемъ къ Вамъ, ни то удовольствіе, какое ощущаемъ видя, какъ Вы вступаете на почву нашей отчизны, ожидающей Васъ для того, чтобы снова подняться!» Пока она задыхаясь бросаетъ ему эти несвяз-

ныя фразы,—Императоръ пристально вглядывается ей въ лицо, затѣмъ, подавая ей букетъ, лежавшій въ его коляскѣ, онъ говоритъ: «Сохраните его, какъ залогъ моихъ добрыхъ намѣреній. Мы, надѣюсь, увидимся въ Варшавѣ, и тамъ я потребую слова благодарности изъ Вашихъ прекрастныхъ устъ».

Дюрокъ занимаетъ свое прежнее мѣсто рядомъ съ Императоромъ, экипажъ быстро удаляется, и нѣкоторое время черезъ опущенныя стекла кареты Императоръ привѣтственно махаетъ своей трехуголкой.

Эту молоденькую женщину звали Маріей Лещинской, по мужу Валевской. Происходила она изъ старинной, но обѣднѣвшей и къ тому-же необычайно многочисленной семьи: дѣтей—цѣлыхъ шестеро; отецъ умеръ, когда старшая дочь Марія была еще совсѣмъ малюткой; его вдова, вся поглощенная заботой о томъ, какъ бы поднять доходность крошечнаго имѣньица, составлявшаго все ихъ богатство, помѣстила всѣхъ дочерей въ пансіонъ. Тамъ ихъ учили немного по-французски столько-же по-нѣмецки, слегка музыкѣ и танцамъ. $15^1/_2$ лѣтъ Марія вернулась домой къ матери—не особенно ученой, но безусловно чистой дѣвушкой, храня въ своемъ юномъ сердечкѣ двѣ страсти: къ религіи и къ отчизнѣ.

Эти два чувства были единственными пружинами, двигавшими всей ея жизнью.

Едва она успѣваетъ войти въ домъ своей матери, какъ въ силу какихъ-то чрезвычайныхъ обстоятельствъ ей представляются двѣ одинаково блестящія партіи и Марія выходитъ замужъ за Анастасія Велевичъ Валевскаго ему 70 лѣтъ, онъ второй разъ вдовѣетъ и его старшій внукъ на 9 лѣтъ старше Маріи. Что дѣлать—зато онъ очень богатъ; тамъ гдѣ живутъ Лещинскіе, онъ единственный магнатъ на всю округу,—ему принадлежатъ почти всѣ земли, одинъ онъ живетъ въ собственномъ замкѣ, онъ законодатель здѣшняго общества, онъ одинъ принимаетъ у себя бѣдныхъ сосѣдей и кормитъ ихъ обѣдами; онъ-же камергеръ покойнаго короля и въ торжественные дни, носитъ на груди голубой орденскій шнуръ Бѣлаго Орла. Онъ глава одного изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ въ цѣлой Польшѣ, съ незапамятныхъ временъ связаннаго съ Римскимъ домомъ Колонна, носящаго одни съ нимъ гербы и превосходящаго по древности своего происхожденія всѣ фамиліи временъ царства и республики. Какъ-же было м-ме Лещинской не ухватиться за такого зятя! Марія даже не пробуетъ протестовать открыто, такъ какъ первое ея возраженіе по этому поводу встрѣтило до нельзя жестокій пріемъ; нервная лихорадка вскорѣ укладываетъ ее въ постель и

4 мѣсяца бѣдная дѣвушка находится между жизнью и смертью; едва выздоравливающую ее ведутъ къ алтарю. Три года проводитъ юная страдалица въ уединенномъ замкѣ Валевичъ, находя себѣ единственное утѣшеніе въ благотворительности, которой отдается съ всевозростающимъ рвеньемъ. Наконецъ она беременѣетъ и родитъ сына. Все оживаетъ вокругъ для нея: пусть, думаетъ она, ея сынъ будетъ счастливъ за двоихъ, пусть возьметъ себѣ ея право на счастье, пусть хотя онъ вознаградитъ ее за ея загубленную жизнь.

Тотъ, кто только что побилъ Пруссію и подъ Аустерлицемъ уже успѣлъ помѣряться силами съ Россіей, долженъ не сегодня —завтра опять столкнуться съ Пруссіей и ея союзниками. Провидѣніе, создавъ въ лицѣ Наполеона противника обѣихъ могущественныхъ державъ, раздѣлившихъ между собою побѣжденную Польшу, тѣмъ самымъ какъ бы предназначило его для роли друга, покровителя, можетъ быть даже спасителя Поляковъ,

Въ его побѣдномъ шествіи что ни шагъ, то торжество, какъ обманчивую фантасмагорію сметаетъ онъ съ своей дороги отряды Прусской арміи; вотъ онъ въ Берлинѣ, вотъ все ближе и ближе подвигается къ границамъ прежняго царства Польскаго; тутъ общая лихорадка, энтузіазмъ и напряженное ожиданіе достигаютъ своего апогея. Ихъ замокъ Валевичъ такъ удаленъ отъ центра всѣхъ новостей—гдѣ ихъ достать, коли не въ Варшавѣ? Ея мужъ—тоже патріотъ въ душѣ, ѣздившій въ Парижъ спеціально для того, чтобы видѣть перваго консула, и представленный въ то время Наполеону,—предлагаетъ женѣ ѣхать въ Варшаву. Ѣдутъ въ городъ и тамъ устраиваются. Домъ обставленъ съ подобающей роскошью, такъ какъ нужно-же жить сообразно съ своимъ положеніемъ, и для этого молодая женщина должна бывать въ свѣтѣ. Она, понимая, чего ей не хватаетъ для роли свѣтской женщины, постоянно боясь ошибиться, говоря по-французски, и при своей природной застѣнчивости, лишенная какой бы то ни было поддержки со стороны семьи и со стороны самого общества,—чувствуетъ безграничное отвращенье къ свѣтской жизни и особенный страхъ къ посѣщеніямъ «Bach'a», дворца князя Іосифа Понятовскаго, центра тогдашняго высшаго Общества. Покоряясь категорическому требованію мужа, она рѣшается принимать и дѣлать оффиціальные визиты, но твердо ограничивается ими въ своихъ сношеніяхъ съ обществомъ; такимъ образомъ для всѣхъ она остается почти незнакомой и несмотря на ея рѣдкую красоту никто не занимается ею. Скоро разносится вѣсть о предстоящемъ прибытіи Императора, всѣ хлопочатъ надъ тѣмъ, чтобы достойно принять его и

чтобы сдѣлать въ Варшавѣ нѣчто лучше того, что было сдѣлано въ Познани. Все пошло вверхъ дномъ, надо, чтобы Наполеонъ остался доволенъ: вѣдь судьба Польши зависитъ отъ этого. Молодая женщина хочетъ привѣтствовать его первая и, не разсчитавъ, не понявъ всей эксцентричности этой выходки—она уговариваетъ одну изъ своихъ кузинъ, присоединиться къ ней,—живо садится въ карету и, презирая всѣ препятствія, что есть духу мчится въ Брони.

Проводивъ глазами Императорскую карету, она долго еще смотритъ въ пространство, неподвижно, какъ бы ошеломленная, стоя на томъ-же мѣстѣ; чтобы вернуть ее къ дѣйствительности, ея спутница должна была долго трясти ее за плечи и еще дольше увѣщевать. Бережно обертываетъ она батистовымъ платкомъ букетъ, данный ей Императоромъ, молча садится въ карету и позднею ночью возвращается домой. Она твердо рѣшила молчать о своемъ путешестіи; не представляться Императору и не показываться ни на одномъ праздникѣ; но ея спутница, несмотря на данное обѣщаніе не выдавать секрета, слишкомъ гордится этимъ приключеніемъ, чтобы сдержать обѣщаніе. И вотъ однажды утромъ князь Іосифъ Понятовскій присылаетъ спросить у нея, въ которомъ часу она можетъ его принять. Онъ входитъ къ ней послѣ полудня и съ громкимъ смѣхомъ, какъ-бы напрашиваясь къ ней въ соучастники, приглашаетъ ее на балъ, который собирается дать, а такъ какъ она защищаясь и краснѣя притворяется непонимающей, то онъ безцеремонно объясняетъ ей, что на одномъ изъ обѣдовъ, данныхъ въ честь Императора, Наполеонъ, казалось отличилъ княгиню Любомирскую, что съ тѣхъ поръ ее усиленно старались ему показывать, но что Дюрокъ объяснилъ, будто его повелитель обращалъ нѣкоторое вниманіе на княгиню лишь потому, что та напоминала ему ту прелестную незнакомку, которую онъ замѣтилъ въ Брони у городскихъ воротъ. Кто была эта незнакомка? Дюрокъ далъ всѣ подробности этого приключенія: онъ въ мельчайшихъ подробностяхъ описываетъ черты лица и характеръ туалета, но Понятовскій никакъ не могъ угадать и приходилъ въ непритворное отчаяніе, до тѣхъ поръ пока случайно чья-то нескромная болтливость не натолкнула его на настоящую дорогу—и вотъ онъ поспѣшилъ пріѣхать. Императоръ замѣтилъ ее, надо слѣдовательно устроить такъ, чтобы она была на балу. Но та отказывается. Онъ настаиваетъ. «Кто знаетъ», говоритъ онъ, «можетъ быть небу угодно черезъ васъ возстановить нашу родину?» Однако она не сдается, и онъ уходитъ раздосадованный,

но едва онъ успѣлъ удалиться, какъ докладываютъ о пріѣздѣ одного за другимъ всѣхъ первыхъ представителей Польши, тѣхъ самыхъ «Государственныхъ людей»,—авторитетъ которыхъ зиждется на всеобщемъ почтеніи, уваженіи и довѣріи цѣлой націи къ ихъ безупречному поведенію и ихъ высокой просвѣщенности. Каждому изъ нихъ извѣстно, въ чемъ дѣло, и каждый считаетъ долгомъ разсыпаться въ комплиментахъ и вкрадчивыхъ увѣщаньяхъ. Но и этого недостаточно,—какъ разъ въ эту минуту пріѣзжаетъ ея мужъ. Ему одному ничего неизвѣстно о приключеніи въ Брони, и въ этихъ настойчивыхъ просьбахъ онъ видитъ со стороны собравшихся вельможъ съ одной стороны просто знакъ уваженія къ себѣ и своему положенію, а съ другой—публичное одобреніе, высказанное собственному выбору этой своей третьей жены—дѣвушки не его круга—и потому онъ больше другихъ настаиваетъ на томъ, чтобы она ѣхала, находя ея страхи и опасенія—по меньшей мѣрѣ смѣшными и неумѣстными. Мало того, что онъ проситъ, онъ приказываетъ. Итакъ, она сдается—и—поѣдетъ на балъ. Она ставитъ только одно условіе: чтобы ее избавили отъ церемоніи оффиціальнаго представленія Императору, такъ какъ кромѣ нея всѣ женщины уже представлялись и ей предстояло бы такимъ образомъ очутиться въ такомъ исключительномъ положеніи, которое удвоило бы ея замѣшательство. Настаетъ знаменательный день, мужъ торопитъ ее, пока она одѣвается; онъ боится опоздать и пріѣхать послѣ Императора; онъ критикуетъ ее, осматриваетъ ее съ головы до ногъ и дѣлаетъ ей строгій выговоръ: ему хотѣлось бы чтобы она въ этотъ вечеръ одѣлась какъ можно богаче и изящнѣе, тогда какъ на ней простое гладкое бѣлое атласное платье съ бѣлой-же газовой туникой, а на головѣ простая діадема изъ одной зелени даже безъ цвѣтовъ. Она пріѣзжаетъ—одобрительный шепотъ встрѣчаетъ ея появленіе. Ее помѣщаютъ между двухъ незнакомыхъ ей дамъ, но Іосифъ Понятовскій тотчасъ-же спѣшитъ привѣтствовать новую гостью, занимаетъ мѣсто за ея стуломъ. «Васъ *ждали* съ нетерпѣніемъ», говоритъ онъ, «и *встрѣтили* съ радостью.» Ваше имя *заставляли* повторять себѣ до тѣхъ поръ, пока не выучили его наизусть. Разсматривая вашего мужа, *пожали* плечами и *воскликнули* «Несчастная жертва!» И мнѣ *приказано* пригласить васъ танцовать« —«Я не танцую», отвѣчаетъ она, «и совсѣмъ не хочу танцовать». Князь отвѣчаетъ, что это приказанье, и Императоръ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы оно было исполнено, что если она не будетъ танцовать, это прежде всего отзовется на немъ, какъ на хозяинѣ дома, и что успѣхъ бала зависитъ исключительно отъ нея. Она не сдается; Понятовскому поне-

волѣ остается одно—отыскать Дюрока, разсказать ему все, какъ было, и попросить передать свой разсказъ Императору,—что онъ и дѣлаетъ.

Вокругъ прекрасной незнакомки, какъ мотыльки, порхаютъ и увиваются блестящіе офицеры французскаго, генеральнаго штаба, ибо, что уже вовсе не тайна для поляковъ—продолжаетъ еще оставаться тайной для французовъ. Тогда Наполеонъ прибѣгаетъ къ усиленнымъ мѣрамъ для удаленія назойливыхъ соперниковъ. Сперва Луи-де-Перегоръ кажется ему наиболѣе настойчивымъ поклонникомъ; Императоръ знакомъ подзываетъ къ себѣ Бертье и приказываетъ ему немедля отослать неудобнаго для себя адъютанта въ 6-ой корпусъ на Passarge; потомъ его начинаетъ тревожить Бертранъ—новый знакъ Бертье и Бертрана тотчасъ же выпроваживаютъ на главныя квартиры передъ Бреслау къ принцу Жерому.

Танцы между тѣмъ прекратились. Императоръ обходитъ салоны, бросая на ходу фразы, долженствующія сойти за любезности, но какъ-то особенно фальшиво звучащія именно вслѣдствіе контраста съ его озабоченнымъ лицомъ и разсѣяннымъ тономъ. И не удивительно: молоденькую дѣвушку онъ спрашиваетъ, сколько у нея дѣтей, старую дѣву—не ревнуетъ ли ее мужъ къ поклонникамъ ея красоты; у колоссально толстой дамы справляется о томъ, любитъ ли она танцовать; онъ говоритъ, какъ бы не думая о томъ, что дѣлаетъ, какъ бы не слыша именъ, которыя ему перечисляютъ, и этотъ перечень словно ничего не говоритъ его памяти, словно скользитъ по уму, напряженно занятому одной только женщиной—единственной, которая въ данную минуту существуетъ для него въ цѣломъ мірѣ. Наконецъ, онъ приближается къ ней—сосѣдки подталкиваютъ ее локтями, чтобы она встала; она встаетъ и вся блѣдная, потупя глаза застываетъ въ ожиданіи. «Бѣлое не идетъ къ бѣлому, сударыня», говоритъ онъ ей вслухъ и прибавляетъ почти шепотомъ: «Не на такой пріемъ я имѣлъ право разсчитывать послѣ»...

Она молчитъ.

Онъ смотритъ на нее секунду и проходитъ дальше.

Нѣсколько минутъ спустя онъ уѣзжаетъ съ бала. Тотчасъ же тѣснившееся вокругъ него общество распадается на группы и спѣшатъ передать, что Императоръ сказалъ одной, другой, третьей—особенно же интересуются тѣмъ, что онъ сказалъ ей», что могла значить фраза, съ которой онъ обратился къ ней вслухъ,—а въ особенности, о чемъ такое онъ говорилъ ей такъ тихо, что многимъ удалось разслышать только послѣднее слово? Она уклоняется отъ прямого отвѣта, но въ каретѣ мужъ возобновляетъ допросъ, и когда она продолжа-

етъ отмалчиваться—сухо предупреждаетъ ее, что онъ принялъ приглашеніе на обѣдъ, гдѣ долженъ быть и Императоръ. Онъ требуетъ, чтобы на этотъ разъ ея туалетъ былъ богатъ и изысканъ, и съ досады уходитъ, оставивъ жену на порогѣ ея аппартаментовъ какъ разъ въ ту минуту, когда та готова признаться ему въ своей неосторожной выходкѣ въ Брони и повѣдать всѣ требованія, къ ней предъявляемыя, и всѣ тревоги, ее осаждающія.

Едва она успѣваетъ войти къ себѣ, какъ горничная передаетъ ей записку, которую она разбираетъ съ великимъ трудомъ: «я видѣлъ васъ одну», говорится въ ней, любовался только вами и хочу только васъ. Отвѣтьте какъ можно скорѣе и успокойте нетерпѣливую пылкость Вашего

N.

Она съ негодованіемъ мнетъ въ рукѣ эту записку, тонъ которой возмущаетъ ее, но это еще не все—тамъ на улицѣ кто-то ждетъ отвѣта—это князь Іосифъ Понятовскій; она посылаетъ горничную сказать, что отвѣта не будетъ, но князь не признаетъ еще себя побѣжденнымъ, онъ слѣдуетъ за служанкой и проникаетъ въ ея комнаты; она едва успѣваетъ запереться на ключъ въ своей спальнѣ.

Здѣсь она черезъ дверь заявляетъ князю, что рѣшеніе ея неизмѣнно; она также категорически отказывается отвѣчать, какъ отказалась танцовать на балу. Князь проситъ, молитъ, грозитъ и, рискуя скандаломъ, полчаса не отходитъ отъ этой запертой двери. Наконецъ онъ уѣзжаетъ взбѣшенный. На другой день едва она открыла глаза—ея горничная вручаетъ ей вторую записку; даже не распечатавъ ее, она прилагаетъ ее ко вчерашней и приказываетъ вручить обратно посланному обѣ записки.

Что ей остается дѣлать? Ей 18 лѣтъ, она совершенно одинока, безъ совѣтниковъ, безъ руководителей, и защищается какъ можетъ—но что значитъ она одна противъ всѣхъ? Съ самаго утра ея салоны кишатъ посѣтителями,—это вихрь какой-то, что-то невѣроятное; сюда спѣшатъ всѣ вельможи націи, члены правительства, великій маршалъ Дюрокъ. Она отказывается выходить, ссылаясь на мигрень, и запирается въ спальнѣ, гдѣ устало растягивается на chaise-longue, но мужъ приходитъ въ настоящую ярость отъ ея поведенія и чтобы доказать всѣмъ, что онъ вопреки молвѣ совсѣмъ не ревнивъ, насильно вводитъ въ ея комнату князя Іосифа и другихъ поляковъ. Въ ихъ присутствіи онъ требуетъ, чтобы она согласилась быть оффиціально представленной Императору и присутствовать на обѣдѣ, такъ какъ онъ обѣщалъ всѣмъ быть.

Поляки разумѣется поддакиваютъ ему цѣлымъ хоромъ, а одинъ изъ нихъ, самый почтенный, всѣми уважаемый, самое вліятельное въ правительствѣ лицо, пристально смотритъ на нее и говоритъ строгимъ тономъ: «все должно отступить, сударыня передъ обстоятельствами, значеніе которыхъ столь важно для цѣлой націи. Итакъ будемъ надѣяться, что ваше нездоровье пройдетъ до предполагаемаго обѣда, котораго вы можете избѣжать не иначе, какъ показавъ себя передъ всѣми очень плохой патріоткой». Такимъ образомъ ей волей-неволей приходится встать и ѣхать по приказанію мужа къ г-жѣ de-Vauban, любовницѣ князя Іосифа, чтобы заручиться у нея совѣтами относительно того, въ какомъ платьѣ ей слѣдуетъ быть на обѣдѣ, и просить посвятить себя въ таинства придворнаго этикета. Это въ высшей степени ловкій маневръ направить ее въ руки m-me де-Vauban—значитъ бросить ее беззащитную прямо на произволъ тому, кто собственно и ведетъ всю интригу. Къ тому-же m-me ed-Vauban не видитъ въ томъ никакого коварства и играетъ свою роль вполнѣ естественно, отъ души, ровно ничего не подозрѣвая. Урожденная Пюжо-Барбантанъ она долгое время жила прежде въ Версалѣ, а съ самой эмиграціей поселившись въ Варшавѣ и тамъ публично живя съ своимъ прежнимъ любовникомъ, она искренно думаетъ, что доставить любовницу какому-нибудь государю—будь то Людовикъ XV или Наполеонъ—все равно—самая почетная миссія, какую только въ силахъ исполнить придворный; что же касается чистоты, скромности, чувства долга и супружеской вѣрности,—то ей никогда и въ голову не могло притти, чтобы хоть одна женщина въ мірѣ могла выбирать между подобными предразсудками и извѣстнаго рода преимуществами. Она чувствуетъ однако, что въ данномъ случаѣ преимуществами не соблазнишь; понимаетъ, что ей предстоитъ дѣйствовать крайне искусно, и что сбить съ толку подобную добродѣтель, можно только, пустивъ въ ходъ средства, ей совсѣмъ несвойственныя, вотъ почему, осыпавъ новоприбывшую обѣщаньями и комплиментами, она тутъ же поручаетъ ее одной бѣдной молодой дамѣ, которая послѣ развода своего съ мужемъ живетъ при ней въ качествѣ компаньонки; та—юная, красивая, живая, легкомысленная, умненькая и по лѣтамъ гораздо болѣе ея подходящая къ m-me Валевской, обладаетъ всѣмъ, чтобы понравиться этой послѣдней, всѣмъ—не исключая своего не то притворнаго, не то искренняго, но видимо экзальтированнаго патріотизма.

И вотъ эта женщина втирается къ ней въ довѣріе, проникаетъ ей въ сердце, дотолѣ незнавшее дружбы, томимое властной, хотя и безсознательной потребностью излиться, вы-

сказаться, довѣриться наконецъ другому симпатичному существу. Ловкая дамочка становится въ прекрасныя отношенія съ мужемъ и ни на минуту не покидаетъ жены; наконецъ убѣждаясь, что ея разговоры, восторженныя восклицанія и патріотическій бредъ принесли желанные плоды, она пишетъ молодой женщинѣ слѣдующее посланіе за подписью наиболѣе уважаемыхъ представителей націи и даже членовъ временнаго правленія:

«Сударыня, часто незначительныя вещи имѣютъ огромныя послѣдствія. Женщины всѣхъ временъ имѣли большое вліяніе на міровую политику. Древняя такъ и новая исторія подтверждаютъ намъ эту истину. Пока страсти будутъ управлять мужчинами, до тѣхъ поръ, сударыня, вы, женщины, не утратите своего ужасающаго могущества. Будь вы мужчиной, вы отдали бы свою жизнь на служеніе и защиту дорогой родины; вы женщина и не можете защищать ее съ опасностью жизни, это противъ вашей природы; но съ другой стороны есть жертвы другого рода, и эти жертвы вы обязаны принести вашей родинѣ, даже въ томъ случаѣ, если онѣ показались бы вамъ очень тяжелыми. Неужели вы думаете, что Эсфирь отдалась Ассуру по любви? Ужасъ, который онъ внушалъ ей до того, что при одномъ его взглядѣ она теряла сознаніе,—развѣ не ясно доказываетъ, что нѣжныя чувства не играли никакой роли въ этомъ союзѣ? Она пожертвовала собою. Да позволено будетъ и намъ сказать тоже о вашей славѣ и нашемъ счастьѣ.

Развѣ же вы не дочь, не мать, не сестра, не супруга тѣхъ доблестныхъ поляковъ, вмѣстѣ со всѣми нами составляющихъ одну національную семью, которая можетъ усилиться только благодаря численности и единству членовъ, ее составляющихъ. Такъ узнайте-же, сударыня, что сказалъ Фенелонъ, человѣкъ святой, набожный, вдохновенный:—«мужчины при всемъ своемъ признанномъ обществомъ авторитетѣ не могутъ ни установить, ни распространить никакого дѣйствительнаго блага, если женщины не помогутъ имъ это выполнить». Внемлите же этому голосу, пріобщенному къ нашему, если хотите порадоваться на счастье 20 милліоновъ людей».

Итакъ—теперь ужъ выходитъ, что семья, родина, религія, Ветхій и Новый завѣтъ—все приказываетъ ей уступить. Все пущено въ ходъ для того, чтобы ускорить паденіе 18-ти лѣтней женщины, наивной, простой, не имѣющей ни мужа, которому ей можно было бы довѣриться, ни родныхъ, готовыхъ за нее вступиться, ни даже друзей, желающихъ ее спасти. Всѣ словно сговорились итти противъ нея, а чтобы покончить съ нею, ей читаютъ записку Наполеона, ту самую, что она

отослала назадъ нераспечатанною:—«Неужели я вамъ непріятенъ, сударыня? Я имѣлъ однако право надѣяться на обратное. Я ошибся? Вы охладѣли, я, наоборотъ, горячусь все сильнѣе. Вы лишаете меня покоя. О, дайте хоть немного радости и счастья бѣдному сердцу, готовому васъ обожать. Ужели такъ трудно добиться отвѣта? За вами вѣдь ихъ цѣлыхъ два.

N.

Едва успѣла ея новая наперсница прочитать это письмо, какъ входитъ мужъ. Гордый успѣхами жены, наивно ставя ихъ себѣ въ заслугу, и, какъ честный человѣкъ, ничего не понимая, не подозрѣвая даже и тѣни того, чего отъ нея добиваются, онъ продолжаетъ настаивать на томъ, чтобы она ѣхала на этотъ злополучный обѣдъ. Бѣдное дитя понимаетъ, что это рѣшительный шагъ и даже какъ-бы обязательство. Но всѣ этого хотятъ—итакъ, она ѣдетъ. До самаго вечера ея салоны не пустуютъ вовсе, озабоченные посѣтители то и дѣло смѣняютъ одинъ другого, словно принося ей свои молчаливыя поздравленія, а чтобы она не раздумала ночью. около нея до утра на подобіе ординарца дежуритъ повѣренная m-me де-Vauban.

Садясь въ коляску, чтобы ѣхать по общему настоянію на этотъ обѣдъ, m-me Валевская успокаивала себя тѣмъ, что, не любя Наполеона, она не имѣла и причинъ его бояться. Льстивая угодливость иныхъ приглашенныхъ, ожидавшихъ ея прибытія въ надеждѣ заручиться ея покровительствомъ на первыхъ порахъ, только усилила ея отвращеніе къ своей предполагаемой «Побѣдѣ», и она твердо рѣшила остаться безстрастной; какъ разъ въ это время вошелъ Императоръ. Въ этотъ вечеръ онъ видимо приготовился заранѣе или былъ настроенъ лучше, чѣмъ тогда на балу, и потому довольно удачно распредѣлялъ на ходу свои любезныя фразы, но когда, наскоро обойдя все собраніе, онъ приблизился къ ней, и ему ее назвали, онъ сказалъ просто: «я думалъ, что вы нездоровы, сударыня; вполнѣ ли вы поправились?» Эти простыя слова, преднамѣренная банальность которыхъ имѣла цѣлью устранить возможныя подозрѣнія, именно по этому показались ей необычайно деликатными. За столомъ ее посадили рядомъ съ великимъ маршаломъ и почти напротивъ Императора, который, какъ только всѣ усѣлись, началъ сжато, коротко и по обыкновенію рѣзкимъ тономъ разспрашивать кого-то изъ приглашенныхъ объ исторіи Польши. Казалось, онъ очень внимательно выслушивалъ отвѣты, останавливался на каждой подробности и освѣдомляясь о каждой частности, задавая все

новые вопросы. Но говорилъ ли онъ или слушалъ, его взглядъ, настойчиво все время устремленный на m-me Валевскую, и только изрѣдка, но многозначительно переходилъ на Дюрока, съ которымъ у него повидимому установилось нѣчто вродѣ молчаливой бесѣды. Можно было бы подумать, что фразы, съ которыми Дюрокъ обращался къ своей сосѣдкѣ, диктовались ему этими упорными взглядами и странными, хотя вполнѣ естественными съ виду и даже какъ бы машинальными жестами, которыми Императоръ уснащалъ свою серьезную бесѣду о Европейской политикѣ. Былъ моментъ, когда онъ вдругъ поднесъ руку къ лѣвому борту своего сюртука, Дюрокъ нѣсколько мгновеній колеблется, внимательно смотритъ на своего государя и наконецъ догадавшись испускаетъ успокоительно «А!» Дѣло идетъ о букетѣ изъ Брони.—«Куда онъ дѣлся?» спрашиваетъ Дюрокъ свою сосѣдку.

Она спѣшитъ отвѣтить, что сохраняетъ, какъ святыню, для сына цвѣты, данные ей Императоромъ. «О, сударыня», отвѣчаетъ великій маршалъ, «дозвольте же, чтобы вамъ предложили нѣчто болѣе достойное васъ». Она чувствуетъ въ этой фразѣ оскорбительный для себя намекъ и отвѣчаетъ громко, краснѣя отъ стыда и гнѣва: «Я люблю только цвѣты». Дюрокъ на минуту какъ-бы растерялся. — «Ну что же, нашелся онъ наконецъ, «мы нарвемъ лавровъ на вашей родной землѣ, и предложимъ ихъ вамъ». На этотъ разъ зарядъ попалъ въ цѣль,—онъ это видитъ по ея смятенію. Но что сталось съ нею, когда изъ столовой всѣ двинулись въ салоны, а Императоръ, воспользовавшись послѣобѣденной суматохой, вдругъ приближается къ ней и, вперивъ свой могучій сверкающій взглядъ, котораго ни одинъ человѣкъ никогда не могъ спокойно выдержать, беретъ ея руку, крѣпко сжимаетъ и говоритъ совсѣмъ тихо: «Нѣтъ! нѣтъ! Съ такими кроткими, нѣжными глазами, съ такимъ выраженьемъ доброты на лицѣ— нельзя быть непреклонной, нельзя хотѣть терзать людей— или ужъ нужно быть самой жестокой кокеткой, самой безсердечной изъ женщинъ»...

Онъ уѣзжаетъ—всѣ мужчины провожаютъ его; она позволяетъ m-me de-Vauban, утащить ее къ себѣ. Ее тамъ ждутъ: все только свои, посвященные въ ея тайну, все тѣ же, что были съ ней тамъ на обѣдѣ; всѣ окружаютъ ее, твердятъ въ одинъ голосъ: «Онъ видѣлъ васъ одну, онъ жегъ васъ глазами». Она одна можетъ ходатайствовать передъ нимъ за освобожденіе націи, одна можетъ растрогать его и убѣдить возстановить прежнюю Польшу.

Затѣмъ, словно повинуясь чьему-то приказанію, всѣ мало-по-малу расходятся и когда Дюрокъ входитъ въ салонъ, то

находитъ ее одну въ обществѣ только ея новой наперсницы, съ нѣкоторыхъ поръ ставшей какъ-бы тѣнью ея. Всѣ двери оказываются притворенными. Дюрокъ садится возлѣ нея, кладетъ ей на колѣни какое-то письмо и, взявъ ея руку, мягкимъ и кроткимъ голосомъ молитъ ее: «Неужели же вы сможете», говоритъ онъ, «отринуть просьбу того, кому еще никто ни въ чемъ не отказывалъ? Ахъ, слава его омрачена печалью, и отъ васъ зависитъ замѣнить ее счастьемъ». Онъ говоритъ долго и убѣдительно; она ничего не отвѣчаетъ.

Высвободивъ свою руку изъ его рукъ, она закрываетъ ею лицо и плачетъ, всхлипывая совсѣмъ по-дѣтски; тогда за нее отвѣчаетъ ея подруга; та ручается, что она придетъ на свиданье, и такъ какъ m-me Валевская протестуетъ и возмущается, то ее стыдятъ отсутствіемъ патріотизма, говорятъ, что она дурная полька, и что бы ни дѣлали здѣсь Наполеону всего будетъ мало. Затѣмъ наконецъ проводивъ великаго маршала новыми увѣреньями и обѣщаньями, она распечатываетъ записку и читаетъ вслухъ:

«Есть въ жизни моменты, когда слишкомъ большое напряженіе давитъ, и я какъ разъ испытываю это самое; какъ мнѣ удовлетворить страстное стремленіе любящаго сердца, которому хотѣлось бы пасть къ вашимъ ногамъ и которое вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаютъ высшія соображенія, парализующія живѣйшее его желаніе? О, еслибы вы захотѣли!.. Вы одна только можете устранить препятствія, насъ раздѣляющія; мой другъ Дюрокъ облегчилъ бы вамъ это.

О, приходите, приходите! Всѣ ваши желанія будутъ исполнены, ваша родина станетъ мнѣ дороже, если вы сжалитесь надъ моимъ бѣднымъ сердцемъ.

N.

Итакъ, судьба родины въ ея рукахъ. Это говорятъ ей не другіе, а онъ самъ. Вотъ она—эта идея, которую цѣлыхъ двѣ недѣли всѣ окружающіе стараются втолковать ей, внѣдрить въ ея мозгъ: «Отъ нея зависитъ уничтожить раздѣлъ, соединить разорванные клочки побѣжденной страны; одна она, словомъ, въ силахъ дать новыя крылья Бѣлому Орлу. О, что за мечта! Какая ослѣпительная перспектива! Но что она такое, что она можетъ и знаетъ, чтобы играть подобную роль?» Отвѣтъ готовъ: «пусть только она слѣдуетъ совѣтамъ, въ которыхъ конечно у ней недостатка не будетъ».

Она еще пытается бороться. Но какъ? Неужели же ей пасть такимъ образомъ? Ея чистота, ея добродѣтель возмущаются этимъ. Ей отвѣчаютъ, что она провинціалка, что это глупые предразсудки, что все это въ счетъ не идетъ. Ужели

же она думаетъ, что другія не были бы рады занять предлагаемое ей мѣсто? Зачѣмъ же она продолжаетъ упрямиться? Къ чему ей сомнѣваться въ той пользѣ, которую ей суждено принести, въ томъ благѣ своей родины, мысль о которомъ она можетъ внушить Императору. Какимъ Наполеонъ ни будь Императоромъ, человѣкъ же онъ прежде всего, и ничего болѣе, да къ тому-же еще и влюбленный. Наконецъ у нея вырывается отчаянная безнадежная фраза: «Дѣлайте со мной, что хотите!»

Только она отказывается письменно отвѣтить на записку. Даже физическихъ силъ ей не хватаетъ для этого. Всѣ уходятъ на совѣщаніе. Ее оставляютъ одну, но предварительно заперевъ на ключъ. А ну какъ она передумаетъ и скроется. Но ей и въ голову не приходитъ ничего подобнаго: она глубоко задумалась, или скорѣе—забылась, подавленная пережитыми треволненіями. Нельзя ли ей, не поступаясь ничѣмъ серьезнымъ согласиться на это свиданье? Кто знаетъ—можетъ быть ей удастся внушить Наполеону уваженіе, даже дружбу—заслужить его довѣріе и исходатайствовать у него освобожденіе отчизны? Она можетъ дать ему не любовь, но лишь глубокое почтительное поклоненіе, энтузіазмъ, благодарное состраданіе. Все это она ему выскажетъ непремѣнно. Ея еще ничѣмъ не развращенное воображеніе 18-ти лѣтняго ребенка, незнавшее другихъ ласкъ, кромѣ почти платонической нѣжности 70-ти-лѣтняго супруга,—уноситъ ее въ міръ чудныхъ несбыточныхъ грезъ, въ такой міръ, гдѣ чистымъ женщинамъ не грозитъ никакая опасность отъ цѣломудренныхъ мужчинъ, гдѣ отстранивъ отъ себя презрѣнныя нечистыя похоти, однѣ души людей говорятъ между собою, понимаютъ одна другую, сливаются въ стройномъ, почти что небесномъ созвучіи.

Но вотъ нарушается ея уединеніе. Объявляютъ, что все устроено. Ей не придется ни говорить, ни писать. Одно только: она не выйдетъ изъ дворца. Ее оставятъ въ немъ на весь день, а вечеромъ сдадутъ съ рукъ на руки тѣмъ, кто пріѣдетъ за нею. Потянулись безконечные часы, и бѣдная женщина въ томленіи и страхѣ ожиданія уныло переводитъ глаза со стрѣлки часовъ на нѣмую закрытую дверь, черезъ которую ее поведутъ на пытку.

Въ половинѣ одиннадцатаго кто-то стучится. На скорую руку ей надѣваютъ на голову шляпу съ густымъ и длиннымъ вуалемъ и укрываютъ ее темнымъ плащемъ. Почти безсознательно и какъ-то растерявшись она позволяетъ довести себя до стоящей вблизи кареты. Ее подталкиваютъ, чтобы заставить сѣсть въ экипажъ. Какой-то человѣкъ въ круглой шляпѣ и длинномъ плащѣ, молча державшій дверцу, убираетъ подножку

и садится рядомъ съ нею. Во всю дорогу не обмѣниваются ни единымъ словомъ. Карета катится и наконецъ останавливается передъ секретнымъ ходомъ Большого Дворца, гдѣ ее высаживаютъ изъ экипажа и, бережно поддерживая, доводятъ до какой-то двери и нетерпѣливо отворивъ ее внутрь—вводятъ въ комнату и сажаютъ въ глубокое кресло.

И вотъ она предъ Наполеономъ. Она его не видитъ, потому что горько плачетъ. А онъ уже у ногъ ея и начинаетъ тихонько говорить ей о чемъ-то, она слушаетъ, но вдругъ у него вырывается неосторожная фраза: «Твой старый мужъ...» Она громко вскрикиваетъ, срывается съ мѣста и хочетъ бѣжать, задыхаясь отъ неистовыхъ рыданій. Въ этотъ моментъ весь ужасъ, вся грубость, все безчестье того, что она собирается сдѣлать, предстали передъ нею во всей неприглядной наготѣ своей. Удивленіе его безгранично. Онъ ничего не понимаетъ; въ первый разъ въ своей жизни ему приходится быть въ такомъ странномъ положеніи. Эта женщина, которая заставила, правда, просить себя, но далеко не такъ ужъ долго (употребляемыя при этомъ средства ему не извѣстны), которая согласилась притти на ночное свиданье и которая теперь, задыхаясь отъ слезъ и рыданій, бросается къ двери—что она такое?—распутница ли, одаренная рѣдкимъ кокетствомъ—или же воплощенная наивность и буквально безпримѣрная чистота? Ужъ не играютъ ли передъ нимъ эту комедію съ цѣлью сильнѣй раздразнить въ немъ желаніе? Но нѣтъ,—здѣсь не то; есть крики, звукъ которыхъ не лжетъ, и невольныя движенія, которыхъ нельзя изобразить, особенно въ 18-то лѣтъ! Съ ласковымъ насиліемъ онъ отводитъ ее отъ двери, за которую она судорожно цѣпляется, снова усаживаетъ въ кресло и здѣсь уже гораздо болѣе мягкимъ тономъ, въ которомъ лишь изрѣдка и то какъ-бы помимо его воли прорываются привычныя повелительныя нотки,—онъ, обходя слова и мысли, ее шокирующія, выбирая выраженія и прибѣгая къ перефразамъ, чтобы какъ-нибудь не обидѣть ее, заставляетъ ее выдержать форменный допросъ и неумолимой логичной послѣдовательностью задаваемыхъ вопросовъ, вырываетъ у нея понемногу отрывочныя признанья, которыя потомъ обращаетъ въ орудіе противъ нея же самой. Добровольно ли отдалась она тому, чье имя носитъ? Можетъ быть изъ любви къ роскоши и титулу? Кто могъ заставить ее рѣшиться связать свою едва расцвѣтающую молодость и красоту съ дряхлымъ чуть не 80-ти лѣтнимъ старцемъ?—«Мать желала этого брака!»—«И ты могла бы имѣть угрызенія совѣсти?» Тогда она прибѣгаетъ къ религіи. «Что связано на землѣ,

можетъ быть разъединено только на небѣ». Онъ хохочетъ. Она возмущается и удваиваетъ слезы.

Что же это такое, на самомъ дѣлѣ? Что это еще за новый фруктъ совсѣмъ особаго рода, какого ему еще ни разу не случалось отвѣдать? Какъ—женщина хочетъ остаться вѣрной мужу, вѣрной своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она здѣсь у него, въ его власти, къ его услугамъ! Тутъ какая-то тайна, которую онъ намѣренъ себѣ выяснить, и онъ продолжаетъ допрашивать еще торопливѣе прежняго. Какое она получила воспитаніе? Какую жизнь вела въ деревнѣ? Какое общество посѣщала? Онъ хочетъ знать все подробно, но прежде всего справляется о томъ, какое имя ей дано при крещеніи. Это имя Марія; и съ этихъ поръ онъ будетъ звать ее такъ.

Въ два часа утра раздается стукъ въ дверь. «Какъ уже?» говоритъ онъ, «и такъ моя кроткая, печальная голубка, отри свои слезы и ступай, отдохни. Не бойся же орла, съ тобой онъ силенъ только своей горячей любовью, но такой, которая прежде всего хочетъ твоего сердца. Ты кончишь тѣмъ, что полюбишь его, такъ какъ онъ будетъ весь твой,—весь, понимаешь ты это!» Онъ помогаетъ ей надѣть плащъ и провожаетъ ее до двери; здѣсь, нажавъ рукой щеколду, грозя не выпустить ее отъ себя, онъ заставляетъ ее поклясться, что она опять придетъ на другой день.

Ее отвозятъ домой. Она уже нѣсколько успокоилась, и почти не боится; ей кажется, что оживаетъ ея химера, что грезы ея начинаютъ сбываться; онъ былъ такъ добръ, такъ нѣженъ съ ней въ этотъ вечеръ и такъ далекъ отъ всякаго насилія. Онъ пощадилъ ее сегодня, почему же бы ему не пощадить ее и завтра? Въ 9 часовъ утра наперсница уже стоитъ у ея изголовья. Въ рукахъ у нея какой-то толстый свертокъ, который она таинственно принимается распаковывать, предварительно тщательно заперевъ за собой дверь. Осторожно вынимаетъ она изъ пакета нѣсколько красныхъ сафьянныхъ футляровъ, массу оранжерейныхъ цвѣтовъ въ перемежку съ лавровыми вѣтками, и письмо; но едва она успѣла вынуть изъ футляровъ роскошный брилліантовый букетъ и такую же гирлянду и повернуть ихъ къ свѣту, чтобы усилить игру камней, какъ m-me Валевская, протянувшись къ ней съ постели, вырываетъ ихъ у нея изъ рукъ и со всего размаха кидаетъ вещи въ противуположный уголъ комнаты, какъ бы желая разбить ихъ вдребезги. Она требуетъ, чтобы вещи сію же минуту возвратили обратно. Не воображаютъ ли, что она продажная, и что этого достаточно, для того, чтобы она отда-

лась! Но смѣлую наперсницу этимъ не смутить; она распечатываетъ письмо и читаетъ вслухъ:

«Марія, кроткая моя Марія, моя первая мысль—о тебѣ, первое желаніе—увидать тебя снова. Ты вѣдь придешь опять! Не правда ли? Ты мнѣ обѣщала это; а не то орелъ полетитъ къ тебѣ! Я увижу тебя на обѣдѣ—мнѣ сказалъ это другъ. Удостой же принять этотъ букетъ. Пусть онъ установитъ между нами тайныя сношенія среди окружающей насъ толпы. Такимъ образомъ на глазахъ у всѣхъ мы сможемъ понять одинъ другого. Когда я приложу руку къ сердцу, ты будешь знать, что въ эту минуту оно занято только тобою и въ отвѣтъ мнѣ положишь на букетъ свою руку.

N.

Но что бы тамъ ни говорилось въ письмѣ, ничто не заставитъ ее принять ни брилліанты, ни цвѣты, ни даже лавровыя вѣтки. У нея уже готово извиненіе: букетъ съ боку носятъ лишь на балахъ, она же ѣдетъ на обѣдъ. Уклониться же отъ обѣда ей ужъ никакъ не придется: вокругъ нея всѣ умы въ броженіи, самолюбіе напряжено до послѣдней степени, ея родня въ какомъ-то опьяненіи, мужъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что передъ нимъ разыгрывается, и потому онъ то прежде всего и добивается приглашеній.

Она пріѣзжаетъ, всѣ толпятся вокругъ нея, тянутся къ ней, разсматриваютъ съ любопытствомъ, добиваются быть ей представленными; ей начинаетъ казаться, что всѣ эти незнакомые люди знаютъ о происшествіи прошедшей ночи. Императоръ уже тамъ; у него недовольный видъ, онъ строго хмуритъ брови и устремляетъ на бѣдную женщину свой враждебный испытующій огненный взглядъ. Была минута, когда она видѣла, какъ онъ рванулся къ ней и уже намѣревался подойти; тогда трепеща при одной мысли о публичномъ скандалѣ, она вдругъ вспоминаетъ, что нужно сдѣлать, и прикладываетъ руку туда, гдѣ долженъ былъ быть приколотъ букетъ. Суровое выраженіе лица его моментально смягчается, мрачное пламя потухаетъ въ глазахъ, рука отвѣчаетъ ей аналогичнымъ жестомъ, и передъ тѣмъ какъ итти къ столу, онъ подзываетъ Дюрока и говоритъ ему что-то совсѣмъ тихо на ухо.

Едва она усѣлась за столъ—опять рядомъ съ великимъ маршаломъ, какъ тотъ забрасываетъ ее упреками по поводу букета; она отвѣчаетъ тономъ женщины, оскорбленной такими подарками; пусть же знаютъ разъ навсегда, что она не приметъ никакихъ подарковъ въ этомъ родѣ. Да и какъ она посмѣла бы явиться въ общество въ такихъ украшеніяхъ. Един-

ственно, чѣмъ можно вознаградить ее за ея поклоненіе и преданность—такъ это только надеждой на свѣтлое будущее для ея отчизны. «Но развѣ же Императоръ не подалъ вамъ этой надежды?» возражаетъ Дюрокъ. И онъ перебираетъ цѣлый рядъ фактовъ, которые въ данное время стоятъ побольше всякихъ обѣщаній. Что до любви, то какъ можетъ она въ ней сомнѣваться? Онъ и теперь только ее и видитъ, и занятый, повидимому общимъ разговоромъ—тѣмъ, о чемъ спрашиваетъ, и тѣмъ, что ему отвѣчаютъ, онъ ни на минуту не перестаетъ держать руку у сердца. И его, Дюрока, онъ сейчасъ подзывалъ для того только, чтобы напомнить ей о ея обѣщаніи быть сегодня вечеромъ у него... Тутъ же маршалъ пустился въ пространное разсужденіе на тему о ничтожествѣ земного величія, о потребности, какую долженъ ощущать такой человѣкъ, какъ Императоръ, имѣть родную душу, сердце, способное понимать и любить, и наконецъ о славѣ и высотѣ такой миссіи, завидной для каждой женщины. Она уже приходила разъ, приходится и теперь сдѣлать то же.

Ее препровождаютъ точно такъ же, какъ въ первый разъ, съ тѣми же предосторожностями. Она является, онъ озабоченъ и мраченъ. «Вотъ и вы наконецъ», говоритъ онъ. «Я уже не надѣялся васъ увидѣть». Онъ снимаетъ съ нея плащъ, беретъ у нея изъ рукъ шляпу, усаживаетъ въ кресло, потомъ, стоя передъ ней, онъ строгимъ тономъ приказываетъ ей оправдаться. Зачѣмъ она пріѣхала въ Брони? Зачѣмъ старалась внушить ему чувства, которыхъ не раздѣляла? Почему отказалась не только отъ брилліантовъ, но даже отъ его цвѣтовъ и лавровъ? Что она сдѣлала съ ними? Онъ разсчитывалъ на нихъ для столькихъ интересныхъ моментовъ, а она его лишила ихъ! Его рука все время, не отрываясь, прижималась къ сердцу, тогда какъ ея рука лежала неподвижно и всего только разъ отвѣтила ему условленнымъ жестомъ. И, ударяя себя по лбу бѣшенымъ жестомъ, онъ восклицаетъ въ ярости:

«Вотъ настоящая полька! Вы подтверждаете собой мое мнѣніе о вашей націи».

Она совсѣмъ уничтоженная этими словами и, глубоко потрясенная сдѣланнымъ пріемомъ, едва внятно лепечетъ:

«О, государь, скажите мнѣ его, это мнѣніе». И онъ говоритъ ей тогда, что считаетъ поляковъ легкомысленнымъ и—страстнымъ народомъ. Все дѣлается у нихъ по внушенію, по капризу и ничего по системѣ. Ихъ энтузіазмъ порывистый, бурный и минутный, они не умѣютъ ни распредѣлить его, ни продолжить. Вотъ портретъ поляковъ вообще и ея собственный въ частности! Не мчалась ли она, какъ безумная, Богъ вѣсть куда, чтобы только мелькомъ увидать его?

Онъ поддался ея нѣжному взгляду, ея страстнымъ рѣчамъ, а она—она пропала безслѣдно; какъ онъ ни искалъ ее, нигдѣ не могъ найти, а когда наконецъ и появилась она одной изъ послѣднихъ—отъ нея вѣяло холодомъ и она была словно вся ледяная. Пусть она такъ и знаетъ, что, всякій разъ, какъ что-либо представлялось ему недосягаемымъ, онъ желалъ того тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе этого достичь, и ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы добиться своего. Мысль о невозможности добраться до чего-либо подстрекаетъ его и побуждаетъ итти впередъ. Съ его привычкой къ тому, чтобы все уступало его желаніямъ, всякое сопротивленіе задѣваетъ его за живое. Онъ горячится все больше и больше и его не то притворный, не то искренній гнѣвъ разражается истинной бурей.

«Я хочу», кричитъ онъ, «хочу, слышишь ли ты, заставить тебя полюбить меня хотя силой. Я воскресилъ твою родину, ея жалкое тѣло живетъ еще по моей только милости. И я сдѣлаю для нея еще больше; но знай, что какъ эти часы, что я держу въ рукѣ, а теперь вотъ разбиваю передъ тобой въ мелкія дребезги, такъ же точно погибнетъ имя твоей отчизны, а съ нимъ и всѣ твои надежды, если, ты доведешь меня до крайности, отталкивая мое сердце и отказывая мнѣ въ твоемъ.

Нервы бѣдной женщины не выдерживаютъ этого ожесточеннаго гнѣва, этихъ угрозъ, этихъ часовъ какъ молнія сверкнувшихъ въ воздухѣ, и, теряя сознаніе, она падаетъ на полъ... Очнувшись отъ обморока она уже не принадлежитъ себѣ болѣе; онъ здѣсь рядомъ съ ней пытается ее успокоить и нѣжно отираетъ крупныя слезы, что одна за другой медленно катятся у нея изъ глазъ. Съ этихъ поръ возникаетъ ихъ связь, если только возможно назвать этимъ именемъ привычку, усвоенную ею являться каждый вечеръ во дворецъ и тамъ съ пассивной покорностью переносить его ласки, въ надеждѣ получить за это обѣщанную плату; вѣдь не за такіе-же пустяки въ самомъ дѣлѣ она отдалась, или вѣрнѣе позволила взять себя? Учреждено временное правительство, создано какое-то жалкое подобіе арміи, нѣсколько польскихъ отрядовъ легкой кавалеріи пріобщены къ гвардіи Французскаго Императора—но развѣ-же этого довольно? Одна только награда можетъ удовлетворить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать въ собственныхъ глазахъ—это возстановленіе Польши какъ націи, какъ государства. Неспособная, не любя притворяться влюбленной и симулировать страсть, чуждую ея чистой душѣ, она не обладаетъ ничѣмъ изъ того, что нужно имѣть для господства надъ любовникомъ, и не только не умѣетъ вести его, куда ей угодно, но даже не на столько ловка, чтобы хотя замаскиро-

вать мотивы и побужденія, которымъ она повинуется. Каждый вечеръ она наводитъ разговоръ на единственный занимающій ее предметъ, всякій разъ ее утѣшаютъ, обнадеживаютъ, даже обѣщаютъ, но все это на послѣ, все въ какомъ-то неопредѣленномъ будущемъ, за которое теперь она такъ безпредѣльно страдаетъ. Въ своемъ кругу она не встрѣчаетъ ни даже тѣни порицанія. За исключеніемъ мужа, съ которымъ ей пришлось разойтись, всѣ наперерывъ ухаживаютъ за ней, оказываютъ ей почти нѣжное вниманіе не какъ фавориткѣ конечно, но какъ жертвѣ, ибо всѣ знаютъ о томъ, за что и что она выстрадала, и насколько поэтому она достойна и уваженія и жалости. Родныя сестры ея мужа, кн. Яблоновская и гр. Биржинская, взялись руководить и направлять ее. Отъ нея одной зависѣло бы занять въ Варшавѣ первое мѣсто, и будь она иною, ей ничего не стоило-бы подняться на какую-угодно высоту и сдѣлаться чуть не царицей. Тогда бы у нея разумѣется было много враговъ, но такъ какъ она намѣренно стушевывается и ни на что не претендуетъ, то ея не боятся и съ ней не враждуютъ; меньше льстятъ, это правда, но за то больше жалѣютъ.

Въ ея приключеніи сверхъ того нѣтъ ничего шокирующаго ее въ глазахъ общества, зараженнаго духомъ и привычками почти восточной полигаміи и элегантнаго скептицизма, занесенныхъ сюда изъ Версаля.

Въ то время ни одинъ женатый вельможа не обходился безъ открытой связи съ женщиной своего круга и одной или даже нѣсколькихъ профессіональныхъ фаворитокъ, размѣщенныхъ по принадлежащимъ ему загороднымъ замкамъ. Не удивительно поэтому, что польская знать считаетъ Наполеона за особенно-нравственнаго государя уже потому, что тотъ не тащилъ слѣдомъ за собой на войну свой гаремъ, не взялъ въ Польшѣ не единой женщины, хотя за ними дѣло, конечно, не стало бы, а выбралъ одну и ждалъ, пока та ему отдастся. Собственное ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ казалось этимъ магнатамъ не только естественнымъ, но и строго-обязательнымъ: нужно-же было Наполеону, пріѣхавшему въ Польшу и расположившемуся въ Варшавѣ, имѣть какую-нибудь женщину? Предложить-же ему ту, что нравилась ему больше всѣхъ— было ихъ прямою обязанностью.

Къ счастью и женщина-то попалась такая, какой-бы имъ въ сто лѣтъ не найти: кроткая, наивная, чистая, безкорыстная, воодушевленная единой мыслью, единымъ помысломъ способная внушить прочное чувство, истинную страсть, воплощающая собою всѣ лучшія, благороднѣйшія свойства. Она будетъ не «случайной любовницей» Наполеона, но какъ бы

«супругой на сторонѣ», которая, не раздѣляя съ нимъ въ дѣйствительности ни короны, ни почестей, ни царственной пышности, займетъ при немъ совсѣмъ особое положеніе, станетъ посланницей предстательницей своего народа передъ Императоромъ и какъ бы посредницей между этимъ народомъ и имъ, словомъ «польской женой» его; нитью, пока еще тонкой и легкой, но впослѣдствіи болѣе надежной и крѣпкой соединитъ она сердце Наполеона съ судьбами польскаго народа. Уже однимъ своимъ присутствіемъ она заставитъ его помнить свои обѣщанія, искать оправданія тамъ, гдѣ онъ ихъ не исполнитъ, и чувствовать угрызенія совѣсти за свой неуплаченный долгъ передъ нею. Въ общемъ это разсужденіе довольно хорошо обосновано, тѣмъ болѣе, что почти каждый вечеръ онъ невольно возвращается къ Польскому вопросу, о которомъ эта женщина безпрестанно напоминаетъ ему.

Онъ отлично чувствуетъ, что она любитъ совсѣмъ не его, а свою родину, чего она не только не отрицаетъ, а напротивъ того очень откровенно заявляетъ объ этомъ, и онъ, непремѣнно насторожившійся бы при одномъ подозрѣніи, что какая-либо женщина хочетъ вести его куда-то или воспользоваться имъ для своихъ личныхъ цѣлей, — онъ довѣрчиво отдаетъ свою тайну въ слабыя руки этого наивнаго и искренняго ребенка; онъ видитъ и понимаетъ, какъ глубоко чуждо ей то, что составляетъ предметъ вождѣленій и гордости всѣхъ прочихъ женщинъ! О, какъ хотѣлъ бы онъ исполнить ея желанія, но передъ ней онъ неоплатный должникъ и не можетъ, не можетъ наградить ее тѣмъ, на что она вправѣ надѣяться! «Ты можешь быть увѣрена», говоритъ онъ ей, «что данное тебѣ мною обѣщаніе будетъ исполнено. Я уже принудилъ Россію выпустить изъ рукъ захваченную ею часть-время сдѣлаетъ остальное: теперь не время выполнить все, надо потерпѣть. Политика—это такая струна, которую легко оборвать если ее натянуть слишкомъ туго. Но, что особенно - изумительно странно именно въ немъ, менѣе всякаго другого допускав ш емъ вмѣшательство женщинъ въ политику, — такъ это-то, что онъ самъ безпрестанно и какъ бы помимо собственной воли—въ своихъ вечернихъ бесѣдахъ съ нею возвращается къ тому, что нужно сдѣлать и исподволь подготовлять борьбу, хотя бы на средства той-же богатой польской аристократіи. «Ты знаешь сама, что я люблю твою націю, что мои намѣренія и мои политическія цѣли—все заставляетъ меня желать ея полнаго возстановленія. Я очень хочу помочь ея усиліямъ, поддержать ее: все отъ меня зависящее въ этомъ смыслѣ—я безъ всякаго сомнѣнія сдѣлаю, лишь бы это не шло въ разрѣзъ съ моими обязанностями и интересами Франціи. Мой

первый долгъ—охранять ея интересы и заботиться о ея благосостояніи; не могу же я проливать французскую кровь за дѣло, чуждое выгодамъ моего народа, вооружать его и заставлять итти къ вамъ на помощь каждый разъ, какъ это вамъ понадобится.

Часто съ этихъ высокихъ предметовъ онъ сворачиваетъ вдругъ разговоръ на легкія темы, въ родѣ разныхъ интимныхъ исторій, секретныхъ анекдотовъ, скандальной хроники, и дѣлаетъ все это такъ быстро и рѣзко, что ставитъ свою собесѣдницу въ совершенный тупикъ; ему хочется, чтобы она описала ему частную жизнь каждаго изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣчается. Его любопытство не насытно и доходитъ до мелочей. Для него это—средство составить себѣ вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ особенности здѣсь, гдѣ на карту поставлены такіе интересы,—вѣрное понятіе о правящихъ сферахъ и господствующемъ классѣ населенія. Изъ этой совокупности ничтожныхъ, повидимому, фактовъ. которые упорно удерживаетъ его колоссальная память и до которыхъ онъ такъ падокъ, что положительно изумляетъ обиліемъ подобныхъ свѣдѣній свою наивную слушательницу—изъ этой совокупности, повторяемъ, выводитъ онъ свои заключенія; и только тогда она вдругъ замѣчаетъ, что дала ему въ руки оружіе противъ себя же самой. Она протестуетъ—возмущается составленнымъ имъ мнѣніемъ, о ея соотечественникахъ и ссора кончается тѣмъ, что онъ треплетъ ее по щекѣ, говоря: «Моя добрая Марія, ты достойна быть Спартанкой и вправѣ имѣть собственное отечество».

Онъ не любилъ бы ее такъ, какъ любитъ, если бы не занимался ея туалетами. Въ этомъ вопросѣ ему нравится слыть за знатока. «Вы, знаете, что я очень много смыслю въ туалетахъ», писалъ онъ Савари. Уже со времени консульства, когда случалось, что надо было посылать подарки этого сорта какой-нибудь государынѣ, какъ напримѣръ, испанской или прусской королевамъ—онъ выбиралъ ихъ самъ лично. При дворѣ ни одна дурно-одѣтая женщина не ускользаетъ отъ его насмѣшливой критики и сама Жозефина, пріучившая его къ величайшей роскоши, къ изысканной элегантности туалетовъ и прививша мужу свой утонченный вкусъ и свое удивительное пониманіе изящнаго—не застрахована подчасъ отъ его замѣчаній. Онъ особенно ненавидитъ платья темныхъ цвѣтовъ, а m-me Валевская, какъ нарочно упрямо продолжаетъ носить очень просто сшитыя и вдобавокъ все бѣлыя, сѣрыя или черныя платья; они ему ужасно. какъ не нравятся и онъ ей заявляетъ объ этомъ. Итакъ, все упорно наводитъ его на однѣ и тѣ же мысли, но онъ не досадуетъ, не сердится и его глу-

бокое чувство не ослабѣваетъ отъ этого. Въ это время, какъ разъ онъ писалъ своему брату Жозефу: «Мое здоровье никогда еще не было такъ хорошо, какъ теперь, я сталъ даже сильнѣе, страстнѣе прежняго». Откровенность на эту тему тѣмъ знаменательнѣе, что она совершенно ему не свойственна и, такъ сказать, внѣ его привычекъ. Ему не довольно каждый вечеръ видѣться съ глазу на глазъ съ любимой имъ женщиной. Онъ требуетъ, чтобы она присутствовала на всѣхъ обѣдахъ и празднествахъ, которыя онъ посѣщаетъ за время своего пребыванія въ Варшавѣ передъ Компаніей Эйлау. И тамъ, въ толпѣ, не проходитъ минуты, чтобы онъ не пытался переговариваться съ нею тѣмъ таинственнымъ и нѣмымъ способомъ, которому онъ ее выучилъ такъ хорошо, что въ немъ она теперь искуснѣе самого Дюрока.

Ей понятны теперь и жесты руки и движенія пальцевъ и всѣ эти знаки, ей одной предназначенные и при видѣ которыхъ она одна ловитъ мысль его,—нѣжную любовную думу, посвященную ей въ ту минуту, когда Императоръ ведетъ съ собравшимися оживленный разговоръ, серьезную бесѣду, а не то съ рѣдкой точностью разсказываетъ о томъ или другомъ происшествіи, или же обсуждаетъ какой-нибудь важный вопросъ. «Тебя удивляетъ это»? говоритъ онъ ей, «знай же, что я долженъ достойно выполнить то, къ чему призванъ. Мнѣ выпала на долю честь повелѣвать народами. Я былъ только желудемъ, а теперь сталъ дубомъ. Я господствую, и потому меня видно всѣмъ и отовсюду; меня наблюдаютъ какъ вблизи, такъ и издали. Такое положеніе принуждаетъ меня играть роль, подчасъ мнѣ не свойственную, но которую однако я должнъ выдерживать, ради себя самого больше, чѣмъ ради другихъ, ни на мигъ не выходя изъ начертанной роли, отъ которой мнѣ опасно отступать въ силу нѣкоторыхъ свойствъ моего характера. Однако, оставаясь дубомъ для всѣхъ, для тебя одной я люблю превращаться въ прежній желудь. Но какъ мнѣ сдѣлать, чтобы среди наблюдающей за нами толпы сказать тебѣ: «Марія, я люблю тебя!» а вѣдь каждый разъ, какъ я смотрю на тебя, у меня является это желаніе, и мнѣ нельзя подойти къ тебѣ и сказать тебѣ на ухо то, что хотѣлось бы; это значило бы нарушить приличія».

Когда онъ переноситъ главныя квартиры въ Финкельштейнъ, то требуетъ, чтобы и она ѣхала слѣдомъ за нимъ; здѣсь ведетъ она грустное монотонное существованіе, во всемъ похожее на то, которое она когда-то вела въ Валевичѣ со своимъ старымъ мужемъ. Уединеніе этой жизни прерывается только часами обѣдовъ и завтраковъ вдвоемъ съ Императоромъ, за которыми прислуживаетъ только одинъ лакей, со

стоящій при уборной Императора. Безконечно долгіе досуги посвящаются вышиваніямъ и чтенію; все развлеченіе составляютъ парады, на которые позволяется смотрѣть не иначе, какъ сквозь опущенныя жалюзи; словомъ—жизнь заключенной отшельницы, рабыни, жизнь отданная вся въ распоряженіе и на благоусмотрѣніе властелина, жизнь безъ всякаго общества, безъ намека на удовольствія, безъ тѣни хотя бы и невиннаго кокетства; и эта жизнь удовлетворяетъ ее гораздо больше того суетливаго блестящаго свѣтскаго существованія, какимъ она пользовалась въ Варшавѣ. Она же воплощаетъ собой въ его глазахъ типъ такой женщины, какую онъ когда-то думалъ найти въ Жозефинѣ: кроткой, снисходительной, внимательной, застѣнчивой женщины, не имѣющей ни самостоятельныхъ желаній, ни даже, какъ кажется, собственной воли, всецѣло принадлежащей ему, живущей для него одного, а если и ожидающей отъ него милости, то такой колоссальной, такой безкорыстной; что для того только, чтобы лелѣять такую мечту, надо имѣть необычайно возвышенную душу, а ожидать отъ одного человѣка чуда воплощенія этой несбыточной грезы въ дѣйствительности—значитъ почти приравнять его къ богу. Все это вмѣстѣ взятое способно затронуть его самыя чистыя и глубокія душевныя струны, и вотъ почему, собираясь покинуть Польшу, не исполнивъ того, ради чего эта женщина ему отдалась, и когда та наконецъ въ порывѣ горькаго отчаянія послѣдній разъ заклиная его возвратить ей отчизну и видя, что ее обманули, отказывается ѣхать въ Парижъ, заявляя, что рѣшила удалиться въ деревню, въ глушь и тамъ въ молитвѣ, тоскѣ и слезахъ ожидать исполненія тѣхъ обѣщаній, которыхъ онъ не сдержалъ,—онъ въ свою очередь умоляетъ ее: «я знаю», говоритъ онъ ей, «что ты можешь жить безъ меня. Знаю, что твое сердце не принадлежитъ мнѣ. Но ты—такая добрая, кроткая, душа у тебя такая благородная и такая чистая! Могла ли бы ты лишить меня тѣхъ немногихъ счастливыхъ минутъ, какія я могъ бы проводить близъ тебя каждый день? Только ты можешь доставить мнѣ эти минуты, а меня считаютъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!» И говоря это онъ улыбается такой горькой, печальной улыбкой, что охваченная вдругъ страннымъ чувствомъ состраданья къ этому «властителю міра» она обѣщаетъ пріѣхать въ Парижъ.

Она является туда въ началѣ 1808 года; и съ тѣхъ поръ тайная связь, хотя и прерываемая со стороны Наполеона нѣсколькими легкими измѣнами—эта связь устанавливается на такихъ странныхъ началахъ, что еслибы не слишкомъ явныя доказательства, скрѣпленныя свидѣтельствами, почерпнутыми

изъ крайне разнородныхъ источниковъ, безсознательно сходящихся на иныхъ деталяхъ и числахъ,—если бы эти свидѣтельства не дали возможности возстановить цѣлую цѣпь происшествій,—никто не посмѣлъ бы утверждать положительно о существованіи этихъ обстоятельствъ и фактовъ, неизвѣстныхъ, повидимому, даже наиболѣе освѣдомленнымъ современникамъ.

Во время компаніи m-me Валевская выѣзжаетъ въ Вѣну, гдѣ для нея отдѣлали и приготовили очень элегантный домъ близъ Шенбрунскаго дворца; тамъ она сдѣлалась беременна и послѣ Вѣнскаго мира уѣхала родить въ Валевичъ, гдѣ 4 мая 1810 г. и родился Александръ-Флоріанъ-Жозефъ-Колонна-Валевскій. Не вправѣ ли мы спросить себя, послѣ всего, что знаемъ, не были ли высказанныя Наполеономъ въ моментъ подписанія трактата съ Пруссіей колебанія, равно какъ и неувѣренность его въ той судьбѣ, на которую онъ намѣревался обречь Польшу,—прямымъ слѣдствіемъ давленія той, которой онъ формально обѣщалъ когда-то возстановленіе ея отечества?

Въ концѣ 1810 года послѣ сезона въ Спа, возвращается она въ Парижъ въ сопровожденіи своей belle-soeur, княгини Яблоновской, и привозитъ съ собой новорожденнаго сына; она поселяется въ хорошенькомъ отелѣ на шоссе д'Антэнъ,—сперва на улицѣ Уссэ № 2, затѣмъ на улицѣ Victoire, № 48. Каждое утро Императоръ, назначившій ей 10,000 фр. ежемѣсячнаго содержанія, посылаетъ къ ней за приказаньями. Къ ея услугамъ предоставлены ложи во всѣхъ театрахъ, передъ ней отворяются двери музеевъ. Карвизару поручено слѣдить за ея здоровьемъ, на Дюрока возложена чрезвычайная миссія заботиться о томъ, чтобы доставить ей самое широкое и пріятное матеріальное существованіе.

Какъ только Императору удается вырваться, онъ первымъ долгомъ спѣшитъ провести съ ней свободное время, для чего или самъ ѣдетъ къ ней или же принимаетъ у себя во дворцѣ ее и ребенка, которому съ первыхъ же дней пребыванія Валевскихъ въ Парижѣ даровалъ титулъ Имперскаго графа. Въ обществѣ никто, кромѣ поляковъ, не подозрѣваетъ ихъ связи; и немудрено: m-me Валевская рѣдко выѣзжаетъ, а принимаетъ у себя только нѣсколькихъ соотечественниковъ. Ея манера держать себя безукоризненна, образъ жизни очень скромный, ведетъ себя она въ высшей степени корректно и сдержанно, а если и ѣздитъ на воды въ Спа, то не иначе какъ въ сопровожденіи своихъ двухъ belles-soeurs; у одной-то изъ нихъ въ хорошенькой виллѣ, которую та нанимаетъ на Monssur-Orge и которая въ округѣ извѣстна подъ громкимъ на-

званіемъ «замка Бретиньи», m-me Валевская проводитъ все лѣто. Тщетно стараются втянуть ее въ водоворотъ свѣтской жизни: у ней одна забота, одно стремленіе—это скрыть именно то, чѣмъ такъ гордились бы всѣ прочія женщины.

Для нея эта уединенная, скромная вилла вмѣщаетъ въ себѣ всю вселенную, и она старается выходить изъ дому насколько только возможно рѣже. Тѣмъ не менѣе ею интересуются, ею занимаются иностранныя посольства, и даже шпіоны, и это все для того только, кажется, чтобы сказать за одно уже съ прочими сплетнями, что она оффиціально допущена при дворѣ на «малые выходы», помимо уже «особыхъ выходовъ», считавшихся высшею милостью и потому выпадавшихъ на долю немногимъ, но при каждомъ переѣздѣ двора въ новое мѣсто или даже изъ одного дворца въ другой, обязательныхъ не только для придворныхъ дамъ, но и для членовъ Императорскаго дома. Списки участвовавшихъ во всѣхъ этихъ выходахъ сохранились въ цѣлости до нашего времени, но M-me Валевская совсѣмъ не фигурируетъ въ нихъ, и очень вѣроятно, что участіе ея на малыхъ выходахъ вовсе не носило оффиціальнаго характера.

Въ началѣ 1812 года обостренныя отношенія съ Россіей заставляютъ предвидѣть войну въ самомъ недалекомъ будущемъ, и обитательницы Mons-Sur-Orge отъ всей души радуются этому.

Княгиня Яблоновская получаетъ изъ Варшавы письмо за письмомъ съ извѣстіями о томъ, что Императоръ окончательно рѣшилъ возстановить всю Польшу въ цѣломъ, т. е. въ ея прежнемъ объемѣ и видѣ. Дамы спѣшатъ отдать приказанія своимъ управляющимъ открыть ихъ замки французамъ и обращаться съ ними такъ же точно, какъ еслибы они тамъ были хозяевами. Самъ Императоръ становится предметомъ чуть ли не безумнаго восторга и поклоненія со стороны всѣхъ поляковъ. По вечерамъ раздаются національныя пѣсни, жгутъ безконечные фейерверки, даже танцуютъ, но только мазурку. По утрамъ служатъ обѣдни, молятся по обѣту по девяти дней сряду; нѣтъ ни одной женщины высшаго круга, которая не повязывала бы руку шарфомъ національныхъ цвѣтовъ. Это почти повтореніе того, что было уже въ 1807 и 1809 годахъ, но кажется въ болѣе даже широкихъ размѣрахъ.

Однажды Костюшко является съ визитомъ къ княгинѣ. Онъ видитъ весь этотъ энтузіазмъ, этотъ бредъ, эти шарфы, и вдругъ приблизясь къ хозяйкѣ дома, ни слова не говоря развязываетъ шарфъ и прижимаетъ его къ сердцу. Угадалъ ли Костюшко и былъ ли онъ правъ, комментируя такимъ образомъ предначертанія Наполеона?

Между поляками и Наполеономъ существовало постоянное недоразумѣніе. Императоръ желалъ, чтобы въ обмѣнъ на его покровительство поляки предоставили бы ему дѣйствительную, вполнѣ опредѣленную, единодушную и серьезную силу; ему хотѣлось прежде всего имѣть дѣло не съ болѣе или менѣе одушевленной патріотизмомъ аристократіей, но съ цѣлымъ народомъ, съ цѣлой націей, и это слово «нація» онъ понималъ въ латинскомъ, а не въ славянскомъ смыслѣ. Поляки же съ своей стороны требовали, чтобы Наполеонъ сперва возстановилъ государство въ томъ видѣ, какой оно имѣло бы, будь оно больше, богаче и вліятельнѣе, словомъ, будь оно даже не тѣмъ, чѣмъ оно было когда-то, судя по историческимъ даннымъ, а тѣмъ, во что въ концѣ-концовъ обратила его традиціонная легенда; съ ихъ же стороны не было даже единодушія, на которое собственно и разсчитывалъ Императоръ. Многіе изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ склонялись на сторону Россіи и даже снабжали проэктами Императора Александра.

Уже съ 1805 года вся система «Священнаго Союза« была ими задумана, оформлена, выработана и неустанно поддерживаема; эти вліятельные люди, хотя и поляки по происхожденію, но по темпераменту, воспитанію и привычкамъ—прежде всего аристократы до мозга костей, попавъ въ водоворотъ ожесточенной борьбы, естественно идутъ туда, куда ихъ тянутъ личные инстинкты, традиціи и свойства. Скрѣпя сердце слѣдуютъ за Императоромъ и Франціей, и, какъ это выяснилось въ 1814 году, всегда готовы примкнуть къ противоположному лагерю. Въ 1812 году, наканунѣ войны, Наполеонъ еще можетъ льстить себя нѣкоторой надеждой, хотя ему уже было бы не позволительно тѣшиться какой-либо иллюзіей. Была ли то простая предосторожность, принятая имъ во избѣжаніе всякихъ случайностей, или же онъ и здѣсь преслѣдовалъ политическія цѣли, думая возбудить этимъ преданность къ себѣ польской аристократіи, во всякомъ случаѣ онъ опредѣляетъ свои намѣренія по отношенію къ m-me Валевской формальнымъ актомъ до такой степени исключительнымъ, что подобнаго ему нѣтъ и не было за все его царствованіе. Если этотъ актъ совершенно чуждъ политической подкладки, онъ становится потому именно еще интереснѣе—до того ясно выразилась въ немъ привязанность Императора къ m-me Валевской, и въ особенности нѣжное, теплое чувство къ ребенку, желаніе упрочить за сыномъ особое, высокое положеніе, наконецъ заботливость, съ которой онъ относится не только къ его личному будущему, но и къ дальнѣйшей судьбѣ всего его потомства.

Теперь—вотъ онъ, этотъ актъ, каждое выраженіе котораго не мѣшаетъ разобрать и взвѣсить хорошенько, ибо его уже никакъ нельзя причислить къ общей массѣ многочисленныхъ и часто похожихъ другъ на друга какъ двѣ капли воды декретовъ, трактующихъ о закрѣпленіи за тѣмъ-то и тѣмъ-то различныхъ титуловъ, званій, доходовъ и пенсій. Этотъ-же актъ напротивъ единственный въ своемъ родѣ, ибо въ такой степени нарушаетъ всѣ принципы, положенные въ основаніе дворянства Имперіи, что напоминаетъ мѣстами распоряженія, принятыя когда-то Людовикомъ XIV по отношенію къ его усыновленнымъ дѣтямъ.

Дворецъ Сенъ-Клу.

5 мая 1812 г.

Наполеонъ, Императоръ Франціи, Король Испаніи, Протекторъ Рейнской Конфедераціи, Медіаторъ Швейцарской Конфедераціи и пр., и пр., и пр.

Мы постановили и постановляемъ исполнить нижеслѣдующее:

Параграфъ I. Земли, расположенныя въ Неаполитанскомъ королевствѣ, обозначенныя въ приложенной при семъ описи и составляющія часть Нашихъ приватныхъ владѣній, въ силу настоящаго декрета Нашего переходятъ въ собственность графу Александру-Флоріану-Іосифу-Колонна Валевскому, дабы составить собою маіоратъ, каковой мы учреждаемъ въ его пользу, причемъ даруемъ ему титулъ Имперскаго графа.

Параграфъ II. Эти владѣнія переходятъ по прямому потомству, законному, незаконному или усыновленному, отъ одного потомка мужскаго пола вышеупомянутаго графа Валевскаго къ другому по порядку первородства.

Параграфъ III. Въ случаѣ, если графъ Валевскій умретъ, не оставивъ послѣ себя мужскаго потомства, мы приказываемъ, чтобы дочери его, рожденныя въ законномъ бракѣ, если таковыя у него будутъ, наслѣдовали бы послѣ него и раздѣлили бы маіоратныя владѣнія между собою на совершенно равныя части.

Параграфъ IV. Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ предыдущимъ параграфомъ, каждая часть вышеозначенныхъ владѣній, доставшихся на долю дочерей графа Валевскаго, должна переходить вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ къ прямому потомству, получившей въ собственность означенныя владѣнія законному, незаконному или усыновленному мужскаго пола, отъ одного представителя къ другому по праву первородства.

Параграфъ V. Согласно нашимъ уставамъ отъ 1 марта 1808 года, владѣнія, составляющія маіоратъ означеннаго графа

Валевскаго, должны перейти обратно къ намъ если: 1) вышепоименованный графъ Валевскій умретъ, не оставивъ послѣ себя никакого потомства, 2) если прекратится мужская линія во всемъ его потомствѣ; 3) если всѣ до одной дочери вышеозначеннаго графа Валевскаго призванныя согласно 3 параграфу за неимѣніемъ сыновей вступить каждая въ равныхъ частяхъ во владѣніе маіоратнымъ имуществомъ, окажутся въ свою очередь лишенными потомства мужскаго пола.

Параграфъ VI. Впредь до совершеннолѣтія графа Валевскаго мы предоставляемъ матери его, графинѣ Маріи Колонна Валевской, урожденной Лещинской, право полнаго и исключительнаго пользованія всѣми доходами и продуктами съ владѣній, входящихъ въ составъ маіората, съ тѣмъ, чтобы она въ свою очередь заботилась о содержаніи и воспитаніи сына соотвѣтственно его положенію, а также и управляла означенными владѣніями, какъ это сдѣлалъ бы хорошій отецъ семейства, но безъ того, однако, чтобы вышеупомянутая графиня Валевская была бы обязана отдавать какой-либо отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ доходами и произведеніями, съ означенныхъ владѣній, отъ каковой отчетности мы ее намѣренно избавляемъ.

Параграфъ VII. Считая со времени совершеннолѣтія графа Валевскаго и утвержденія за нимъ права нераздѣльнаго пользованія своимъ маіоратомъ—мы обязываемъ его выдавать своей матери, вышеозначенной графинѣ Маріи Валевской, ежегодную пожизненную пенсію въ 50,000 франковъ.

Параграфъ VIII. Въ случаѣ же, предусмотрѣнномъ третьимъ параграфомъ, гласящимъ, что если графъ Валевскій не оставитъ послѣ себя потомства мужскаго пола, то маіоратъ переходитъ въ равныхъ частяхъ дочерямъ вышеозначеннаго графа Валевскаго, каждая изъ нихъ обязана будетъ выплачивать графинѣ Маріи Валевской свою долю того же пансіона въ 50,000 фр. соотвѣтственно той части маіоратныхъ владѣній, какую она унаслѣдуетъ.

Параграфъ IX. Въ случаѣ, если маіоратъ почему-либо опять перейдетъ въ наши руки, мы желаемъ, чтобы вышеозначенная графиня Валевская сохранила за собою право пожизненнаго пользованія доходами и произведеніями владѣній, составляющихъ маіоратъ.

Параграфъ X. Опись владѣній, предназначенныхъ нами для маіората графа Валевскаго вмѣстѣ съ настоящимъ декретомъ будетъ вручена нашему кузену—принцу и архиканцлеру Имперіи—съ тѣмъ, чтобы, по предъявленіи вышеупомянутой графиней Валевской исковаго требованія или заявленія по поводу означеннаго маіората, онъ приказалъ бы составить въ

общепринятой формѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей жалованную грамоту, сообразно распоряженіямъ, выраженнымъ въ настоящемъ декретѣ, а равно для того чтобы онъ потребовалъ на судѣ формальнаго узаконенія акта пожалованія означенныхъ маіоратныхъ владѣній, каковыя владѣнія мы разрѣшаемъ вышеупомянутой графинѣ Валевской потребовать къ выдачѣ отъ имени ея сына, отмѣняя въ этомъ отношеніи по мѣрѣ надобности всѣ законы, правила и обычаи противнаго свойства.

Параграфъ XI. Послѣ того, какъ будутъ отосланы жалованныя грамоты и когда вышеуказанная графиня Валевская получитъ патентъ на право пользованія маіоратнымъ имуществомъ,—главноуправляющій нашими приватными владѣніями утвердитъ вышеозначенную графиню Валевскую во владѣніи означенныхъ земель, къ которымъ относятся изложенныя нами въ настоящемъ декретѣ распоряженія, и выдастъ ей на руки всѣ, оправдывающіе фактъ этого владѣнія, документы.

Параграфъ XII. Нашъ кузенъ, принцъ Архиканцлеръ Имперіи и главноуправляющій нашими приватными владѣніями обязаны съ своей стороны, по скольку это касается каждаго изъ нихъ позаботиться о приведеніи настоящаго декрета въ исполненіе.

(Рукой Императора написано)

Наполеонъ.

Министръ и Государственный секретарь главноуправляющій приватными владѣніями графъ Дарю.

Этотъ маіоратъ составленъ, какъ гласитъ о томъ приложенная къ декрету опись, изъ 69 фермъ или отдѣльныхъ клочковъ земли, сдаваемыхъ въ аренду различнымъ лицамъ всего на всего за сумму 169,516 фр. 60 сантимовъ, выдѣленныхъ изъ земель, которыя Императоръ удержалъ за собою еще со времени восшествія Мюрата на Неаполитанскій престолъ. Жалованныя грамоты на маіоратъ Валевскаго были подписаны Императоромъ въ Кенигсбергѣ 15 іюня, формальный актъ скрѣпленъ печатью совѣта 13 августа, довѣренное лицо m-me Валевской отъ ея имени вступило во владѣніе маіоратнымъ имуществомъ 12 октября, а право пользованія арендною платою совпало съ истеченіемъ деревенскаго года, т. е. съ началомъ рабочей поры. Съ этого времени m-me Валевская, повидимому, начинаетъ вести нѣсколько болѣе открытую жизнь, судя, разумѣется не по ея посѣщеніямъ Мальмезона, куда она не разъ ѣздила съ сыномъ по настоянію Жозефины, усердно забрасывавшей мальчика сластями и игрушками но потому, что съ этихъ поръ у нея появились такіе туалеты, какіе могутъ пред-

назначаться только для пріѣздовъ къ Императорскому двору. Въ 1813 году у нея уже имѣются два парадныхъ платья: одно черное бархатное съ отдѣлкой изъ чернаго расшитаго золотомъ тюля; другое—бѣлое съ отдѣлкой и токомъ изъ страусовыхъ перьевъ: тогда какъ прежде она, хотя одѣвалась очень элегантно и тратила на платья у одного Леруа по 3.000 фр. для каждаго сезона, однако придворныхъ платьевъ у нея не было вовсе. Въ ея туалетахъ упорно преобладаютъ, какъ всегда бѣлый цвѣтъ или блеклые оттѣнки свѣтлыхъ цвѣтовъ: такъ напримѣръ, на ней видятъ платье изъ свѣтло-лиловаго левантина съ тремя рядами гирляндъ бѣлой акаціи, бѣлое тюлевое съ отдѣлкою изъ искусственныхъ полуосыпавшихся розъ, или же двухцвѣтные туалеты польскихъ національныхъ цвѣтовъ—бѣлаго и голубого тюлеваго платья съ отдѣлкой изъ вереска и бѣлыхъ маргаритокъ или платья изъ голубой съ бѣлымъ тафты. Для того, чтобы Наполеонъ помнилъ о ней, ей не нужно бывать при дворѣ; чтобы доказать это,—стоитъ только прочесть письмо Императора отъ 8 февраля 1814 года, писанное изъ Ножана въ самомъ разгарѣ Французской компаніи, тотчасъ послѣ Бріенна, и наканунѣ Шампобера: боясь, какъ бы Мюратъ не конфисковалъ маіоратныя владѣнія, Наполеонъ поручилъ своему главному казначею г-ну де-ля-Буллъери учредить другой маіоратъ на имя молодого графа Валевскаго, въ 50,000 ливровъ годового дохода, причемъ въ случаѣ смерти ребенка послѣ него наслѣдуетъ мать, его тревожитъ мысль, какъ бы тамъ безъ него не пропустили чего-нибудь изъ формальностей, онъ печалится о томъ, что Каносскія акціи не установились и еще могутъ упасть въ цѣнѣ, что другіе 20,000 ливровъ еще не вписаны въ Великую книгу, и онъ собственноручно пишетъ Буллъери слѣдующее:

«Я получилъ ваше письмо относительно молодого Валевскаго—я даю вамъ Carte blanche. Дѣлайте, что найдете нужнымъ, но только сейчасъ же. Что меня прежде всего интересуетъ—это ребенокъ, а потомъ уже мать.

N.

Ножанъ, 8 февраля.

Изъ всего этого ей ничего не извѣстно, такъ какъ едва ли есть въ свѣтѣ другая душа безкорыстнѣе этой. Въ Фонтенебло, въ послѣдніе ужасные дни, когда всѣми оставленный Императоръ пытался найти въ смерти покой и убѣжище, въ которомъ судьба отказала ему, она пріѣзжаетъ и цѣлую ночь тщетно ожидаетъ въ передней, пока онъ ее позоветъ. Императоръ, погруженный въ свои одинокія думы, потрясенный и обезсиленный перенесенной физической и нравственной мукой, вспоминаетъ и посылаетъ за ней лишь часъ спустя послѣ ея

отъѣзда. «Бѣдная женщина», говоритъ онъ, «она подумаетъ, что о ней забыли»! Тогда она пишетъ ему и онъ отвѣчаетъ ей собственноручно: «Марія, я получилъ ваше письмо отъ 15-го. Чувства, одушевляющія Васъ, меня глубоко трогаютъ. Они вполнѣ достойны вашей чудной души и Вашего добраго сердца. Когда устроите Ваши дѣла и если поѣдете на воды въ Пизу, я буду искренно радъ повидаться съ Вами и Вашимъ сыномъ, мои чувства къ которому навсегда останутся неизмѣнными. Будьте здоровы. Не печальтесь, думайте обо мнѣ и никогда во мнѣ не сомнѣвайтесь.

N.

16 апрѣля.

Въ августѣ мѣсяцѣ она уже во Флоренціи и собирается ѣхать въ Неаполь принять въ свои руки принадлежащія сыну владѣнія, а также и ходатайствовать передъ Мюратомъ о томъ, чтобы онъ ей ихъ оставилъ. Она приказываетъ спросить Императора, не можетъ ли онъ ее принять, и въ концѣ мѣсяца въ сопровожденіи сына, сестры и брата, полковника Лещинскаго высаживается на островъ Эльбу и проводитъ весь день съ Императоромъ въ «Эрмитажѣ Марсіаны». Въ 1815 г. едва узнавъ о возвращеніи Наполеона въ Парижъ, она спѣшитъ къ нему, и среди женщинъ, которыхъ преданность пережила удачу и которыя чаще всего навѣщали Елисейскій дворецъ и залы Мальмезона, ей безспорно принадлежитъ первое мѣсто.

Но по отъѣздѣ Наполеона на островъ Св. Елены она сочла себя свободной; и такъ какъ старикъ Валевскій умеръ въ 1814 г., то въ 1816 г. въ Льежѣ, куда ей пришлось удалиться послѣ вторичнаго возвращенія Бурбоновъ во Францію, она стала женою кузена Императора, генерала графа Орнано, бывшаго полковника гвардейскихъ драгунъ, одного изъ блестящихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ Наполеоновской «Великой Арміи». Этотъ бракъ глубоко задѣлъ и огорчилъ Наполеона. «Императоръ», говоритъ одинъ изъ его тогдашнихъ приближенныхъ, «питалъ всегда глубочайшую нѣжность къ М-me Валевской, и не въ его натурѣ было позволять тѣмъ, кого онъ любилъ—любить что бы и кого бы то ни было помимо него». Къ тому же бѣдная женщина не имѣла даже времени освоиться съ истиннымъ счастьемъ. 9 іюня 1817 г. въ Льежѣ она разрѣшилась отъ бремени. Вскорѣ послѣ того ея мужъ получилъ позволеніе вернуться въ Парижъ, но едва успѣваетъ она устроиться въ своемъ отелѣ на улицѣ Victoire, какъ тамъ и умираетъ 15 декабря 1817 г.

Что же касается до ея сына, о которомъ Императоръ сказалъ въ завѣщаніи: «Я хочу, чтобы Александръ Валевскій былъ принятъ на службу во Французскую армію»,—всѣмъ

извѣстно, какъ доблестно исполнилъ онъ свое назначеніе и какую сдѣлалъ блестящую карьеру. Его жизнь, какъ солдата писателя, дипломата и государственнаго дѣятеля слишкомъ тѣсно связана съ современной ему исторіей, чтобы здѣсь распространяться о ней или дѣлать ей надлежащую оцѣнку.

XIV.

РАЗВОДЪ.

Съ одной стороны смерть Наполеона-Карла, старшаго сына Гортензіи и Людвига, разбила мечты Наполеона по части престолонаслѣдія, съ другой—рожденіе маленькаго Леона, сына Элеоноры, разсѣяло сомнѣнія Императора въ его способности производить потомство, и наконецъ любовь къ M-me Валевской лишила образъ Жозефины прежняго обаянія въ его глазахъ. Въ Тильзитѣ пожалуй еще не возникало опредѣленныхъ переговоровъ относительно брачнаго союза съ одной изъ русскихъ Великихъ Княженъ, но уже тотчасъ по возвращеніи изъ Тильзита все готовится къ разводу: тутъ въ первый разъ Императоръ останавливается на этой мысли и какъ бы считаетъ ее возможною. Однако какой длинный интервалъ между временемъ зарожденія этой идеи и ея осуществленіемъ. Въ другихъ комбинаціяхъ, гдѣ бываетъ замѣшанъ одинъ его умъ, разъ остановившись на томъ или другомъ рѣшеніи, онъ первый не выноситъ проволочекъ и неуклонно преслѣдуетъ намѣченную цѣль, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Здѣсь собственный разсудокъ смѣло и опредѣленно указываетъ ему на неудобства безплодія Жозефины, на всѣ выгоды развода и другого брака, но его сердце зато всѣми силами противится его политическимъ видамъ и въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ (съ іюля 1807 г. по октябрь 1809 г.) заставляетъ его колебаться, то уступать, то возвращаться къ старому, словомъ вести себя до того неопредѣленно, сбивчиво и странно, что подобный образъ дѣйствій необъяснимъ никакими политическими соображеніями, и ключъ къ нему можетъ дать развѣ одна только любовь. Прежде чѣмъ у Наполеона хватило достаточно энергіи для того, чтобы порвать на вѣки съ женщиной, къ которой его привязывало все: десятилѣтняя привычка, сильная страсть, пылкій темпераментъ, даже тщеславіе, наконецъ любовь настолько сильная, чтобы заставить его призвать ее раздѣлить съ собой блескъ и почести трона и нерѣдко оказывать ей и ея близкимъ видимо предпочтеніе передъ собственною кровною роднею — прежде нежели у него хватило энергіи разстаться съ тѣмъ, чѣмъ была для него

эта женщина, нужно было одну за другой въ конецъ перервать и перетереть всѣ связывавшія его съ нею нити, вслѣдствіе чего разводъ обратился бы уже не только въ выгодный, но и въ безусловно необходимый и неизбѣжный шагъ. Съ перваго раза онъ еще никакъ не рѣшается принести въ жертву хотя и очевидной необходимости—эту свою подругу, которой онъ приписываетъ тѣмъ большее количество часто несвойственныхъ ей добродѣтелей, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ себя передъ ней виноватымъ. «Она не вынесетъ, она умретъ отъ этого», говоритъ онъ—и въ концѣ концовъ доходитъ до того, что начинаетъ думать, будто его собственные успѣхи зависятъ отъ ея счастливой звѣзды. Разумѣется не этотъ пустяковый предразсудокъ останавливаетъ его, ни даже забота о томъ, какого мнѣнія будутъ о немъ въ данномъ случаѣ его товарищи по оружію, народъ и армія, если онъ всего черезъ два года послѣ коронаціи отошлетъ отъ себя жену, которую самъ же сдѣлалъ помазанницей: о чужихъ мнѣніяхъ онъ очень мало заботится; онъ прислушивается только къ голосу собственнаго сердца—и безсильно отступаетъ. Замѣтивъ эти колебанія иные изъ болѣе близкихъ къ Императору сторонниковъ развода, вродѣ Фуше, пытаются ускорить желанную развязку и хотятъ ловкими намеками и внушеніями исподволь довести Жозефину до добровольнаго рѣшенія съ ея стороны взять на себя иниціативу развода. Наполеонъ, конечно, не можетъ не понять, что это излишнее рвеніе по всей вѣроятности прямое слѣдствіе его собственныхъ плановъ, которые онъ самъ позволилъ такъ или иначе угадать. Но чѣмъ слабѣе онъ себя чувствуетъ, тѣмъ больше злится на тѣхъ, кто осмѣлился это подмѣтить. Поэтому онъ гнѣвно накидывается на Фуше, желая разувѣрить его, окончательно выходитъ изъ себя и третируетъ его до такой степени грубо, какъ еще никогда ни при какихъ условіяхъ, не третировалъ кого бы то ни было. Еще бы! Его собственный министръ вздумалъ подчинить его своему вліянію! А этотъ министръ полиціи, уходя позволяетъ себѣ проникнуть въ его интимную жизнь, сунуть свою угрюмую физіономію въ ихъ супружескую спальню. Жозефина пользуется этой минутной вспышкой и, искусно направляемая Талейраномъ, которому по той или другой причинѣ хочется на этотъ разъ помѣшать Фуше, прямо идетъ къ Наполеону, который, не смѣя еще признаться ей въ своихъ намѣреніяхъ, колеблется, сдается и позволяетъ женѣ овладѣть собою. Съ этихъ поръ на время, по крайней мѣрѣ,—конецъ всякимъ составленнымъ по календарямъ и альманахамъ спискамъ иностранныхъ принцессъ, достигшихъ брачнаго возраста; конецъ конфиденціальнымъ

справкамъ, черезъ агентовъ внѣшнихъ международныхъ сношеній, портретамъ, заботливо собираемымъ съ цѣлью составить по нимъ опредѣленное мнѣніе о тѣхъ, изъ кого придется выбирать.

Наполеонъ вновь отдается женѣ и въ гораздо большей степени, чѣмъ даже въ прошломъ. Въ часы своихъ ночныхъ посѣщеній женина комнаты, которыми онъ вдругъ зачастилъ его нѣжность не знаетъ границъ, онъ горячо сжимаетъ ее въ объятіяхъ, плачетъ и клянется ей въ самой глубокой и нѣжной любви. Тщетно его атакуютъ снова, тщетно воображаютъ себѣ что его наконецъ удалось убѣдить; при видѣ жены оживаютъ въ немъ всѣ его прежнія чувства и теперь уже она сама въ гордомъ сознаніи преимущества своего положенія выдвигаетъ на сцену вопросъ о разводѣ и повидимому гораздо рѣшительнѣе его подходитъ къ ненавистной гипотезѣ, съ кажущимся спокойствіемъ разсматривая и взвѣшивая и ея неудобства и ея преимущества. Разумѣется, ужъ не она же станетъ ему здѣсь поперекъ дороги—за это она ручается; стоитъ ему приказать—и она повинуется, но пусть же онъ самъ прикажетъ.

Да бѣда-то вся въ томъ, что у него нѣтъ силъ приказать. Для того чтобы упрочить свое могущество—стать родоначальникомъ новой династіи, чтобы оградить отъ доступныхъ людскому предвидѣнію случайностей продолженіе своихъ великихъ дѣлъ, «человѣкъ съ желѣзнымъ сердцемъ» долженъ всего на всего устранить одну женщину; долженъ и не можетъ. Но какъ сильно ни влюбился онъ снова въ жену—по крайней мѣрѣ временами, это отнюдь не дѣлало его вѣрнымъ супругомъ. Нѣтъ;—въ томъ чувствѣ, которое онъ ощущаетъ къ женѣ, вѣрность совсѣмъ не причемъ. Его любовь къ ней основана на дорогихъ воспоминаніяхъ, на состраданіи, благодарности, нѣжности, на долголѣтней привычкѣ, но безъ малѣйшихъ иллюзій по части красоты, свѣжести и возраста любимой женщины. Поэтому если Наполеонъ встрѣчаетъ тутъ-же на пути своемъ болѣе молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ, очень естественно, что онъ желаетъ имѣть ихъ, и беретъ, хотя въ тоже время его любовь къ Жозефинѣ ни капли не слабѣетъ отъ этого. Его тогдашнее пребываніе въ Парижѣ и Фонтенебло съ августа по октябрь 1807 г.—цвѣтущее время для м-ме Гоццани, и даже не для нея одной. То чисто физическое наслажденіе, которое она давала ему и которому только необычайная красота ея могла еще кое-какъ придать нѣкоторое внѣшнее благородство, не могло занимать Наполеона въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ.

Въ Фонтенебло одно время думаютъ, что онъ уже готовъ влюбиться въ m-me Барраль, состоящей при особѣ принцессы Полины. M-eur Барраль связанъ чѣмъ-то вродѣ очень отдаленнаго родства съ семьей Богарне, благодаря чему его жена принята ко двору и, надо отдать ей справедливость, по праву считается одной изъ первыхъ придворныхъ красавицъ. Это — роскошно расцвѣтшая красота (ей только что минуло 28 лѣтъ) разлита по гигантскому туловищу вышиною въ пять футовъ шесть дюймовъ. Многіе даже находятъ, что для такого громаднаго торса голова у нея несоразмѣрно мала, а черты лица черезчуръ мелкія, дѣтскія; но тѣ впрочемъ не видѣли ея въ костюмѣ царицы шахматной игры во главѣ кадрили на балу у Марескальки. Въ добавленіе ко всему вышесказанному— живой, бойкій умъ, ни копейки денегъ и никакихъ предразсудковъ. Императоръ встрѣчается съ нею на охотничьихъ завтракахъ, она ему нравится, что вскорѣ доводятъ до ея свѣдѣнія и даже говорятъ, будто онъ самъ ей объ этомъ пишетъ. Ее помѣстили въ нижнемъ этажѣ, на сторонѣ, выходящей окнами въ сады Діаны, что дѣлало ея комнаты, какъ нельзя болѣе удобными для вечернихъ визитовъ. Надо лазить въ окошко, гдѣ еще на бѣду въ амбразурѣ лѣпится неуклюжая ступенька, съ которой того и гляди сорвешься и полетишь сломя голову внизъ; за то обитательница этихъ покоевъ такъ гостепріимна, что облегчаетъ всѣ трудности подъема. Это ей даже очень нравится, она вполнѣ въ своей тарелкѣ, а мужъ уже пожилой и изъ самыхъ наивныхъ самодовольно потираетъ руки. «У моей жены», сказалъ онъ разъ гдѣ-то въ гостяхъ, «голова—неистощимый источникъ доходовъ. Мы совсѣмъ не богаты, а кажемся богатыми благодаря ея таланту; это просто сокровище». Она кромѣ того такъ добросовѣстно трудится, что ради нея его назначаютъ камергеромъ къ одному изъ королей, братьевъ Императора. Тутъ онъ идетъ быстро въ гору и вскорѣ ему жалуютъ титулъ барона для того только, чтобы ее обратить въ баронессу. Но интрига, до того искусно скрываемая, что многіе сомнѣвались въ ея существованіи, не возобновилась по возвращеніи изъ Фонтенебло, и счастливый супругъ волей неволей долженъ былъ умѣрить свой восторгъ; были у него и другія непріятности впрочемъ: m-me де-Барраль повздорила изъ-за одного блестящаго офицера; вслѣдствіе чего она была вычеркнута изъ списка придворныхъ дамъ и должна была удалиться въ свое помѣстье, тогда какъ офицера отослали въ Испанію, гдѣ его ранили довольно опасно.

Когда онъ вернулся и выздоровѣлъ, а она развелась съ своимъ мужемъ—состоялась ихъ свадьба, причемъ время рож-

денія перваго ребенка отъ этого брака могло бы пожалуй дать поводъ къ нѣсколько нескромнымъ заключеніямъ.

Два года спустя опять же въ Фонтенебло Наполеонъ сходится на нѣкоторое время съ другой придворной дамой принцессы Полины, нѣкоей m-me де-Матисъ, странное влеченіе его къ которой повидимому ничѣмъ не объяснимо. «Она«, говоритъ одинъ современникъ, маленькая, жирная, бѣлокурая, круглая, какъ шаръ, и далеко не такая свѣжая, «какъ роза».— «Это была», утверждаетъ другая современница, «маленькая, довольно толстая блондинка, въ которой я не находила рѣшительно ничего замѣчательнаго, и никогда не могла постичь этого чувства».

Самъ онъ о ней выражается такъ: «я имѣлъ m-me де-Матисъ, уроженку Пьемонта, которая была при Полинѣ. Я дѣлалъ ей подарки: она не была богата. Ея отецъ, жившій въ Туринѣ, думая, что она дѣлаетъ долги, писалъ ей, чтобы она ѣхала къ нему. Она и уѣхала, но кажется не успѣла порядкомъ разсказать отцу, какъ и что было, какъ тотъ уже самъ немедленно привозитъ ее обратно: онъ очевидно разсчитывалъ сдѣлать весьма многое. Она откровенно разсказала, какъ отецъ бранилъ ее за то, что она не извѣстила его обо всемъ раньше. Но, мнѣ кажется, все это случилось между моимъ разводомъ съ Жозефиной и бракомъ съ Маріей-Луизой, а потому я порвалъ съ ней всѣ отношенія».

Оно дѣйствительно, и было какъ разъ въ это самое время, и вотъ что разсказываетъ одинъ домашній завсегдатый о томъ, съ чего началось это дѣло:

«Какъ то разъ несмотря на позднюю осень выдалось чудное, солнечное, совсѣмъ весеннее утро. M-me де-Кавуръ уговорила m-me де-Матисъ пройтись съ нею по парку. Время пролетѣло незамѣтно и запоздавшія дамы, спѣша скорѣе добраться до дому, прошли прямо подъ окнами кабинета Императора. Было ли то единственной причиной, побудившей ихъ выбрать именно эту дорогу? Какъ бы то ни было, но Императоръ нежданно появляется передъ ними, подходитъ ближе и вмѣшивается въ разговоръ. Увидавъ свѣжую розу, какимъ-то чудомъ непопорченную инеемъ, онъ срываетъ ее и презентуетъ г-жѣ де-Кавуръ. «Для васъ это было бы лишнимъ», прибавляетъ онъ тихо, поднося г-жѣ де-Матисъ крупную трехцвѣтную фіалку. Вотъ и весь такъ называемый «первый актъ». Второй актъ еще короче: съ одной стороны—нѣжный выразительный взглядъ, съ другой—пара прелестныхъ синихъ глазъ; стыдливо опущенныхъ долу; и только всего. Дѣйствіе третье—великолѣпный балъ; танцуютъ Монако, любимый танецъ Императора, въ которомъ онъ особенно отличается и

даже соперничаетъ съ своей граціозной дамой, г-жей де-Матисъ. Блестящая охота, во время которой такъ легко заблудиться нечаянно въ лѣсу, плюсъ любовный дуэтъ въ гостепріимной чащѣ—заполняютъ четвертое дѣйствіе; обстановка послѣдняго акта, т. е. развязки, уже извѣстна читателю». По возвращеніи двора изъ Фонтенебло завсегдатаи отеля Боргезе удивляются, что къ m-me де-Матисъ почти невозможно приблизиться,—до того ею, повидимому, занята принцесса Полина, усердно изъявляющая ей свое благоволеніе, и до того часто Императоръ прянялся навѣщать сестру. М-ме де-Матисъ ежедневно получаетъ роскошные букеты, гдѣ среди дорогихъ и рѣдкихъ цвѣтовъ скромный цвѣточекъ трехцвѣтной фіалки напоминаетъ ей первую встрѣчу. «Должно быть онъ очень любезенъ», говоритъ кто-то г-жѣ де-Матисъ съ цѣлью ошеломить ее неожиданностью такого вступленія. Застигнутая врасплохъ она наивно заявляетъ: «О да, его любезность равняется его могуществу»; однако она еще и тутъ дѣлаетъ видъ, что сопротивляется, такъ какъ она не свободна и гораздо больше, чѣмъ отсуствующаго мужа, опасается своего не въ мѣру ревниваго любовника, постоянно торчащаго у нея на глазахъ. Наконецъ, она уступаетъ, но не безъ страха и трепета. «Мнѣ пришлось пустить въ ходъ все мое краснорѣчіе», говоритъ довѣренное лицо принцессы Полины, чтобы разсѣять тѣ ужасные призраки, которые рисовало ей, ея слишкомъ живое воображеніе, и остановить потоки слезъ, проливаемыхъ ею по милости короля-королей».

Къ тому же это все удивительно скоро окончилось. Въ декабрѣ мѣсяцѣ г-жа де-Матисъ была призвана развлекать его чисто физически послѣ развода и для этой цѣли сопровождала принцессу въ Тріанонъ вмѣстѣ съ тремя ея другими дамами, взятыми ею не то для соблюденія приличій, не то изъ уваженія къ почетному ихъ положенію; но уже 29 января 1810 года ей приказано выѣхать въ Бра, гдѣ два мѣсяца спустя ея мужъ получаетъ баронство.

Г-жа де-Матисъ жила очень долго, вплоть до 1841 года, и глядя на ея бѣлый подвитой и всклокоченный парикъ, на ея голову слишкомъ крупную для ея короткаго, хотя и жирнаго туловища, съ трудомъ державшагося на крошечныхъ ножкахъ, глядя на ея шарообразную фигуру и заплывшее жиромъ лицо, всѣмъ какъ-то не вѣрилось и казалось нелѣпымъ и страннымъ, чтобы она когда-либо могла быть привлекательной и чтобы Императоръ могъ находить ее интересной. Но на это у нея имѣлись письменныя доказательства и она вовсе не считала предосудительнымъ приводить ихъ всѣмъ и каждому.

Что до Наполеона, то хотя онъ, повидимому, снова вернулся къ супружескому ложу, допустилъ уговорить и смягчить себя воспоминаньями былой любви и миновавшаго счастья, хотя онъ и казался растроганнымъ, нѣжнымъ, взволнованнымъ, нервнымъ и печальнымъ, при всемъ томъ его далеко еще не удалось убѣдить отказаться отъ упорно засѣвшей въ его мозгу, неотступно его преслѣдующей мысли о разводѣ; эту идею ревностно поддерживаютъ и развиваютъ передъ нимъ его совѣтники и, что важнѣе всего, то же самое, подсказываютъ ему собственный разсудокъ и собственное честолюбіе. Несомнѣнно, что только въ виду предстоящаго развода, онъ въ 1807 году предпринимаетъ поѣздку въ Италію.

Что касается Жозефины, то сильнѣй всего другого ее тревожитъ участь сына въ случаѣ если ей придется уступить свое мѣсто другой; безпокойство тѣмъ болѣе понятное, что хотя Наполеонъ въ 1805 году и утвердилъ за Евгеніемъ послѣ вице-короля Италіи, а, женивъ его на принцессѣ Августѣ, даровалъ ему въ 1806 году почетный титулъ сына Франціи,— всѣ его обѣщанія тѣмъ не менѣе не получили еще высшей санкціи, формальнаго узаконенія и закрѣпленія за Евгеніемъ и его потомствомъ права на королевскій престолъ, а остаются пока еще только чисто изустными.

Итакъ, ему необходимо разомъ успокоить на этотъ счетъ и жену и баварскій домъ, а также остановиться наконецъ на чемъ-нибудь болѣе или менѣе для себя подходящемъ въ смыслѣ брачнаго союза. Если онъ послѣ жалѣлъ, что не женился на вицѣ-королевѣ принцессѣ Августѣ, о которой ея современники отзывались какъ о «первой красавицѣ придворныхъ баловъ и собраній», то не окажется ли ему подходящей женою сестра Августы, принцесса Шарлотта? Несомнѣнно, что въ виду этого—то соображенія онъ и вызываетъ въ Миланъ короля, королеву и принцессу Баварскихъ. Тѣмъ временемъ онъ однако передумалъ, разсудивъ, что ему не подобаетъ превращаться въ beau-frère'а своего же пасынка, тѣмъ болѣе, что молодая дѣвушка понравилась ему меньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Итакъ онъ предоставляетъ ее на волю ея странной судьбы и обращается къ новому проэкту семейнаго союза.

Теперь она уже взрослая и вполнѣ созрѣла для замужества— прежняя малютка Лолотта, съ которой онъ не видался слишкомъ пять лѣтъ и которую когда-то дѣвочкой водилъ за ручку по заламъ консульства. Эта—его родная племянница дочь Люсьена отъ перваго брака его съ Каролиной Буайэ, которую Наполеонъ любилъ, какъ сестру, несмотря на то, что она была дочерью скромныхъ трактирщиковъ изъ Сенъ-Максимъ-дю-

Вара и первое время своего пребыванія въ семьѣ Бонапартовъ не умѣла даже написать своего имени.

Конечно съ тѣхъ поръ какъ Лолотта, вырвавшись изъ-подъ опеки Элизы, уѣхала изъ Франціи съ отцомъ и мачихой, прошло много времени, и дѣвочка, по всей вѣроятности уже зараженная враждой къ нему своихъ домашнихъ, должна быть предупреждена противъ дяди но вѣдь ей всего 15 лѣтъ; въ эти годы воспоминанія дѣтства легко воскресить въ памяти дѣвочки—а эти воспоминанія безусловно должны быть въ пользу Наполеона. Императоръ, будучи настолько семьяниномъ, что всѣ свои высшія милости распредѣлялъ исключительно среди собственной семьи, и настолько идеальнымъ братомъ, что всю свою жизнь только и дѣлалъ, что прощалъ братьямъ ихъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, долженъ былъ тяготиться враждою съ Люсьеномъ, могъ мечтать произвести потомство отъ женщины одной съ нимъ крови и тѣмъ самымъ основать—такъ сказать—свою кровную династію, безъ примѣси какихъ-либо чуждыхъ элементовъ. Къ тому же если разница лѣтъ окажется слишкомъ разительною, или дѣвушка почувствуетъ къ нему отвращеніе, или же, наконецъ, самъ онъ постѣснится связать съ собою этого ребенка, въ виду ея крайней юности, тогда что же помѣшаетъ ему найти Лолоттѣ мужа въ лицѣ кого-нибудь изъ представителей европейскихъ державъ и такимъ образомъ создать себѣ изъ нихъ друзей и союзниковъ; эта перспектива какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его программѣ. Напримѣръ—что можно возразить въ этомъ смыслѣ хотя бы противъ Испаніи? Въ этой политической игрѣ, которую онъ намѣренъ вести эта дѣвочка, единственная изъ дѣтей его семьи почти уже достигшая брачнаго возраста—козырь довольно-таки крупный; въ виду такихъ соображеній онъ выписываетъ ее въ Парижъ и помѣщаетъ у Императрицы-матери, подъ ея непосредственнымъ надзоромъ, но Лолотта недолго тамъ погостила; она забавляетъ отца письмами, въ которыхъ довольно зло потѣшается надъ дворомъ, не подозрѣвая даже, что за ея перепиской слѣдятъ. Эти письма открываютъ Наполеону глаза; онъ убѣждается, что съ дочерью Люсьена уже ничего не подѣлаешь, и отсылаетъ ее обратно въ Италію. Правда, она не нашла тамъ себѣ мужа изъ владѣтельныхъ особъ, но все-таки украсила свою голову княжеской короной, выйдя въ 1815 г. замужъ за князя Габріэлли, и умерла только въ 1865 г.

По части матримоніальныхъ проектовъ путешествія въ Италію нельзя назвать успѣшнымъ, но Фуше тѣмъ не менѣе усердно старается какъ и гдѣ только можетъ распространять слухъ о предстоящемъ разводѣ, не останавливаясь даже передъ

громоносными посланіями своего разгнѣваннаго повелителя, Какой это ни тонкій и ни осторожный пройдоха, онъ на этотъ разъ вопреки своему обыкновенію упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что благопріятный ему моментъ давно прошелъ, и что хотя опасности въ Эйлау и передряги составленнаго въ его отсутствіе заговора могли временно повліять на политику Наполеона, но впечатлѣніе оказалось не настолько глубокимъ и продолжительнымъ, чтобы заставить Императора признать за необходимое обзавестись собственнымъ ребенкомъ, какъ своимъ временнымъ представителемъ въ Парижѣ въ періоды своихъ отлучекъ изъ столицы. Чтобы склонить его на разводъ, надо было преподнести ему уже нѣчто готовое, а этого-то теперь негдѣ взять: съ Россіей дѣло видимо обѣщаетъ затянуться надолго, съ Баваріей—дѣлать нечего, равно какъ и съ Австріей, предложившей свою кандидатуру въ 1805 г., но въ настоящую минуту не имѣющей уже ни одной взрослой принцессы; въ запасѣ остается брачный союзъ съ той же Лолоттой, но по этому поводу предстоитъ пережить столько непріятностей съ Люсьеномъ и устранить такую массу затрудненій! Слѣдовательно—волей-неволей придется выждать время, что Наполеонъ и дѣлаетъ, вернувшись изъ Италіи, въ теченіе своего трехмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ. Его сердце занято исключительно M-me Валевской, только что пріѣхавшей изъ Польши. Его мысли заняты массой дамъ, особенно испанскими дѣлами, съ которыми онъ разсчитываетъ покончить, прежде чѣмъ возобновить съ Императоромъ Александромъ Тильзитскіе переговоры; лишь изрѣдка и то урывками возвращается онъ къ вопросу о разводѣ: въ эти тяжкіе для него дни онъ менѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ себя способнымъ принять какое-нибудь рѣшеніе, несмотря на всѣ уговоры и подстрекательства Талейрана. Вѣчно взволнованный, нервный, разстроенный почти до болѣзни, до страшныхъ мучительныхъ припадковъ желудочной невралгіи, онъ не способенъ теперь ни на какое усиліе воли, часто въ глубокой тоскѣ привлекая къ себѣ на постель жену, разодѣтую въ ожиданіи назначеннаго при дворѣ собранія, онъ плачетъ о ней и о себѣ, рыдая надъ тѣмъ, что не въ силахъ съ нею разстаться; нѣтъ, нѣтъ,—не въ силахъ! Судьба какъ бы приковала его къ этой женщинѣ, ея власть надъ нимъ такова, словно она обладаетъ какимъ-то чудеснымъ талисманомъ любви; даромъ, что онъ самъ говоритъ про нее, что она и стара и дурна,—это не мѣшаетъ ему пускаться съ ней въ чисто мальчишескія шалости по уши влюбленнаго юнца, какъ онъ это дѣлаетъ во время своего пребыванія въ Марракѣ. Ничто не указываетъ въ немъ на заботы о будущемъ и еще менѣе на

какую-либо заднюю мысль по части разрыва съ женой ничто повидимому не омрачаетъ его беззаботнаго настроенія, когда онъ впереди конвойнаго отряда легкой кавалеріи летитъ въ догонку за Жозефиной вдоль отмели и толкая ее въ воду, которую называетъ chambre d'amour, хохочетъ во все горло.

А не то на сцену является другая фантазія, какъ въ тотъ день, когда разъ на прогулкѣ Императрица впопыхахъ теряетъ ботинки, а онъ подымаетъ ихъ, забрасываетъ куда-то далеко въ сторону и тѣмъ принуждаетъ ее сѣсть въ коляску въ однихъ чулкахъ, чтобы лучше видѣть и чувствовать черезъ чулки ея крошечныя ножки, которыя ему такъ нравятся.

Въ такія минуты она не только близка ему физически, но глубоко трогаетъ его и нравственно: никогда еще Жозефина не была такъ мила и такъ хорошо настроена, какъ во время ихъ совмѣстнаго путешествія въ Байонну, никогда еще не проявляла она такой готовности и умѣнья служить его цѣлямъ, не выказывала столько такта и тонкости въ обращеніи. Какъ товарищъ и другъ, когда нужно, она всегда тутъ на своемъ посту, непринужденная, граціозная, смѣшливая, умная, въ высшей степени тактичная даже въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ та странная встрѣча съ испанской королевской четой, которую имъ поневолѣ пришлось задержать, или еще во время утомительнаго тріумфальнаго шествія черезъ южныя и западныя провинціи, подъ такимъ палящимъ зноемъ, что приходится ѣхать ночами, чтобы хотя нѣсколько освѣжиться. Въ это тоскливое путешествіе, гдѣ при каждой остановкѣ ихъ ожидаютъ стеріотипныя празднества, какъ двѣ капли воды всѣ похожія одно на другое и вездѣ одинаково незанимательныя, гдѣ безконечные пріемы и представленія слѣдуютъ одно за другими и гдѣ онъ самъ наконецъ испытываетъ утомленіе отъ всѣхъ этихъ овацій, какъ она ухитряется все это выдерживать? цѣлыми днями она на ногахъ, всегда готовая исполнить свой долгъ; не взирая на нездоровье и мигрени, она съ пунктуальной аккуратностью является всюду гдѣ ея присутствіе необходимо, и дѣлаетъ это безъ всякаго видимаго усилія, съ вѣчной граціозной улыбкой, обращаясь къ каждому съ любезной фразой, умѣя всякому сказать, именно то, что польстило бы его самолюбію. Какъ она умѣетъ сдѣлать видъ, что интересуется всѣмъ, во все готова войти, что все занимаетъ ее—и люди, и вещи, и семьи и дѣти, вниманіе къ которымъ такъ льститъ матерямъ. Она словно рождена для того, чтобы замѣнять и пополнять его тамъ, гдѣ онъ недостаточно мягокъ, чтобы сгладить своей женственной ласко-

вой слабостью могучую суровость его повелительныхъ пріемовъ, и покорять сердца тѣхъ, чьи умы воспламенитъ его геній.

И все жъ таки, хотя Наполеонъ глубже всѣхъ чувствовалъ на себѣ обаяніе Жозефины въ эти четыре мѣсяца (съ апрѣля по августъ), когда онъ жилъ исключительно ею, и одинъ только разъ, да и то на короткое время, увлекся M-me Гильебо; зато по возвращеніи въ Парижъ мысль о разводѣ снова начинаетъ его преслѣдовать, и нѣтъ сомнѣнія, что въ эрфуртской поѣздкѣ эта идея играетъ далеко не послѣднюю роль, а Талейранъ ѣдетъ съ нимъ исключительно для того, чтобы внушить Александру, что Императоръ готовъ предложить корону Франціи одной изъ Русскихъ Великихъ Княженъ. Но тутъ Талейранъ вмѣсто того чтобы служить своему повелителю, предательски измѣняетъ ему, и не только снабжаетъ Русскаго Императора средствомъ уклониться отъ требованія Наполеона, но кладетъ основаніе новой противу-Французской коалиціи, подготовляя собственными руками войну 1809 года.

Послѣ Эрфурта Наполеонъ долженъ на всѣхъ порахъ спѣшить сперва въ Парижъ, а затѣмъ къ Испанскимъ границамъ; довѣряя полусловамъ и полуобѣщаніямъ Императора Александра, онъ воображаетъ, что, подавивъ мятежъ въ Испаніи, онъ безъ труда осуществитъ свое намѣреніе породниться съ Русскимъ Царемъ.

Испанскій мятежъ оказывается цѣлымъ возстаніемъ; тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ восторжествовать вполнѣ на худой конецъ черезъ два мѣсяца, приходится употребить не два, а цѣлыхъ три на какія-то безплодныя побѣды. Но и это не все; счастье, видимо, измѣняетъ ему. Со всѣхъ сторонъ все новыя непріятности. Въ Парижѣ—заговоры среди родной семьи, его точный гороскопъ—предсказаніе дня его смерти, Австрія вооружается снова, готовясь къ нападенію, въ Германіи эрцгерцоги дѣятельно пропагандируютъ независимость и готовятъ народы къ возстанію, наконецъ, тайныя общества дружно агитируютъ въ пользу «священной войны». Онъ поспѣшно покидаетъ Беневентъ и во весь опоръ мчится въ Парижъ, безжалостно вонзая острыя шпоры въ бока лошадей, чтобы заставить ихъ перескакивать черезъ пропасти, обрывы и другія препятствія и словно какой-нибудь пажъ почти не отдыхая, какъ ураганъ, несется отъ станціи къ станціи. Въ Парижѣ менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца онъ успѣваетъ разоблачить нѣсколькихъ предателей, привести въ порядокъ свои личныя дѣла, организовать цѣлую армію и двинуть ее къ Дунаю, послѣ чего снова покидаетъ Парижъ, такъ какъ тѣмъ времс-

немъ Австрія успѣла подняться, и эрцгерцогъ Карлъ захватилъ въ свои руки территорію конфедераціи.

Когда же въ Шенбруннѣ послѣ всѣхъ этихъ разъѣздовъ, длившихся почти безостановочно цѣлые семнадцать мѣсяцевъ, онъ получаетъ, наконецъ, возможность передохнуть и собраться съ мыслями, неумолимая неизбѣжность развода яснѣе, чѣмъ когда-либо, возникаетъ передъ его умственнымъ взоромъ; теперь дѣло только въ необходимости получить возможность упрочить престолъ за прямымъ наслѣдникомъ и тѣмъ положить основаніе собственной династіи; хотя, конечно,—родись у него сынъ, прекратились бы само-собою тайные происки Мюрата и Каролины, теперь это далеко не все— ему положительно необходимо во время своихъ отлучекъ изъ Парижа имѣть тамъ въ лицѣ сына и наслѣдника—законнаго своего представителя, вокругъ котораго группировались бы его друзья и приверженцы, что было бы особенно полезно въ случаяхъ вродѣ, напримѣръ, недавняго вторженія англичанъ или возстанія роялистовъ.

Къ тому же Жозефина далеко и ужъ не можетъ дразнить его страсть призраками былыхъ наслажденій, трогать сердце воспоминаньями о пережитыхъ вмѣстѣ съ нимъ дняхъ борьбы побѣдъ и величія, или пугать его воображеніе роковымъ будто бы вліяніемъ разрыва ихъ навѣки связанныхъ жизней на его счастливую звѣзду.

Теперь другая женщина гораздо болѣе скромная, всегда ровная, сдержанная; къ тому же юная и прекрасная собой, да еще не безплодная, какъ Жозефина, создала ему новый семейный очагъ, окружаетъ его нѣжнымъ вниманіемъ и, готовясь быть матерью, напоминаетъ ему ежечасно о томъ, что онъ способенъ быть отцомъ и оставить потомство своему народу. Если онъ еще могъ сомнѣваться въ себѣ съ Элеонорой, то здѣсь уже сомнѣнья не возможны имъ мѣста нѣтъ, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, какъ велика была та жертва, которую принесла ему эта женщина въ Варшавѣ, знаетъ всю ея жизнь за послѣдніе два года; наконецъ, не онъ-ли самъ устроилъ ей ея тюрьму въ Шенбруннѣ и заперъ ее въ ней, какъ хотѣлъ? Итакъ, прочь колебанья! Это рѣшено и подписано. Конецъ душевному разладу, что цѣлыхъ два года терзалъ умъ его и надрывалъ его сердце; конецъ томительнымъ днямъ и безсоннымъ ночамъ, когда полный тревоги и горя передъ неизбѣжнымъ разрывомъ онъ во избѣжаніе рокового момента напряженно перебиралъ въ умѣ всѣ комбинаціи, какія только представляла ему его неистощимая изобрѣтательность. Усыновленіе своего незаконнаго ребенка, симуляцію беременности, даже назначеніе своимъ преемникомъ одного изъ сыновей Гортензіи—онъ

все перебралъ, пересмотрѣлъ все оцѣнилъ и взвѣсилъ, онъ былъ бы готовъ на все, но къ дѣлу примѣнима, вѣдь только одна система, только она можетъ упрочить Имперію; онъ понимаетъ, онъ чувствуетъ это. И вотъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ волненій, а главное избавить отъ нихъ же жену, чтобы вторично не поддаться слабости и избѣжать на этотъ разъ повторенія той же Шенбруннской исторіи, онъ приказываетъ дворцовому архитектору въ Фонтенебло наглухо задѣлать въ своихъ аппартаментахъ всѣ двери, ведущія въ покои Императрицы. Когда же пріѣзжаетъ Жозефина въ первый разъ съ опозданьемъ—онъ не впускаетъ ее къ себѣ и одинъ совѣщается съ министрами. На этотъ разъ не допускается никакихъ интимныхъ разговоровъ, ни единой секунды они не остаются съ глазу на глазъ, вѣчно между ними, хоть кто-нибудь да есть. А посредники, а повѣренные, а совѣтчики? О, что до этихъ, то самымъ интимнымъ изъ нихъ едва-едва, что отворяютъ двери. Для генеральнаго, такъ сказать, сраженія онъ думалъ прибѣгнуть сначала къ Гортензіи, но когда та отказалась, вызываетъ для этой цѣли изъ Италіи самого Евгенія и вдругъ узнавъ же, что тотъ уже ѣдетъ, почему-то сбирается съ духомъ и тутъ же въ Парижѣ затѣваетъ съ Жозефиной рѣшительное объясненіе, во время котораго объявляетъ ей о своемъ безповоротномъ рѣшеніи. Она давно уже ожидала этого, не только съ 1807 года, но постоянно.

Итакъ, разразился наконецъ надъ ея головою тотъ ударъ, отъ котораго она такъ искусно и такъ ловко все время ограждала себя, но страхъ передъ которымъ отравлялъ ей всю жизнь, вотъ онъ—этотъ ужасный разводъ, грозящій ей со времени возвращенія мужа изъ Египта, этотъ призракъ, преслѣдовавшій ее во времена консульства, въ день провозглашенія Имперіи, омрачавшій ея торжество въ тѣ моменты, когда фортуна, казалось, особенно щедро осыпала ее своими дарами. На этотъ разъ уже нечего дѣлать, не на что опереться, нечего предпринять; ни единой лазейки, никакого лекарства! Она всетаки прибѣгаетъ къ слезамъ и обморокамъ, но уже безъ всякой надежды вернуть его къ себѣ и лишь для того, чтобы извлечь возможно большую выгоду изъ своего положенія. Она хочетъ упрочить положеніе сына, но требуетъ не обѣщаній, а законныхъ актовъ. Для себя она желаетъ прежде всего, чтобы ей позволили жить въ Парижѣ, потомъ чтобы долги ея были уплачены, чтобы ей оставили титулъ и всѣ прерогативы Императрицы, главное чтобы у нея было много, очень много денегъ. И все это у нея есть, и все будетъ, такъ какъ она хочетъ: для зимней резиденціи ей отводятъ Елисейскій дворецъ, Мальмезонъ—для лѣтней, Наваррскій замокъ

для охоты, три милліона въ годъ, придворный штатъ подобный прежнему, титулы, гербы, собственная гвардія, конвои, вся пышность, весь блескъ, весь train царствующей Императрицы, особое мѣсто въ государствѣ, до того странное, обособленное, безпримѣрное, что для подысканія чего-либо подобнаго въ исторіи—пришлось бы обратиться къ эпохамъ Римскаго или Византійскаго владычества. Но деньги, титулы, дворцы—все это ничто для него; онъ даетъ нѣчто лучшее—свою скорбь, свои слезы; а какъ онъ о ней безпокоится, гоняя ежечасно въ Мальмезонъ то пажей, то конюховъ, то камергеровъ, то штабныхъ офицеровъ за свѣжими новостями о ней, о каждомъ часѣ, который она проводитъ безъ него; какъ преданный, нѣжный и пылкій любовникъ онъ пишетъ ей письмо за письмомъ, обязываетъ всѣхъ окружающихъ навѣщать ее какъ можно чаще и хочетъ знать до малѣйшихъ подробностей жизнь любимой изгнанницы. Нѣтъ такихъ знаковъ вниманія и любезности, какихъ бы онъ не оказалъ ей, чувствуя, или вѣрнѣе воображая себя виноватымъ; ему хотѣлось бы, чтобы и она примирилась съ неизбѣжнымъ, сумѣла бы покойнѣе и трезвѣе—взглянуть на будущее, освоиться съ новымъ положеніемъ и тѣмъ сняла бы съ души его тяжесть сознанія того, что онъ сдѣлалъ ее несчастной.

И однако, когда онъ пріѣзжаетъ въ Мальмезонъ, чтобы повидать и утѣшить ее, то не ласкаетъ, не обнимаетъ ее, даже не входитъ въ комнаты, каждый разъ онъ устраиваетъ такъ, чтобы быть на виду у всѣхъ, такъ какъ желаетъ, чтобы Жозефина и всѣ вообще знали, что между ними все и навѣки покончено.

Этимъ онъ даетъ ей лишнее доказатсльство своего почтенія, не допуская, чтобы кто-либо осмѣлился думать, будто онъ свою прежнюю жену обратилъ въ любовницу. А впрочемъ—кто знаетъ—можетъ быть онъ и самъ не надѣется на свои силы и боится странной власти этой женщины надъ своимъ темпераментомъ, такъ что помимо почтенія его сдержанность можетъ означать еще нѣчто другое: не вѣрнѣе-ли будетъ предположить, что она—эта сдержанность еще разъ показала наглядно, насколько жива, могуча и долговѣчна въ немъ эта любовь, царящая въ его душѣ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, вначалѣ такая жгучая, страстная, а потомъ такая упорная, несмотря на случайныя измѣны и легкія интриги, самая нѣжная, самая властная и самая слѣпая любовь какую когда-либо испытывалъ мужчина.

XV.

МАРІЯ-ЛУИЗА.

До сихъ поръ всѣ женщины, которыхъ имѣлъ Наполеонъ, казались ему подчиненными, низшими въ сравненіи съ нимъ существами. Престижъ, которымъ вначалѣ пользовалась у него Жозефина, совершенно исчезъ съ 1806 года. Встрѣчая при своемъ дворѣ кровныхъ аристократокъ Франціи, вродѣ Монмаранси, Мартемаръ и Лаваль, онъ скоро разобралъ, чѣмъ были въ сравненіи съ ними всѣ эти Богарне, и усвоилъ себѣ болѣе точное представленіе о разстояніи раздѣляющемъ ихъ отъ кровной аристократіи. Изъ всѣхъ его любовницъ ни одна не могла похвастать ни происхожденіемъ, ни умѣніемъ поставить себя въ обществѣ, да онъ и не искалъ въ нихъ этого, а если такія и попадались, то такъ скоро надоѣдали ему, что онъ часто даже останавливался на полдорогѣ, не дожидаясь развязки начатой интриги. Да и нечего сказать, хорошее удовлетвореніе далъ бы онъ своему тщеславію такими побѣдами, на какія могъ разсчитывать во Франціи! Для того чтобы любовная интрига щекотала его самолюбіе, женщина по своему происхожденію должна была-бы занимать такое-же высокое и исключительное положеніе, какое онъ занимаетъ по своей геніальности, слѣдовательно—это могла-бы быть женщина по крайней мѣрѣ королевской или императорской крови, что и случилось наконецъ, когда Австрійскій Императоръ вымаливая у него союзничества, предлагаетъ ему въ супруги свою старшую дочь, Марію-Луизу.

На этотъ разъ дѣло идетъ уже не о доступѣ въ воображаемое Сенъ-Жерменское предмѣстье, какъ было когда-то съ Жозефиной: тутъ средство войти въ семью королей, породниться съ тѣми, кто господствуетъ надъ міромъ по праву древности своего рода и его славнаго прошлаго—съ Бурбонами и Габсбургско-Лотарингскимъ домомъ.

Итакъ—онъ готовъ войти на послѣднюю ступень, на которую ему нужно было подняться для того, чтобы стать, по крайней мѣрѣ, въ собственныхъ глазахъ, наравнѣ съ своими царственными предшественниками; это—его побѣда, его торжество; этотъ союзъ какъ-бы устанавливаетъ связь между нимъ и прежними повелителями Франціи, какъ бы пріобщаетъ его къ ихъ семьѣ: съ этихъ поръ онъ можетъ сказать «мой дядя», говоря о Людовикѣ XVI, «моя тетка», упоминая о Маріи-Антуанеттѣ, такъ какъ его будущая супруга и по отцу и

по матери—вдвойнѣ приходится племянницей королевѣ и королю Франціи. Съ этихъ поръ его не будетъ больше смущать и сердить нѣкоторая натяжка, неизмѣнно сквозившая въ обращеніи съ нимъ иностранныхъ монарховъ, несмотря на внѣшнюю сердечность и родственную короткость отношеній, давно вошедшихъ въ обычай у государей. Теперь онъ станетъ ихъ настоящимъ зятемъ, внукомъ, кузеномъ, свояком. «Наполеоновская система», которую онъ установилъ на Западѣ и которую въ продолженіе четырехъ лѣтъ старался соединить съ разными другими династическими системами при посредствѣ браковъ Евгенія, Стефаніи и Жерома, увеличится теперь его собственнымъ бракомъ съ представительницей Австрійской династіи, какъ это нѣкогда было съ Бурбонской системой. Такимъ образомъ его собственная династія потеряетъ свой, такъ сказать, случайный, импровизованный видъ, (въ чемъ собственно и заключается слабая сторона ея) и при своемъ дворянскомъ достоинствѣ, благодаря которому конечно сойдетъ и революціонное ея происхожденіе, пріобрѣтетъ такія родственныя связи, которыя только однѣ и могутъ, по мнѣнію Наполеона, помочь ему и его династіи занять прочное и опредѣленное мѣсто въ Европейской политикѣ. Этотъ бракъ слѣдовательно вполнѣ удовлетворяетъ его чувство тщеславія; что-же касается до его властолюбія, то какъ ему справиться съ женщиной, которая, имѣя подобныхъ предковъ, внося съ собою такую атмосферу царственнаго величія, должна отъ рожденія и по инстинкту сознавать, что она такое и чего она стоитъ, должна желать занять достойное ея положеніе, должна наконецъ быть глубоко увѣрена въ своей непогрѣшимости, что одинаково присуще всѣмъ принцамъ крови, и ставитъ ихъ въ собственныхъ глазахъ неизмѣримо выше обыкновенныхъ смертныхъ.

По изумительно-счастливой случайности почва оказывается какъ бы заранѣе для него подготовленной. Дитя, которое отдаютъ ему въ руки, и не воображаетъ, что можно признавать другую волю, кромѣ воли отца; она знаетъ, что ея собственная судьба будетъ всегда подчинена интересамъ дома и родины, что ей предназначено служить добавленіемъ къ какому-нибудь трактату, и воспитана такъ, что примирится безъ отвращенія, пожалуй даже безсознательно, со всякимъ мужемъ, какимъ бы ее ни наградила политика. Для такого назначенія ее и готовили съ самаго ранняго дѣтства. Ее учили множеству языковъ; нѣмецкому, англійскому, турецкому, богемскому, испанскому, итальянскому, французскому, даже латинскому, потому что никому не извѣстно, куда ее заброситъ судьба. Зато чѣмъ пространнѣе ея вокабулярій, чѣмъ

больше словъ знаетъ она для выраженія одной и той же мысли, тѣмъ меньше у нея самыхъ мыслей и тѣмъ онѣ блѣднѣе и уже, что опять-таки и требуется. Ее старались пріохотить къ изящнымъ искусствамъ; т. е. къ рисованію и музыкѣ, какъ къ занятіямъ приличнымъ и даже обязательнымъ для праздныхъ принцессъ гдѣ бы тѣ ни находились и куда бы ни попали. Религію ее учили понимать буквально, обязывая исполнять въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ религіозные обряды и формальности, но заботливо оберегая отъ догматическихъ преній, ибо можетъ случиться, что чаемый супругъ окажется по меньшей мѣрѣ раскольникомъ. По части нравовъ и понятія о цѣломудріи практиковалась система самой непроницаемой тайны: эрцгерцогиня не должна вовсе знать, что существуютъ въ природѣ созданія двухъ различныхъ половъ. Съ предосторожностями, сдѣлавшими бы честь самимъ казуистамъ великой испанской школы, для пущаго огражденія ея невинности отъ всякаго «тлетворнаго вліянія» прибѣгаютъ къ такимъ утонченно-нравственнымъ средствамъ, которыя подчасъ становятся чуть ли не непристойными. Въ птичникахъ только куры и хоть бы одинъ пѣтухъ, въ клѣткахъ—однѣ чижовки и не одного чижика, въ комнатахъ ни одного кобелька, а только сученки. По книгамъ (о, что это за жалкія книги!) безжалостно прошлись чьи-то ножницы, выхвативъ страницы, строки, даже отдѣльныя слова, а усердному цензору даже и въ голову не приходитъ, что надъ этими дырами еще усиленнѣе работаетъ воображеніе бѣдныхъ принцессъ. Правда гувернантка, а главное наставница или айя сдерживаютъ очень крѣпкой уздой полетъ непокорной мечты; она хозяйничаетъ въ комнатахъ, присутствуетъ на ихъ урокахъ, руководитъ играми, слѣдитъ за прислугой и учительницами. Ни днемъ, ни ночью не покидаетъ она своихъ питомицъ. Такъ какъ эта обязанность слыветъ за очень важную и имѣетъ отношеніе къ политикѣ, то съ каждымъ паденіемъ министровъ мѣняется и опекунша. У Маріи-Луизы за 18 лѣтъ ихъ перемѣнилось пять, но программа воспитанія начертана по такому точному и строгому масштабу, что ничуть не страдаетъ даже отъ этого, и среди подобныхъ перемѣнъ оно одно всегда остается неизмѣннымъ. Что до развлеченій, то допускаются только такія, которыя въ большомъ ходу въ монастыряхъ: какъ-то ходить за цвѣтами, выращивать птичекъ, изрѣдка позволяютъ порѣзвиться на травѣ съ дочерью гувернантки. Прогулки носятъ чисто семейный, интимный, очень мягкій, но черезъ-чуръ ужъ буржуазный отпечатокъ, въ сообществѣ со старыми дядями, занятыми музыкой или рисованіемъ. Ни туалетовъ, ни драгоцѣнныхъ украшеній, ни баловъ, ни участья

въ придворной жизни,—ничего такого не допускается, кромѣ рѣдкихъ поѣздокъ въ Діэтъ. Но что больше всего врѣзалось въ память Маріи Луизы, что ее больше всего развлекало—такъ это бѣгство передъ французскимъ вторженіемъ: тогда дисциплина теряла свою строгую правильность и ее не разъ освобождали отъ уроковъ.

Итакъ Наполеону отдаютъ не женщину, а настоящаго ребенка, воспитаннаго въ такихъ строгихъ правилахъ, въ такой однообразной и узкой обстановкѣ, въ сравненіи съ которыми всякая дисциплина покажется мягкой и слабой, а всякое развлеченіе—новымъ и занимательнымъ.

Но если воспитаніе до такой степени подавило въ ней всякую индивидуальность, можно ли ручаться за то, что со временемъ натура въ ней заявитъ наконецъ свои права? Разумѣется! Наполеонъ заранѣе составилъ себѣ планъ. Пансіонерка, которая ему достается просто на просто изъ своего монастыря въ Шенбруннѣ или Люксембургѣ, перейдетъ въ монастырь Тюльери или Сенъ-Клу; прибавится одинъ только мужъ. Останутся все тѣ же неизмѣнныя правила, та же строгость надзора, никакой свободы въ отношеніяхъ къ постороннимъ, безъ предварительной цензуры—ни единой книги для чтенія; никакихъ мужскихъ визитовъ, также не позволяется; айю замѣнитъ фрейлина, а 4 красныхъ женщины, на подобіе часовыхъ передъ лицомъ непріятеля, день и ночь будутъ дежурить у Императрицы—двѣ въ комнатахъ, а двѣ у дверей. Вокругъ нея оживетъ во всей полнотѣ старый придворный этикетъ временъ Людовика XIV, на который Людовикъ XV изъ равнодушія къ почестямъ, а Людовикъ XVI по слабости и небрежности давно ужъ махнули рукой; но тамъ, гдѣ его предшественники считали нужнымъ скрывать свое недовѣріе подъ видомъ традиціонныхъ почестей, предоставляя дамамъ высшаго общества слѣдить за королевою подъ законнымъ предлогомъ развлекать ее своимъ милымъ обществомъ, Наполеонъ дѣйствуетъ съ присущей ему почти безжалостной прямотой, окружая жену настоящими часовыми на военномъ положеніи, для чего и поручаетъ обязанности надзора за нею вдовамъ и сестрамъ самыхъ обыкновенныхъ солдатъ. Съ его стороны это вовсе не ревность, такъ какъ онъ еще совсѣмъ не знаетъ женщины, къ которой относятся его распоряженія, а простая осторожность и предусмотрительность. Недаромъ сказалъ онъ разъ въ государственномъ совѣтѣ:

«Для адюльтера достаточно одного дивана—и только». И онъ глубоко убѣжденъ, можетъ быть по личному опыту, что всякій tête à tête мужчины съ женщиной легко переходитъ въ преступную связь. При этомъ своемъ недовѣріи къ

женщинѣ вообще, ему должна нравиться система, принятая на востокѣ, и вотъ разъ ужъ ему нельзя запереть свою жену въ гаремъ, такъ какъ это на западѣ не принято, онъ замѣняетъ евнуховъ красными женщинами, а рѣшетки—этикетомъ; тюрьма остается все тою же, разница только въ названіи. Правда, устроивъ женѣ такую тюрьму, онъ намѣренъ доставлять ей тамъ всѣ матеріальныя удобства и развлеченія, какія только она пожелаетъ, и тѣмъ хуже для нея, если она пойметъ ихъ полнѣйшее сходство съ тѣми, которыя всякій султанъ доставляетъ своей любимой одалискѣ.

Живя въ Вѣнѣ Марія Луиза не имѣла никакого понятія объ элегантныхъ туалетахъ, дорогихъ кружевахъ, рѣдкихъ шаляхъ и роскошномъ бѣльѣ: здѣсь зато она будетъ имѣть, при условіи не пускать къ себѣ ни одного торговца и предоставить выборъ вещей своей придворной дамѣ, всѣ новѣйшія и наиболѣе цѣнныя произведенія французской промышленности. Онъ даетъ ей возможность предварительно вкусить этой роскоши съ помощью приданаго и свадебной корзинки, которыя посылаетъ ей, передъ свадьбой, лично осмотрѣвъ въ нихъ каждую вещь и приказавъ у себя на глазахъ увязать и запоковать и то, и другое.

Что до вещей, то ихъ такая масса! Тутъ двѣнадцать дюжинъ тонкихъ батистовыхъ рубашекъ, отдѣланныхъ валянсьеномъ и другими настоящими кружевами, стоимостью на 19,350 франковъ, тутъ и 24 дюжины платковъ на 10,704 франка, и 24 кофточки, за которыя заплачено 9,060 франковъ, 36 юбокъ на 6,354 франка, 24 ночныхъ чепчика на 5,652 франка, тутъ и головныя сѣтки, и ночныя косынки, и пеньюары, и утреннія косыночки, и платья (одно въ 5,000 франковъ все расшитое на рукахъ), тутъ и подушки для булавокъ, и утиральники, и туалетныя салфетки, все, до гардеробнаго бѣлья включительно. Одного бѣлья работы m-lle Лоливъ и Берри на 94,666 фр. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый ассортиментъ дорогихъ кружевныхъ издѣлій, стоимостью на 81,199 фр., (среди нихъ шаль изъ Алансонскаго кружева, стоящая 3200 франковъ, платье Англійскаго кружева въ 4,500 фр., другое въ 4,800 франковъ и третье въ 8,000 фр.). Послѣ нихъ 17 кашемировыхъ шалей цѣной въ 39,860 фр., 12 дюжинъ чулокъ, цѣною отъ 18 до 72 фр. пара, 60 паръ башмаковъ и полуботинокъ, сшитыхъ по присланной изъ Вѣны мѣркѣ, и всѣ до такой степени крошечные, что вертя и раскачивая ихъ въ рукахъ, Наполеонъ заявляетъ, будто уже одинъ такой размѣръ—самъ по себѣ превосходное предзнаменованіе.

Все изящество, всѣ рѣдкости, вся роскошь Парижа, того Парижа, что искони всему міру приписываетъ законы вкуса

и моды, все это Наполеонъ щедро разстилаетъ передъ нею; его свадебная корзина включаетъ въ себѣ на 411,736 фран. 24 сантима однѣхъ бездѣлушекъ; она будетъ ежегодно получать почти столько же, такъ какъ на одни туалеты ей ассигнуется ежемѣсячно по 30,000 фр., что составитъ 360.000 фр. въ годъ.

Въ Вѣнѣ она имѣла лишь кое-какія мизерныя украшенія, которыми побрезгала бы любая зажиточная парижская мѣщанка, какъ-то: волосяные браслеты, одну парюру изъ мелкаго жемчуга, другую изъ какихъ-то зеленыхъ пластинокъ—словомъ, все только жалкія украшенія настоящей раззоренной принцессы. Въ Парижѣ у нея будутъ такіе брилліанты, какихъ не имѣла еще ни одна государыня; одни 13 брилліантовъ, которыми осыпанъ портретъ Императора, стоятъ 600,000 фр., потомъ колье въ 900,000 франковъ, пара подвѣсокъ въ 400,000 фр., цѣлая парюра еще большей стоимости, состоящая изъ діадемы, гребенки, одной пары серегъ, двухряднаго ожерелья въ гнѣздообразной оправѣ и пояса,—при чемъ въ эту парюру вошло 2,257 брилліантовъ и 306 розъ! Сверхъ того она будетъ имѣть одну парюру изъ изумрудовъ и брилліантовъ въ 289,865 фр., одну изъ брилліантовъ съ опалами въ 275,953 фр. стоимостью, потомъ одну изъ рубиновъ и брилліантовъ и одну изъ бирюзы съ брилліантами, не считая брилліантовой парюры, поднесенной Государственнымъ казначействомъ и оцѣненной въ 3.325,724 фр.

Въ Австріи комнаты, въ которыхъ она помѣщалась, очень просто обставлены и весьма незатѣйливо убраны; зато теперь ее ждутъ во Франціи роскошные аппартаменты, за убранствомъ которыхъ наблюдалъ самъ Императоръ, устроивъ такъ, чтобы ничто въ нихъ не напоминало о прежней обитательницѣ; ея покои во всѣхъ дворцахъ, гдѣ бы ей ни вздумалось пожить, снабжены въ одинаковомъ изобиліи одними и тѣми же предметами повседневнаго обихода для того, чтобы предоставить ей всюду обстановку, вполнѣ отвѣчающую ея привычкамъ, и чтобы у нея подъ рукою всегда и во всякое время имѣлось все необходимое и все въ одинаковомъ видѣ. Самъ Императоръ руководитъ выборомъ вещей и расположеніемъ обстановки, чѣмъ до такой степени гордится, что всѣхъ и каждаго приглашаетъ взглянуть на отдѣланныя заново комнаты.

Въ Компьенѣ онъ опять же самъ съ гордостью показываетъ королевѣ Вестфальской роскошную уборную, всю обтянутую и обитую индійскимъ кашемиромъ, котораго ушло на нее на четыреста слишкомъ франковъ!

При воспитаніи гувернантки запрещали ей ѣсть много сладкаго находя, что сласти портятъ желудокъ; зная ее за такую

же лакомку какъ вообще всѣ Вѣнки, во всякое время готовыя жевать сладкіе пирожки и глотать свой неизбѣжный Caffè au lait,—онъ, чтобы ей угодить, мѣняетъ свой обѣденный уставъ, увеличивая въ немъ количество закусокъ, легкихъ блюдъ, конфектъ, печенья и предусмотрительно заказываетъ для нея цѣлый ассортиментъ пирожнаго.

Щедрая отъ природы, она ничѣмъ не могла до сихъ поръ одаривать своихъ близкихъ, кромѣ мелкихъ издѣлій собственнаго рукодѣлія. Теперь зато она можетъ засыпать подарками отца, братьевъ, сестеръ и мачиху, и всѣхъ своимъ близкихъ знакомыхъ, можетъ отсылать ежегодно къ себѣ на родину больше чѣмъ на двѣсти тысячъ франковъ разныхъ парижскихъ вещей, какъ-то платьевъ, фарфоровыхъ бездѣлушекъ, книгъ, несессеровъ, украшеній и мелкой мебели.

Онъ самъ въ этомъ отношеніи подаетъ тому примѣръ еще до ея пріѣзда во Францію. Она не можетъ сказать, любитъ или не любитъ театра, такъ какъ ее никогда не возили туда, но она не была бы дочерью своей страны и своего вѣка, если бы его не любила. Поэтому она будетъ наслаждаться, сколько и когда ей угодно, музыкой, комедіей, оперой, трагедіи и драмой, если захочетъ,—въ театрѣ вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, а если нѣтъ, такъ заставитъ актеровъ играть у себя во дворцѣ. Теперь еще что? Да все, чего ей ни захочется: собакъ, птицъ, учителей музыки, рисованія, рукодѣлія, всевозможные эстампы, любопытныя вещицы и рѣдкости Дюнкирхена, все это будетъ къ ея услугамъ, лишь бы она согласилась подчиниться строгостямъ гаремной дисциплины и помириться съ жизнью, во всемъ къ тому же похожей на ту, что она вела до сихъ поръ. Изъ этого новаго гарема она будетъ выходить лишь для того, чтобы присутствовать при торжественныхъ церемоніяхъ гражданскаго или церковнаго характера, на парадныхъ балахъ, спектакляхъ, собраніяхъ, охотахъ, и переѣзжая въ лѣтнее время изъ одной загородной резиденціи въ другую, показываться на улицахъ не иначе какъ съ подобающей пышностью, и фигурировать только въ торжественныхъ въѣздахъ и путешествіяхъ. Тамъ появится она высокомѣрная, горделивая, недоступная, какъ нѣкое священное высшее существо, въ своемъ величавомъ придворномъ одѣяніи, усыпанномъ алмазами, подъ блестящей охраной дамъ и офицеровъ своей многочисленной свиты, подобно кумиру благоговѣйно созерцаемая откуда-то снизу и издали несмѣтною толпою народа.

Такими то способами золотитъ онъ ей клѣтку и украшаетъ тюрьму, мечтая занять подобными погремушками этого взрослаго ребенка и тѣмъ удержать его при себѣ, заботливо устраняя малѣйшіе толки и неровности при переходѣ ея изъ

положенія плѣнной принцессы въ Шенбруннѣ къ положенію плѣнной Императрицы въ Парижѣ; такими то средствами думаетъ онъ гарантировать себя отъ измѣны жены и «поставить супругу Цезаря внѣ подозрѣній». И если онъ со всею строгостью придерживается своей программы, то дѣлаетъ это больше въ интересахъ своего будущаго потомства и въ качествѣ будущаго основателя новой династіи, а не только ради своего супружескаго спокойствія.

Женщина, которую онъ такимъ образомъ заточаетъ, имѣетъ въ его глазахъ свое спеціальное, даже можно сказать, единственное назначеніе—сдѣлаться матерью черезъ него. Она—та почва, которой суждено воспринять, питать и развить династическій зародышъ, и всѣ предосторожности сводятся только къ тому, чтобы какъ можно нагляднѣе доказать и себѣ и другимъ несомнѣнную законность происхожденія этого зародыша. И здѣсь Наполеонъ вовсе уже не такъ заблуждается, тѣмъ болѣе, что монархическая доктрина вся цѣликомъ на томъ только и держится. А что Марія Луиза должна сдѣлаться матерью, въ этомъ онъ не сомнѣвается. Его справки по этому предмету щеголяютъ замѣчательной точностью и мельчайшими подробностями. Помимо того, что сама она уже вполнѣ сформировалась, въ ея семьѣ есть много хорошихъ примѣровъ: у матери ея было тринадцать дѣтей, у бабушки семнадцать, у прабабушки цѣлыхъ двадцать шесть. Что до себя самого, такъ въ себѣ-то онъ увѣренъ, въ его активѣ уже имѣются подобнаго рода надежды и прежнее мучительное недовѣріе разсѣялось разъ навсегда. Такъ пусть предстанетъ предъ нимъ она, эта избранница, пусть поспѣшитъ, пусть же скорѣе на свѣтъ появится тотъ, кто упрочитъ за нимъ его тронъ, закрѣпитъ за родомъ его прочное политическое будущее, и наслѣдуетъ его безпримѣрную славу.

Но понравится ли ему эта женщина? Можетъ ли онъ ощущать къ ней физическое влеченіе, и если да, то въ какой степени? Изъ Вѣны ему прислали ея портретъ: это дѣвушка съ длинными бѣлокурыми волосами, раздѣленными на обѣ стороны въ видѣ двухъ нѣсколько спущенныхъ внизъ бандо, съ довольно высокимъ лбомъ, съ глазами цвѣта голубого фаянса, съ лицомъ, слегка изрытымъ оспою и покрытымъ красноватыми крапинками; носъ у нея чуть-чуть углубленъ при основаніи, губы толстыя, подбородокъ тяжелый и выдающійся, зубы бѣлые, далеко разставленные, растущія немного впередъ, шея красивая, но очень ужъ могучая, и потому грубоватая—точь въ точь какъ у какой-нибудь кормилицы; ея плечи широки и бѣлы, руки худыя съ крошечными кистями, ноги очаровательныя, ростомъ она слишкомъ велика для жен-

щины—**пяти** футовъ шести дюймовъ, только на четыре дюйма ниже его. Словомъ, это скорѣе красивая женщина, но безъ граціи, безъ гибкости, безъ обаянія. Все это, думаетъ онъ, пріобрѣтется со временемъ, также какъ изящество и непринужденность манеръ и пріемовъ. Къ тому же нѣкоторое высокомѣріе въ обращеніи не отталкиваетъ, а скорѣе привлекаетъ его, такъ какъ онъ видитъ въ немъ нѣчто царственное. На что онъ смотритъ прежде всего, такъ это на то, чтобы она всѣмъ казалась членомъ той высокой семьи, изъ которой происходитъ. Когда Леженъ, адъютантъ Бертье, пріѣзжаетъ въ Кампьень, нѣсколькими днями опередивъ Императрицу, Наполеонъ приказываетъ принести себѣ полученный изъ Вѣны портретъ и подробно разспрашиваетъ Лежена, который по счастью оказался столько-же солдатомъ, сколько художникомъ; при самомъ подробномъ словесномъ описаніи онъ показываетъ Наполеону нарисованный имъ самимъ ея профиль, при видѣ котораго Императоръ умиляется:

«А, вотъ уже настоящія австрійскія губы!» говоритъ онъ. И, вынувъ изъ лежащаго на столѣ свертка нѣсколько медальоновъ съ портретами Габсбургскаго дома, онъ сравниваетъ ихъ съ этимъ профилемъ и восторгается фамильнымъ сходствомъ. Вотъ она та жена, о которой онъ такъ давно мечтаетъ! Вотъ она, настоящая Императрица! И теперь, когда торгъ заключенъ и исполненіе его сокровенныхъ желаній такъ близко и такъ очевидно, онъ теряетъ душевное равновѣсіе и весь трепещетъ отъ нетерпѣливаго желанія поскорѣе осуществить свою завѣтную мечту. Тщетно силясь отогнать прочь свои назойливыя думы, онъ дѣлаетъ ежедневно по десяти-пятнадцати лье на охотѣ съ борзыми; онъ торопитъ приготовленіями къ предстоящему пріему Маріи-Луизы; когда въ Луврѣ при устройствѣ временной часовни въ Большой залѣ дворца ему заявляютъ, что не знаютъ, куда перевѣсить оттуда пока-что висящія на стѣнахъ огромныя картины, онъ нетерпѣливо возражаетъ: «Ну что же, остается только сжечь ихъ!» Къ довершенію всего онъ заботится о томъ, чтобы произвести на невѣсту болѣе выгодное впечатлѣніе, и для этого заказываетъ себѣ у портного богато расшитое золотомъ придворное платье, стѣсняющее его до такой степени, что въ концѣ-концовъ онъ все-таки отказывается его носить; онъ посылаетъ за новымъ сапожникомъ и заказываетъ ему сапоги болѣе тонкіе, легкіе и изящные, нежели тѣ, къ которымъ такъ привыкъ; онъ пробуетъ научиться вальсировать, но отъ этого его каждый разъ начинаетъ немилосердно тошнить. Все это такъ ново и странно въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ, что не даромъ Катерина Вестфальская пишетъ въ то время своему отцу: «Это

такого рода вещи, которыхъ ни я, ни вы не могли бы представить себѣ».

По мѣрѣ того, какъ поѣздъ Императрицы слѣдуетъ черезъ Германію, Францію и приближается къ Парижу, его нетерпѣніе растетъ и растетъ. Онъ хочетъ поскорѣе взять эту женщину, пожалуй даже не столько женщину, сколько то, что она изъ себя представляетъ, какъ величина политическая. Въ каждомъ городѣ слѣдуя его росписанію, гдѣ минута въ минуту обозначено время и продолжительность всѣхъ ея остановокъ, Марія Луиза послушно останавливается; онъ шлетъ туда къ ней камергеровъ, шталмейстеровъ и пажей съ письмами, цвѣтами и съ собственноручно настрѣлянной дичью, а оттуда съ нетерпѣніемъ ждетъ писемъ отъ нея, отъ Бертье, отъ сестры Каролины, которая везетъ ему жену, отъ ея шталмейстеровъ, и дамъ, сопровождающихъ Каролину, отъ префектовъ тѣхъ городовъ, гдѣ назначены остановки; если бы только это было возможно, онъ обратился бы за справками къ пажамъ, лакеямъ и гонцамъ. Въ концѣ-концовъ онъ не выдерживаетъ. Марія Луиза ночуетъ въ Витри 26 марта, 27-го должна быть въ Суассонѣ и только на 28-ое назначено торжественное свиданіе.

Церемоніалъ его давно опубликованъ. Павильонъ, долженствующій служить согласно росписанію мѣстомъ встрѣчи супружеской четы, выстроенъ, отдѣланъ и разукрашенъ, войска разставлены въ указанномъ порядкѣ, обѣды приготовлены, города въ ожиданіи. Ну что жъ, и пусть! 27-го утромъ онъ ѣдетъ въ Кампьень въ сопровожденіи Мюрата, одинъ, безъ конвоя, безъ свиты, подъ проливнымъ дождемъ. Подъ портиками Курсельской церкви путники останавливаются и ждутъ.

Вотъ показывается большая запряженная восьмеркой берлинка и останавливается, чтобы перемѣнить лошадей. Наполеонъ приближается, дежурный конюхъ о немъ докладываетъ; Каролина называетъ его по имени, опускаютъ подножку. Императоръ, промокшій до послѣдней нитки, бросается въ карету. Ѣдутъ впередъ, минуя деревни и села, гдѣ мэры стоятъ на вытяжкѣ съ приготовленной рѣчью въ рукахъ; минуютъ убранные по праздничному города, гдѣ стынутъ обѣды, великолѣпные обѣды, заказанные самимъ Боссэ; нигдѣ не закусивъ, натощакъ, въ 9 час. вечера пріѣзжаютъ въ Кампьень. Императоръ въ нетерпѣніи сокращаетъ рѣчи, представленія и привѣтствія и уводитъ Марію Луизу въ небольшое внутреннее помѣщеніе. Тамъ ей приходится вспомнить мудрое наставленіе, данное ей отцомъ передъ самымъ отъѣздомъ: «отдать себя въ полное распоряженіе мужу и во всемъ ему повиноваться». На другой день въ 12 часовъ Наполеонъ приказы-

ваетъ дежурнымъ горничнымъ жены приготовить ему завтракъ у постели Императрицы, а въ тотъ же день говоритъ одному изъ генераловъ: «Милый мой, женитесь на нѣмкѣ, это лучшія женщины въ мірѣ: кроткія, добрыя, наивныя и свѣжія, какъ розы». Подумалъ ли онъ хоть минуту о томъ, что всѣмъ покажется смѣшнымъ и страннымъ его слишкомъ серьезное отношеніе къ этому браку, очевидно устроенному въ силу чисто-политическихъ соображеній, а главное то обстоятельство, что онъ не подождалъ предъявить свои права супруга не только до окончанія, но даже до начала церемоній, долженствующихъ состояться на дняхъ. На этотъ случай, положимъ, у него уже готово объясненіе: «Генрихъ IV», говоритъ онъ, «поступилъ точно также», и этого довольно.

«Я не боюсь Наполеона», говоритъ Меттерниху Марія-Луиза всего три мѣсяца спустя послѣ свадьбы, «но начинаю думать, что онъ меня боится». Ужели трехъ мѣсяцевъ оказалось достаточнымъ, чтобы разсѣять ту ужасающую тревогу, которая охватила ее въ Вѣнѣ и Кампьенѣ съ такой силой, что нарушила даже на время обычную правильность ея физическихъ отправленій.

Неужели роли такъ скоро перемѣнились? Но какъ допустить нѣчто подобное? Онъ могъ бояться ея, той самой 18-тилѣтней дѣвченки, съ которой обошелся съ такой чисто-гусарской безцеремонностью, взявъ ее въ первый же вечеръ, какъ только она пріѣхала, вопреки требованіямъ, какъ гражданскаго, такъ и церковнаго уставовъ? Положимъ онъ дѣйствовалъ тутъ подъ вліяніемъ властнаго импульса, а его излишняя развязность, несомнѣнно, происходила тогда отъ желанія скрыть подъ нею глубокое внутреннее смущеніе, обычное слѣдствіе мучительной природной застѣнчивости. Во всякомъ случаѣ, въ Маріи-Луизѣ его привлекала не столько женщина, сколько принцесса крови и родоначальница его династіи! Чувственность играла довольно незначительную роль въ его нетерпѣніи, и это нетерпѣніе подогрѣвалось исключительно тщеславіемъ и упорствомъ. Имѣть эту женщину казалось когда-то ему невозможнымъ, неисполнимымъ, немыслимымъ, и вотъ почему онъ овладѣлъ ею тотчасъ же, какъ только увидѣлъ ее въ своихъ рукахъ, будто боялся, какъ бы она отъ него не ускользнула. Точно также поступилъ онъ когда-то въ Каирѣ и въ Варшавѣ при совершенно иныхъ условіяхъ, гдѣ дѣло шло далеко не о такомъ важномъ вопросѣ, какъ подобнаго рода бракъ, и гдѣ желаніе было лишь чисто физическое.

Почти тотчасъ же, однако, наступаетъ реакція. Женщина, такъ грубо имъ взятая, овладѣваетъ имъ въ свою очередь. Чувственность, не игравшая сперва почти никакой роли, те-

перь властно господствуетъ надъ Бонапартомъ; онъ хочетъ быть любимымъ, боится не быть или скорѣе не казаться имъ. Теперь онъ уже не довольствуется тѣломъ, которое покорилъ и удержалъ за собою, онъ хочетъ поработить ея сердце и умъ, завладѣть ея дѣтской душою хочетъ въ особенности, чтобы женщина эта вездѣ и вовсеуслышаніе заявляла, что счастлива благодаря ему и съ нимъ. Однажды утромъ въ Тюльери онъ призываетъ Меттерниха и запираетъ его съ глазу на глазъ съ Императрицей. Черезъ часъ онъ отворяетъ дверь и хохочетъ. «Ну что», говоритъ онъ шутя, «вдоволь натолковались?» Много-ли дурного наговорила вамъ обо мнѣ Императрица? Плакала она или смѣялась? Я не требую отъ васъ отчета. Это уже ея и ваши секреты», говоритъ онъ, что не мѣшаетъ ему, однако, на другой же день приступить къ Меттерниху съ тѣми же вопросами, и когда тотъ отказывается отвѣчать, ссылаясь на собственныя слова Императора, онъ говоритъ: «Императрица ни на что не можетъ пожаловаться; я надѣюсь, что вы доведете это до свѣдѣнія вашего Императора и онъ повѣритъ вамъ больше, чѣмъ другимъ».

На самомъ же дѣлѣ выбирая себѣ такимъ образомъ подобныхъ свидѣтелей и тѣмъ измѣняя до нѣкоторой степени установленной программѣ затворнической жизни Императрицы, онъ надѣется успокоить этимъ не Императора Франца-Іосифа а себя самого; онъ хочетъ убѣдиться воочію въ томъ, что жена отдалась ему вся добровольно, что въ ней нѣтъ лукавства, нѣтъ задней мысли, что ей нравится та, по его словамъ, буржуазная жизнь, которую онъ заставляетъ ее вести, и что слѣдовательно близъ нея онъ найдетъ то семейное счастье, котораго такъ долго и тщетно добивался. А между тѣмъ эта женщина съ дѣтскаго возраста испытывала и раздѣляла непріязнь къ нему своихъ близкихъ и окружающихъ. Ея «maman» разсказывала, когда ей было только шесть лѣтъ, что «г-нъ Бонапартъ, Корсиканецъ, дезертировалъ, убѣжалъ изъ Египта, и что онъ сдѣлался туркомъ». Она совершенно искренно вѣрила, что онъ билъ своихъ министровъ, даже собственными руками убилъ двухъ генераловъ. Не дальше какъ за годъ до ея замужества, которому непосредственно предшествовали тяжкіе дни, видѣвшіе Экмуль, осажденную Вѣну, Эсслингъ и Варгамъ, въ послѣдній по ея расчету годъ существованія вселенной, когда она считала и искренно вѣрила, что Наполеонъ никто другой, какъ Антихристъ собственной персоной,—«гнѣвъ пожиралъ бы меня», писала она послѣ Цнайма, «если бы мнѣ пришлось обѣдать хотя съ однимъ изъ его маршаловъ». Когда состоялся разводъ съ Жозефиной, она вовсе и не допускала мысли, чтобы вопросъ могъ быть о ней.

«Папа», говорила она, «слишкомъ добръ, чтобы принуждать меня въ такомъ важномъ дѣлѣ», и жалѣла при этомъ ту бѣдную принцессу, которую онъ себѣ выберетъ, будучи твердо увѣрена, что ей-то уже во всякомъ случаѣ не предстоитъ печальная участь сдѣлаться жертвой политики. Когда проэктъ ея замужества вполнѣ опредѣлился, она пишетъ одной подругѣ своего дѣтства: «молитесь за меня!» и прибавляетъ: «я готова пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ для блага государства». Спросили ея мнѣнія, но лишь для проформы. У эрцгерцогинь нѣтъ другихъ мнѣній, кромѣ отцовскихъ. Она покорилась, но отъ этого Наполеонъ нисколько не выигралъ въ ея взглядахъ и по прежнему представлялся ея воображенію чѣмъ-то вродѣ сказочнаго людоѣда. Вѣдь подумать только: столпъ революціи, человѣкъ подрядъ четыре года терзавшій и раззорявшій ея страну, принудившій ея отца, самого Императора, «Его Августѣйшее Императорское Величество», итти въ какой-то свой бивуакъ и по-нищенски клянчить о мирѣ! Всѣ оскорбленныя чувства аристократки и патріотки, принцессы и дочери, все, что есть только святого въ душѣ человѣка, все, чѣмъ больше всего дорожитъ ея гордость природной аристократки,—все одинаково принуждаетъ ее ненавидѣть его. Но тотчасъ-же послѣ ея замужества довольно трудно опредѣлить, думаетъ-ли еще она объ этомъ, до того полученное ею воспитаніе сдѣлало ее похожей на автомата, до того мало идей вмѣщаетъ въ себѣ ея голова, до того узокъ ея умственный кругозоръ и наконецъ до такой степени ея пробудившійся съ первыхъ дней темпераментъ перевѣшиваетъ въ ней все остальное. Спрашивается, не былъ-ли Наполеонъ вправѣ думать, какъ это видимо и было, что если Марія-Луиза и испытывала нѣкогда извѣстное отвращеніе къ браку, то лишь чисто физически. Неужели-же все прошлое смыто и, сглажено для этой эрцгерцогини тѣмъ только фактомъ, что она физически стала женою своего прежняго врага и что мужъ, опять таки физически оказался въ ея вкусѣ? Кто знаетъ! Какъ ни неправдоподобна повидимому такого рода вещь, съ Маріей-Луизой она болѣе чѣмъ возможна. Наполеонъ съ своей стороны прилагаетъ всѣ старанія, чтобы доказать ей, что онъ вѣрный супругъ и намѣренъ остаться такимъ навсегда. Еще съ первыхъ дней консульства онъ пересталъ спать въ одной комнатѣ съ Жозефиной подъ предлогомъ своихъ занятій и работы, въ дѣйствительности же для того чтобы отвоевать себѣ полную свободу. Если Марія-Луиза потребуетъ, онъ готовъ поступиться для нея этой свободой, такъ какъ, говоритъ онъ: «Въ этомъ истинное назначеніе и неотъемлемое право каждой женщины». Но тогда, какъ онъ зябкій и изнѣ-

женный заставляетъ топить свои комнаты лѣтомъ почти такъ-же какъ зимою,—она сурово воспитанная и привыкшая къ леденящему холоду огромныхъ окружающихъ Вѣну дворцовъ совсѣмъ не выноситъ жары. Часто съ нѣжностью юнаго и пылкаго мужа онъ говоритъ ей: «Луиза, лягъ у меня», а она съ своимъ рѣзкимъ германскимъ акцентомъ отвѣчаетъ:—Тамъ слишкомъ жарко».

Когда, являясь на половину жены, онъ приказываетъ затопить каминъ, Императрица, входя къ себѣ послѣ этого, велитъ немедленно потушить огонь, а такъ какъ «Ея Величество—у себя», то красныя женщины повинуются, а Императоръ зябнетъ и уходитъ на свою половину.

Уже это одно могло бы облегчить измѣну, еслибы ему вздумалось измѣнять, но онъ и не помышляетъ объ этомъ, а если и помышляетъ, то прячетъ эти незаконные помыслы подальше отъ постороннихъ глазъ, какъ должникъ, боящійся банкротства. Въ 1811 году онъ несомнѣнно обращаетъ особое вниманіе на княгиню Альдобрандини-Боргезе, урожденную m-lle де-ля-Рошефуко, которую онъ при выходѣ ея замужъ за beau-frere'a Полины наградилъ приданымъ въ 800.000 франковъ и только что назначилъ въ придворныя дамы; но здѣсь его просто привлекаетъ молодость и поражаетъ необычайная красота молодой дѣвушки. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо думать. Точно также, повидимому, не было у него ничего предосудительнаго съ герцогиней Монтебелло, статсъ-дамой Императрицы, а между тѣмъ по этому поводу въ частныхъ кружкахъ говорилось и писалось много скандалезнаго, но ничто такъ плохо не обосновано, какъ подобные слухи, да и онъ, повидимому, былъ далеко не во вкусѣ герцогини. Если что онъ и позволяетъ себѣ по временамъ, то эти приключенія до того заботливо и искусно скрываются, что о нихъ никто ничего не толкуетъ, ибо они никому не извѣстны. Такъ во время его путешествія по Нормандіи есть одна встрѣча—да и первая-ли?—съ m-me Пеллярпа, женой генеральнаго сборщика податей въ Кальвадосѣ.

Въ Сенъ-Клу еще приключеніе съ нѣкоей Лизой Б..., чѣмъ то вродѣ прежнихъ лектрисъ, молоденькой дѣвочкой воспитанной матерью спеціально для этого и постигшей, такъ сказать, все, чего требуетъ онъ нея такое назначеніе, какъ-то: музыку, пѣніе, танцы и прочія пріятныя вещи. Мать замужемъ вторымъ бракомъ за эскадроннымъ командиромъ и адъютантомъ при губернаторѣ Сенъ-Клу, генералѣ Луазонѣ, и въ качествѣ таковой была допущена ко Двору, хотя и не жила во дворцѣ. Благодаря этому обстоятельству ей удалось навязать свою дочь Императору въ надеждѣ добыть этимъ

путемъ большое приданое, а главное устроить черезъ нее блестящую карьеру своему второму мужу. Замѣтивъ дѣвушку, Императоръ приказываетъ отыскать и привести ее къ себѣ, послѣ чего посылаетъ за нею еще три—четыре раза; и кончено. «Посмотрите на мою бѣдняжку Лизу», твердитъ ему мамаша, какой у нея лихорадочный цвѣтъ лица! Это все отъ огорченія, что ее бросили! Милая дѣвочка! какъ бы Вы были добры, если-бы захотѣли позвать ее еще разъ. «Но Наполеонъ ни за что на свѣтѣ не желаетъ затѣвать болѣе или менѣе серьезной связи, и, несмотря но страстные взгляды, бросаемые на него дѣвушкой за обѣдней въ капеллѣ Сенъ-Клу, онъ стойко выдерживаетъ характеръ; хотя,—какъ знать,—та можетъ быть дѣйствительно любила его? Но, Боже мой, ей-ли бѣднягѣ тягаться съ «эрцгерцогиней»!

Его супружеская вѣрность до того очевидна и щепетильна, что теперь онъ готовъ показать, да и показываетъ первому встрѣчному таинственное антресольное помѣщеніе въ Кампьенѣ, гдѣ потайная дверь вела къ узкой и темной лѣстницѣ, сообщающейся второй такой-же дверью съ длиннымъ корридоромъ, куда выходили всѣ комнаты придворныхъ дамъ и откуда когда-то являлись къ нему добровольныя посѣтительницы.

Онъ дѣлаетъ лучше: зная или воображая, что Марія-Луиза опечалится, если узнаетъ о его визитахъ въ Мальмезонъ или на улицу Victoire, онъ облекаетъ послѣдніе въ такую непроницаемую таинственность, что ни единая душа не подозрѣваетъ о нихъ; что-же касается первыхъ, то хотя они изъ года въ годъ становятся рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ Жозефина все больше и больше возбуждаетъ его неудовольствіе своимъ безолабернымъ поведеніемъ, то ихъ онъ также содержитъ въ секретѣ и не пропускаетъ случая напомнить посвященнымъ въ это дѣло офицерамъ никому не заикаться о нихъ. «Это», говоритъ онъ, «огорчило бы мою жену».

Года (ему уже перевалило за сорокъ) отчасти умѣрили въ немъ его прежнюю пылкость, къ тому-же молоденькая жена съ своей свѣжей кожей, молочно-бѣлымъ тѣломъ, съ своей наивной влюбленностью истинной Вѣнки очень нравится ему физически, «черезчуръ уже сильно», говоритъ Корвизаръ. Такимъ образомъ, его вѣрность вполнѣ объяснима;—но онъ измѣняетъ всю свою жизнь—вотъ гдѣ загадка!

Его бѣдное одинокое и грустное дѣтство надолго оставило въ немъ скрытое подавленное влеченіе къ шалостямъ, играмъ школьническимъ выходкамъ, бурному, такъ сказать, активному веселью и экспансивности. Въ этомъ отношеніи онъ едвали уступаетъ 18-тилѣтней Маріи-Луизѣ: онъ больше ея на-

поминаетъ ребенка своей удивительной страстью къ школьнымъ забавамъ.

Вотъ онъ гоняется за нею верхомъ на лошади по лужайкамъ Сенъ-Клу, вдругъ лошадь споткнулась, всадникъ летитъ черезъ голову и подымаясь кричитъ «берегись»! Или появится на сцену бѣганье взапуски, какъ прежде въ Мальборнѣ-игры въ мячъ или жмурки. Соглашаясь вполнѣ подчиниться предписанному имъ монастырскому режиму, она потребовала отъ него одной уступки, а именно разрѣшенія ѣздить верхомъ; это самое дѣлали обыкновенно и раньше всѣ принцессы Лотарингскаго дома, когда освобождались изъ-подъ материнской опеки. Марія Антуанета въ свое время поступила точно также, не взирая, какъ извѣстно, на строгіе выговоры Маріи-Терезіи. Наполеонъ однако ни за что не хочетъ допустить кого-либо другого сдѣлаться ея учителемъ верховой ѣзды; поэтому онъ самъ помогаетъ Императрицѣ усѣсться на сѣдлѣ и, держа лошадь подъ уздцы, бѣжитъ рядомъ съ нею.

Когда же ученица начинаетъ чувствовать себя болѣе или менѣе въ своей тарелкѣ, каждое утро послѣ завтрака ему приводятъ лошадь, онъ вскакиваетъ на нее, не успѣвая продѣть ноги въ стремена, галопируетъ рядомъ съ женой по широкой аллеѣ, гдѣ черезъ каждые десять шаговъ стоятъ конюхи для предупрежденія паденій и другихъ случайностей, при чемъ время отъ времени, онъ дразнитъ лошадей, чтобы заставить ихъ быстрѣе бѣжать, забавляясь ея испугомъ и криками и падая самъ чаще, чѣмъ пожалуй желалъ бы. По вечерамъ въ интимномъ кружкѣ онъ пропагандируетъ разныя игры, которыя благодаря ему въ то время особенно процвѣтаютъ какъ то: «Лѣсной хорекъ», «Скрещенныя ножницы», «Жмурки», игры въ фанты во всѣхъ формахъ и видахъ, о которыхъ въ то время писались цѣлыя книги; однако хотя онъ и играетъ въ фанты наравнѣ со всѣми, но, не отличаясь терпѣньемъ, часто отказывается изображать изъ себя ради прихоти дамъ то «мостъ любви», то «коня Аристотеля», то «Мароккскаго короля», то «монастырскаго привратника.» И всегда—хочетъ ли она рисовать его профиль, онъ послушно позируетъ ей, тогда какъ ни разу не дѣлалъ того-же ни для одного художника. Садится-ли она за фортепьяно и играетъ ему совсѣмъ по-нѣмецки скучнѣйшія сонаты, малодоступныя его музыкальному пониманію и вкусу, показываетъ ли ему свои работы, вышивки, поясъ, который вышиваетъ для него скорѣе не она, а ея учительница рукодѣлія. m-me Руссо, чтобы словомъ ни дѣлала она, онъ вѣчно съ нею, внимательный, нѣжный, поглощенный весь ею; онъ старается развлечь и раз-

веселить «свою добрую Луизу-Марію. Своимъ буржуазнымъ обращеніемъ съ нею, и вѣчнымъ фамильярнымъ «ты», онъ приводитъ въ изумленіе свой теперь уже чопорный Дворъ, гдѣ мужья изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья остерегаются называть на ты своихъ женъ. Марію Луизу-же эти привычки совсѣмъ не шокируютъ. Она скоро съ ними освоивается, даже перенимаетъ ихъ, называя мужа на ты, давая дружескія прозвища своимъ эоловкамъ и величая свекровь «maman», но все это при томъ однако условіи, чтобы мужъ не покидалъ ея вовсе и былъ бы во всякое время къ ея услугамъ. И онъ покоряется. Онъ, который до сего времени распредѣлялъ свою частную жизнь сообразно съ собственными занятіями, бываетъ вынужденъ согласовать и подчинять свою дорогую работу и часто даже жертвовать ею вкусамъ, желаньямъ, подчасъ даже просто капризамъ жены! Онъ привыкъ завтракать одинъ на-скорую руку, гдѣ-нибудь на уголкѣ стола, и то не всякій день, а лишь тогда, когда его дѣла позволяли ему думать объ этомъ. Теперь-же, по крайней мѣрѣ въ теченіе 1810 и 1811 годовъ (послѣ онъ уже нѣсколько освободился отъ этого), ему приходится выдерживать ежедневно въ опредѣленный часъ въ обществѣ жены длиннѣйшій завтракъ, на который подаютъ зелень, три рода закусокъ, жаркое, два entre-mets. два дополнительныхъ блюда. обильный десертъ,— и все это вмѣсто обычныхъ четырехъ блюдъ, которыя онъ получалъ до сихъ поръ.

Во время путешествій (а ихъ съ 1810 по 1812 годъ было цѣлыхъ пять въ Нормандію, Бельгію, Голландію, по Рейну и въ Дрезденъ)—не она, какъ бывало Жозефина, ждетъ Императора, а онъ самъ ее дожидается. Она никогда не бываетъ готова во время ни на охоты, ни на пріемы, ни на спектакли, и онъ терпѣливо ждетъ ея выхода, выражая свое нетерпѣніе, какъ это было разъ въ Фонтенебло, ударами трости по песку двора и напѣвая при этомъ что-то въ полголоса.

Она ни на минуту не отпускаетъ его отъ себя, и онъ даже не пытается сопротивляться, какъ бы ни было ему необходимо, напримѣръ, поѣхать въ Испанію и самому принять начальство надъ арміей. На охотѣ онъ любилъ прежде долгіе переѣзды, скачки съ препятствіями, бѣшеную ѣзду во весь опоръ, отъ которой захватывало бы дыханіе и которая послѣ долгой, усидчивой работы бодрила ему нервы и усиливала кровообращеніе. Теперь, такъ какъ она намѣрена сопровождать его на всѣ охоты не желая въ тоже время измѣнять обычнаго порядка дня, и настаивая на возвращеніи домой къ обѣдамъ и завтракамъ, что для нея составляетъ вопросъ существенной важности, онъ уже не охотится больше по старому,—а про-

сто гуляетъ себѣ, наблюдая за тѣмъ, чтобы коляски могли поспѣвать за нимъ, и заботясь о томъ, чтобы вернуться домой, пока обѣдъ не простынетъ. Онъ не только вѣрный, но и галантный, влюбленный мужъ, ищущій случая сдѣлать любимой женѣ что-либо пріятное. Что онъ съ нею щедръ, что онъ даритъ ей на новый годъ парюру изъ Бразильскихъ рубиновъ цѣною въ 400,000 франковъ, тогда какъ она готова была довольствоваться гораздо болѣе скромной, всего въ 46,000 франковъ, что затѣмъ послѣ родовъ онъ подноситъ ей знаменитое жемчужное колье въ 8 нитокъ, содержащее 816 жемчужинъ и стоющее 500,000 франковъ, которое потомъ украдутъ у нея въ Блуа, что онъ не скупится, такъ это не удивительно и только подобаетъ ему, какъ Императору. Но что, дѣйствительно, заставляетъ видѣть въ Императорѣ и мужѣ—влюбленнаго, такъ это браслеты съ датами и именами изъ брилліантовъ и самоцвѣтныхъ камней бонбоньерки и медальоны, на которыхъ Наполеонъ всегда ухитряется помѣстить свое изображеніе въ томъ или другомъ видѣ. Да и она тоже съ своей стороны развѣ не заявляетъ о своей любви къ нему, хотя бы тогда, напримѣръ, когда въ Ниццѣ приказываетъ окружить свой портретъ мелкимъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, такимъ образомъ, чтобы эти камни составляли бы фразу: «Луиза. Я люблю тебя» и кладетъ медальонъ на его письменный столъ.

Если бы онъ не любилъ ея такъ, какъ любитъ, онъ не относился бы съ такой щепетильной строгостью къ каждой журнальной фразѣ, ко всякимъ стихамъ, гдѣ авторъ рисуетъ его въ видѣ влюбленнаго пастушка». Стоитъ ему встрѣтить, хоть одно печатное слово, за которымъ чудится ему вторженіе въ его самыя интимныя чувства—и къ министру полиціи тотчасъ летитъ письмо, гдѣ онъ, не оспаривая того, что любитъ, запрещаетъ, чтобы объ этомъ говорилось публично. Чтобы нравственно привлечь къ себѣ жену, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ выражаетъ свое вниманіе ея семьѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ ежеминутно получаетъ отъ него подарки, книги, гравюры. За одинъ разъ послѣ Дрезденскаго свиданья, за которое Австрійская Императрица успѣла буквально опустошить гардеробъ своей падчерицы, Наполеонъ отсылаетъ на свой счетъ своей новой семьѣ 8 несессеровъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ 28,000 фр., а два другихъ оправлены въ золото, кромѣ того девять шалей, тридцать одно платье и 26 полныхъ туалетовъ и 36 шляпъ въ видѣ токовъ и касокъ, при чемъ общая стоимость означенныхъ предметовъ достигаетъ 122,642 фр. 70 сант. Еще лучшимъ доказательствомъ его любви къ женѣ служитъ то обстоятельство, что онъ, какъ ни ревнуетъ все-таки не осмѣ-

ливается бранить ее. А между тѣмъ его недовѣріе къ женщинѣ вообще осталось такимъ же, какъ прежде, несмотря на то, что прошло уже довольно много времени, и онъ успѣлъ убѣдиться въ томъ, что любимъ, несмотря на предосторожности, которыми ограждена его супружеская безопасность и изъ которыхъ онъ до сихъ поръ не пренебрегъ ни одною; и вотъ доказательство этому: когда въ виду неизбѣжной войны съ Россіей, онъ принужденъ разстаться съ женою, то съ каждымъ курьеромъ получаетъ подробныя донесенія съ очень точнымъ изложеніемъ прогулокъ, ею предпринятыхъ, визитовъ, которые ей случалось принять, а также того, какъ и гдѣ она проводитъ вечера: и эти донесенія составляетъ подчиненная, простая, малограмотная женщина, выводящая свои неуклюжія посланія на толстой сѣрой бумагѣ, гдѣ вмѣсто Вилль-д'Аври стоитъ въ видѣ вольнаго сокращенія какой-то Вильдавръ и гдѣ около часто—бесформенныхъ каракуль Императоръ, педантичный во всемъ, что касается чьихъ-либо донесеній, собственною рукою ставитъ вопросительные и восклицательные знаки. Тутъ онъ сказался весь—и не столько, какъ ревнивецъ, сколько какъ пылкій влюбленный, вѣчно занятый мыслью о дорогомъ существѣ.

А между тѣмъ когда что-нибудь въ поведеніи жены ему не нравится, онъ себя сдерживаетъ и, не отваживаясь сказать ей это въ лицо, старается найти посредника, который передалъ бы ей его жалобы. Такъ, гуляя разъ по парку въ Сенъ-Клу съ m-me Монтебелло, Императрица позволила герцогинѣ представить себѣ одного ея родственника съ которымъ послѣ того разговаривала. На другой день послѣ этого происшествія Императоръ задерживаетъ у себя Австрійскаго посланника, разсказываетъ ему всю исторію, и такъ какъ Меттернихъ извиняется, что не понимаетъ, куда клонится вся эта окровенность, Наполеонъ говоритъ: «Дѣло въ томъ, что я желаю, чтобы вы поговорили объ этомъ дѣлѣ съ Императрицей», когда же тотъ отказывается, онъ настаиваетъ. «Императрица молода», убѣждаетъ онъ, «и можетъ подумать, что я хочу состроить изъ себя мужа-брюзгу. То, что вы ей скажете, произведетъ на нее большее впечатлѣніе, чѣмъ-то, что я могъ бы сказать ей?»

Могущество, то самое могущество, въ которомъ онъ съ такой упорною страстностью отказывалъ Жозефинѣ, что при первомъ намекѣ ея на возможность ея значенія въ политикѣ, оборвалъ ее самымъ рѣзкимъ и беззастѣнчивымъ образомъ; могущество, къ которому Наполеонъ относился до того ревниво, что ни самымъ почтеннымъ изъ своихъ совѣтниковъ, ни братьямъ, ни, словомъ, кому бы то ни было не согласился

бы уступить, хотя часть, хотя призракъ его. Въ 1813 году, т. е. въ самые опасные для Имперіи дни, онъ раздѣляетъ съ женою, торжественно провозглашая Марію-Луизу Регентшею Имперіи, подумать вѣдь только: она—Императрица, Королева и Регентша вмѣстѣ! Несомнѣнно, что это значеніе, эта сила скорѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, несомнѣнно, также, что никакое важное рѣшеніе не должно и не можетъ быть принято внѣ его вмѣшательства; въ Россіи его охватило жгучее сознаніе близости своего крушенія, сознаніе, что онъ могъ бы тамъ остаться, умереть, попасться въ плѣнъ, это-то прежде всего и заставило его, рискуя пожалуй еще чѣмъ-нибудь большимъ, рѣшиться утвердить насколько возможно за сыномъ корону Имперіи на случай, если его не станетъ; но и этого оказалось недостаточно,—ему надлежало еще обездолить себя—и онъ это сдѣлалъ!..

Съ этихъ поръ декреты издаются Императрицей отъ имени Императора; она-же даруетъ милости, утверждаетъ назначенія, обнародываетъ прокламаціи. Теперь конецъ бюллетенямъ, гдѣ съ 1800 года повелитель извѣщалъ о своихъ побѣдахъ, самъ комментировалъ ихъ, распредѣлялъ ихъ славу между собою и своими сподвижниками и отдавалъ народу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Отнынѣ: «Ея Величество Императрица, Королева и Регентша получаетъ изъ арміи такія-то и такія-то извѣстія». Всѣ конскрипты рокового года подписаны ея рукой, все это «Маріи-Луизы«, какъ прозвалъ ихъ народъ.

Сверху и донизу всѣ ступени правительственной лѣстницы закипѣли измѣной, обнаружилась слабость, неустойчивость, раздоръ въ правительствѣ—словомъ всѣ явные признаки начала разложенія Имперіи. А его уже нѣтъ; онъ далеко, даже еще могучее имя его исчезло съ горизонта. Имени-же Маріи-Луизы никто не боится; народу оно не говоритъ ничего, для правительства его значеніе—одинаково ничтожно. Но Бонапартъ не сознаетъ ошибки; напротивъ, онъ радуется тому, что устроилъ, воображая, что жена его понимаетъ во всемъ не хуже Кимбассереса и всѣхъ Бонапартовъ вмѣстѣ взятыхъ. Мало того—онъ такъ ослѣпленъ, что чѣмъ ближе, чѣмъ неизбѣжнѣй катастрофа, тѣмъ сильнѣе цѣпляется онъ за мысль о томъ, что одна она спасетъ ему все.

А она, по волѣ жестокаго случая—не будучи нисколько отвѣтственной, конечно, ни въ его отъѣздѣ, ни въ капитуляціи, ни во всемъ остальномъ, послужила безсознательнымъ, но вѣрнымъ орудіемъ гибели своего геніальнаго мужа; онъ написалъ ей нешифрованное письмо, въ которомъ указалъ на послѣднее средство, которое хотѣлъ употребить противъ соединенныхъ войскъ. Это письмо попадаетъ къ лазутчикамъ

Блюхера, а Блюхеръ спѣшитъ положить его «распечатаннымъ» къ ногамъ Августѣйшей дочери Его Величества Императора Австріи.

XVI.

ОСТРОВЪ ЭЛЬБА.

Подчеркивая, утверждая и простирая до такой степени свое довѣріе къ женѣ, руководился-ли при этомъ Наполеонъ исключительно только любовью, и не играли-ли политическія соображенія извѣстной роли въ его образѣ дѣйствій? Не разсчитывалъ-ли онъ, что Австрійскій Императоръ, встрѣтясь, такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ дочерью и внукомъ, сойдетъ съ его дороги, не смѣя нанести рѣшительный ударъ? Выставляя, такимъ образомъ, напоказъ Императрицу, не подготовлялъ-ли онъ этимъ на случай непоправимаго несчастія возможность собственнаго отреченія отъ престола въ пользу жены и сына, для того чтобы, по крайней мѣрѣ, спасти свою династію? Ужъ не вообразилъ-ли онъ себѣ, что Европейскіе государи, найдя на Французскомъ престолѣ не его, а одну изъ своихъ, вполнѣ равную имъ по рожденію, постѣснятся опрокинуть этотъ Тронъ вмѣстѣ съ нею, но, принявъ и утвердивъ на немъ выбранныхъ имъ-же преемниковъ, вмѣсто того чтобы прогнать его сына, сочтутъ выгоднымъ для себя признать его права на Французскую корону?

Чтобы найти правдоподобными эти гипотезы, надо понять, что еще съ апрѣля 1813 года, передъ Лютценомъ, до начала этой компаніи, когда онъ ежеминутно и демонстративно подчеркивалъ вѣру въ свою счастливую звѣзду,—надо понять, повторяемъ, что именно въ это-то время Наполеонъ въ ней отчаявался. Очевидно онъ тогда уже имѣлъ нѣкоторые виды на Австрію, и видя въ Маріи-Луизѣ какъ бы вѣрный залогъ будущаго союза съ тестемъ, довѣрился святости родственныхъ чувствъ и, заботясь о неприкосновенности сына, разсчитывалъ прежде всего на Императора Франца-Іосифа II, и ужъ понятно не какъ на Императора, а только какъ на дѣдушку.

Чтобы уловить инстинктомъ заговоръ подобный тому, какой составили противъ него, чтобы угадать, что эта молоденькая дѣвушка, брошенная къ нему на постель, была приманкой, съ цѣлью вовлечь его въ западню, для этого потребовалась бы такая чернота, такая низость души, до которой ни одинъ Французъ временъ первой Республики, не исключая Фуше, кромѣ развѣ что Талейрана, безъ сомнѣнія не смогъ бы дойти.

Если эта женщина переживаетъ свое униженіе, ея судьбу устроятъ такъ или иначе и она утѣшится; если умретъ—тѣмъ хуже! въ такой игрѣ нельзя не рисковать, а тутъ вѣдь всего-то одна только женщина!..

Подобное подозрѣніе ни разу даже и не коснулось Наполеона. Никогда не допускалъ онъ мысли, чтобы жена могла быть сообщницей враговъ,—въ чемъ и былъ несомнѣнно правъ, такъ какъ ее остереглись предупредить и она, ничего не подозрѣвая совершенно безсознательно сыграла свою роль гораздо лучше, чѣмъ если бы ее ей научили. Уже много позже, на островѣ Св. Елены и то не вполнѣ, а только отчасти, потому-ли что ему претило докапываться до сути этой грязной исторіи, потому-ли что ему было тяжело обнажать передъ другими главную причину своего паденія,—Наполеонъ все-таки сопоставилъ фактъ своего второго брака съ послѣдующими событіями. «То была бездна,» говаривалъ онъ, «которую скрыли отъ меня подъ цвѣтами». Но и тутъ онъ какъ бы избѣгаетъ распространяться объ этомъ вопросѣ и не рѣшается погрузить въ эту смрадную, нечистую бездну коварства и грязи; онъ завѣдомо силится помѣшать этой грязи запачкать жену или хотя память о ней, старается передъ лицомъ исторіи отстранить отъ нея хотя часть отвѣтственности за ту великую жизненную драму, однимъ изъ главныхъ источниковъ которой служило ея полнѣйшее невѣдѣніе и которая, на всякій безпристрастный взглядъ, подобно драмамъ Эсхила, поражаетъ своей широтой, простотой и безыскусственнымъ героизмомъ.

Далекій отъ всякаго враждебнаго чувства къ женѣ, безсознательно столкнувшей его съ неизмѣримыхъ высотъ въ невылазную бездну, онъ выказываетъ къ ней еще больше любви и довѣрія, какъ бы желая утѣшить ее въ томъ горькомъ разочарованіи, какое по его мнѣнію, должно причинять ей нападеніе ея соотечественниковъ, и грозно поднятое знамя въ рукѣ отца, въ чемъ она. естественно, должна видѣть самое низкое предательство своихъ-же родныхъ по отношенію къ самой себѣ.

Но даже въ такія критическія минуты онъ не сомнѣвается въ себѣ, и вѣра въ свою звѣзду долго не покидаетъ его; надѣяться наперекоръ всему присуще его натурѣ, и многіе дни послѣдней французской компаніи обнаруживаютъ въ немъ это свойство сильныхъ въ такой-же рѣзкой степени, какъ и безсмертный день въ Кастильонѣ.

Только за послѣдніе дни онъ сознаетъ, что принужденъ допустить предположеніе такого рода, что непріятель можетъ вступить въ Парижъ и захватить Императрицу вмѣстѣ съ Римскимъ королемъ; торжество это было бы, положимъ, крат-

ковременно, такъ какъ временная оккупація Парижа непріятельскими войсками ни наіоту не измѣняетъ составленнаго имъ стратегическаго плана, но онъ не вынесъ бы мысли, что его жена и сынъ во власти побѣдителя. Для того, чтобы отстранить отъ нихъ такое униженіе, онъ даетъ Жозефу формальное приказаніе покинуть Парижъ, удалить изъ него всѣ элементы сопротивленія и весь правительственный персоналъ; но этимъ распоряженіемъ онъ только вредитъ всей своей политической махинаціи, ибо Талейранъ отлично знаетъ, какимъ путемъ ему можно уклониться отъ своей обязанности сопровождать дворъ. Давнымъ давно онъ уже держитъ въ рукахъ всѣ нити своей сложной интриги: при королѣ Іосифѣ, Императрицѣ, префектурѣ департамента Сены, въ полиціи, онъ всюду умѣлъ заручиться сообщниками, на которыхъ имѣетъ необъяснимое вліяніе, и которые точно связаны съ нимъ какимъ-то адскимъ договоромъ. При ихъ посредствѣ заканчиваетъ онъ въ 1814 году свое позорное предательское дѣло, задуманное имъ еще съ 1807 года въ Тильзитѣ, но опрокинуть Имперію и очистить тронъ Франціи при помощи полумилліоннаго полчища чужеземцевъ,—это лишь половина грандіознаго замысла князя Беневентскаго. Онъ почтетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ только въ томъ случаѣ, если ему удастся навѣки порвать между Наполеономъ и Маріей Луизой ту нежелательную теперь связь, возникновенію которой онъ нѣкогда самъ же усердно способствовалъ. Императоръ думаетъ, что ему все же останется послѣднее утѣшеніе имѣть близъ себя жену и ребенка; и если онъ еще не настаиваетъ формально на томъ, чтобы жена ѣхала къ нему въ Фонтенебло, то отъ того только, что ему продолжаетъ казаться, будто слезы жены въ состояніи смягчить Императора Франца и способствовать облегченію его собственной участи; за то, мечтаетъ онъ, она пріѣдетъ къ нему, какъ только все хоть сколько-нибудь устроится; у нея будутъ свои самостоятельныя владѣнія, ей лично принадлежащія, она поселится по сосѣдству съ нимъ, а онъ покорится участи мелкаго владѣтельнаго князька,—(по крайней мѣрѣ онъ думаетъ, что въ состояніи ей покориться); она же вѣдь любитъ его, любитъ въ немъ гораздо больше мужчину, чѣмъ Императора, а потому они оба еще могутъ быть счастливы, и жизнь еще улыбнется и имъ и ребенку, который будетъ мирно расти у нихъ на глазахъ. Марія Луиза съ своей стороны всей душой готова откликнуться на этотъ призывъ, вполнѣ одобряетъ всѣ его планы и сама строитъ тѣ же воздушные замки. Разумѣется, она любитъ мужа и хотѣла бы уѣхать къ нему, но изъ всѣхъ ее окружающихъ на одну сочувствующую ей добрую душу

приходится столько низкихъ продажныхъ душенокъ! Пустота образуется вокругъ молодой женщины, съ самаго дѣтства не привыкшей къ самостоятельному мышленію и съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она себя помнитъ, подавленная строгостью суровой дисциплины, вѣчно имѣя дѣло только съ наставниками и повелителями и умѣя одно лишь—повиноваться. Опять отецъ властно предъявляетъ на нее свои права. Она отбивается, намѣреваясь протестовать, почти даже бунтуетъ, ибо любовь, которую она питаетъ къ Наполеону въ сердцѣ своемъ, такъ сильна, что способна бороться. Но и эту любовь Тайлеранъ ухитряется убить. Изъ близкихъ къ Маріи-Луизѣ женщинъ есть у него одна союзница, особа въ высшей степени энергичная и играющая видную роль въ политикѣ своего времени. Она не привыкла стѣсняться ни въ чемъ, ни передъ чѣмъ не останавливается, и не знаетъ, что такое благодарность. Въ молодости легкомысленная и развратная, какъ истая итальянка, она и на старости лѣтъ сохранила особую склонность къ интригѣ, такъ сказать изъ любви къ искусству, и всякій разъ какъ ей удается вмѣшаться въ какую-нибудь дипломатическую игру, она чувствуетъ себя тамъ вполнѣ въ своей тарелкѣ. Какъ придворная дама—она совсѣмъ не изъ числа тѣхъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ оставляютъ свой дворъ и мирно удаляются восвояси. О, нѣтъ, ей не за чѣмъ уходить, у ней въ виду есть кое-что получше этого; и вотъ, оставшись почти одна при Маріи-Луизѣ, она побѣдоносно открываетъ по ней губительный огонь всѣхъ своихъ баттарей. Подученная Талейраномъ она сперва внушаетъ Маріи-Луизѣ, а затѣмъ и утверждаетъ, что Наполеонъ никогда не любилъ и постоянно обманывалъ ее. И что же? Упрямится ли Императрица? Въ подтвержденіе своихъ словъ m-me де-Бриньоле подсылаетъ къ ней двухъ камердинеровъ Императора, покинувшихъ своего повелителя при первой же неудачѣ въ Фонтенебло, и, предварительно сговорившись съ Талейраномъ заставляетъ ихъ говорить все, что ей хочется, т. е. ту грязную ложь, распространять которую они съ Тайлераномъ, уже заранѣе условились. А вокругъ ни единой души, способной вдохнуть мужество, поднять энергію въ этой крупной, длинной, вялой женщинѣ, неспособной ни на какое самостоятельное рѣшеніе, въ которой темпераментъ играетъ главную роль и которую всѣ эти разсказы о невѣрности мужа оскорбляютъ и задѣваютъ несравненно больше, чѣмъ паденіе трона и крушеніе собственнаго величія. Съ тою же покорностью, съ какой недавно эта современная Ифигенія предала себя на всесожженіе и отдалась въ руки своихъ палачей, готова она позволить освободить себя теперь, когда политика намѣрена,

по словамъ Шварцемберга, разстроить то, что сама же устроила; конечно въ одинъ день этого не сдѣлаешь. Она не сдается сразу, и еще около года будетъ отчаянно бороться; гордость, тщеславіе, ревность и зависть—все постараются затронуть, на всемъ этомъ будутъ играть. Съ каждаго своего этапа, съ каждой остановки, которыя дѣлаетъ Наполеонъ на своемъ тяжеломъ и скорбномъ пути, онъ пишетъ женѣ своей точно такія же письма, какъ въ то счастливое время, когда подъ звонъ колоколовъ и пушечные залпы она торжественно вступала на французскую землю вдоль сплошныхъ живыхъ стѣнъ изъ народа и войскъ, а маршалы Имперіи, привѣтствуя ее, преклоняли передъ ней свои шпаги. Теперь же онъ подъ конвоемъ союзныхъ комиссаровъ, среди криковъ, угрозъ и проклятій озлобленнаго, подобнаго змѣямъ шипящаго населенія, одиноко подвигается къ этому острову, который Европа подъ вліяніемъ еще оставшагося въ ней передъ нимъ страха и трепета отдала въ его владѣніе, въ разсчетѣ со временемъ вернуть себѣ обратно и этотъ ничтожный клокъ земли. Но нѣтъ—эти прежнія письма, холодныя замороженныя этикетомъ и адресованныя какой-то незнакомкѣ, нельзя и сравнивать съ тѣми, что онъ теперь пишетъ. Изъ нихъ всего четыре вышло въ свѣтъ, только четыре изъ всѣхъ этихъ задушевныхъ и нѣжныхъ посланій къ «его доброй Луизѣ», «къ его милой, дорогой Луизѣ Маріи». Забывая о своихъ личныхъ страданьяхъ, онъ только и говоритъ въ нихъ о томъ горѣ, которое она должна испытывать, онъ тревожно справляется у нея о состояніиея здоровья, такъ какъ ему позаботились поставить на видъ, будто ей необходимо выдержать курсъ леченія водами, разсчитывая такимъ образомъ выиграть время и отложить на возможно долгій срокъ соединеніе разлученныхъ супруговъ, при чемъ Корвазаръ умышленно или по незнанію съ своей стороны настаивалъ на леченіи и дѣйствовалъ такимъ образомъ заодно съ врагами Императора. Но и этого, какъ и всего остального, Наполеонъ не подозрѣвалъ.

Онъ далекъ отъ того, чтобы противиться поѣздкѣ въ Эксъ, и только торопитъ ею, только хотѣлъ бы, чтобы она, наконецъ, поскорѣе окончились, и жена пріѣхала къ нему. Если Марія-Луиза не сможетъ тотчасъ же пріѣхать на Эльбу, онъ увѣренъ, что она не замедлитъ поселиться до времени въ Пармѣ, и для того чтобы ей ни въ чемъ не ощущать тамъ недостатка, онъ посылаетъ туда для ея личной охраны свой польскій отрядъ легкой кавалеріи и сотню лошадей для ея конюшенъ.

Едва добравшись до Порто-Феррайо, онъ уже заботится объ устройствѣ аппартаментовъ Императрицы во всѣхъ, увы,—

печальныхъ и жалкихъ дворцахъ, назначенныхъ для его резиденціи. Вотъ дворецъ Порта-Лонгане, въ которомъ Императрицѣ назначено шесть комнатъ, вотъ другой—въ Порто-Феррайо съ точно такимъ же для нея помѣщеніемъ. И онъ торопитъ работами, такъ какъ она можетъ пріѣхать съ минуты на минуту; съ ея пріѣздомъ онъ собирается пускать фейерверки, давать балы, устраивать экскурсіи, до того подчиняя мыслямъ о ней всѣ мелочи своего существованія, что, невзирая на свою непривычку и свое отвращеніе къ публичной профанаціи своихъ чувствъ,—приказываетъ художнику, расписывающему въ залѣ плафонъ, изобразить на немъ двухъ голубковъ, привязанныхъ къ двумъ концамъ одной и той же ленты съ узломъ по срединѣ, который затягивается все туже и туже по мѣрѣ того, какъ эти голубки удаляются одинъ отъ другого. Ожидая съ минуты на минуты пріѣзда жены, Наполеонъ поэтому окружаетъ большой таинственностью визитъ, который дѣлаетъ ему 1 сентября графиня Валевская; она ѣдетъ въ Неаполь ходатайствовать у Мюрата о признаніи ея правъ на маіоратныя земли, дарованныя Наполеономъ ея ребенку въ предѣлахъ Неаполитанскаго Королевства, и, воспользовавшись стоянкой корабля въ гавани Порто-Феррайо, добилась свиданія съ Императоромъ. Съ 20 августа онъ поселился въ пустынной обители Мадонны Марчіанской, куда загнала его невыносимо знойная осень. Здѣсь въ тѣни цѣлаго лѣса столѣтнихъ каштановъ близъ уютной часовенки ютится крохотный одноэтажный домикъ въ 4 комнаты. Отшельники, которыхъ Наполеонъ вовсе не хотѣлъ лишать убѣжища, расположились въ погребѣ. Для весьма немногочисленной свиты, всего на всего состоявшей изъ жандармскаго капитана, Паоли, ординарца — Бернотти, нѣсколькихъ мамелюковъ да двухъ камердинеровъ—Маршана и Сенъ-Дени, раскинута подъ густыми вѣтвями тѣнистыхъ каштановъ большихъ размѣровъ палатка, близъ которой небольшой ручеекъ, слабо журча, теряется въ ароматномъ ложѣ изъ пушистаго свѣжаго мха, пестрѣющаго ландышами, геліотропомъ, фіалками и всякими полевыми цвѣтами. Кухни не имѣется вовсе. Императоръ сходитъ къ обѣду внизъ, въ Марчіану, гдѣ поселилась его мать, а вечеромъ каждый разъ возвращается обратно въ свою пустыню. По полученіи письма отъ М-me Валевской, отдаются весьма таинственныя приказанія, и всѣ приготовленія клонятся къ тому, чтобы какъ можно тщательнѣе скрыть отъ всѣхъ тайну предстоящаго свиданья. Позднею ночью она высаживается на берегъ 1 сентября. У гавани ее ожидаетъ карета, запряженная четверкой, и три осѣдланныхъ лошади. Она садится съ сыномъ въ карету, а сопровождающіе ее сестра и

братъ, полковникъ Лещинскій въ польскомъ мундирѣ, садятся на верховыхъ лошадей и кавалькада подвигается впередъ при яркомъ лунномъ свѣтѣ. Въ Прокіо наталкиваются на Императора, выѣхавшаго къ нимъ на встрѣчу въ сопровожденіи Паоли и двухъ мамелюковъ. M-me Валевская сама беретъ верховую лошадь, такъ какъ дальше немыслимо ѣхать въ коляскѣ; мальчика беретъ на свое попеченіе Бернотти, и наконецъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, путешественники достигаютъ вершины горы. У самаго дома Императоръ обнажаетъ голову и — со словами: «Сударыня, вотъ мой дворецъ»! отдаетъ въ распоряженіе обѣихъ дамъ четыре комнаты, составляющія все его помѣщеніе, гдѣ для нихъ уже приготовлены постели, а самъ удаляется въ ту же самую палатку, въ стѣнахъ которой спятъ оба его камердинера. Ночь подъ конецъ сдѣлалась бурной и грозной—поднялся страшный вѣтеръ, пошолъ сильный дождь. Едва забрежжило утро, Императоръ уже зоветъ къ себѣ маршала. Тотъ разсказываетъ ему, что въ Порто-Феррайо распространился слухъ, будто ночная посѣтительница—никто иная какъ сама Марія-Луиза, а мальчикъ котораго она везетъ съ собою, самъ Римскій Король, что повѣривъ этому слуху докторъ Фуро поспѣшилъ въ Эрмитажъ, чтобы предложить свои услуги высокимъ гостямъ, и ожидаетъ уже приказаній.

Императоръ совсѣмъ одѣтый выходитъ изъ палатки. Чудесное яркое солнце, проникая сквозь пышную листву огромныхъ каштановъ, мѣстами успѣло уже нѣсколько осушить вокругъ мокрую отъ ночного ливня почву. А среди этой улыбающейся природы играетъ таинственный ребенокъ. Наполеонъ подзываетъ его къ себѣ и, сѣвъ на вынесенный для него маршаломъ стулъ, сажаетъ мальчика къ себѣ на колѣни. Затѣмъ онъ велитъ разыскать и привести къ себѣ доктора Фуро, который въ ожиданіи разгуливаетъ гдѣ-то по близости.— «Ну что же, Фуро», говоритъ онъ ему, показывая на ребенка, «какъ вы его находите»? «Но, Государь», отвѣчаетъ медикъ, «я нахожу, что король очень выросъ». Наполеонъ отъ души смѣется, такъ какъ юный Валевскій годомъ старше Римскаго короля, но красота рѣзкихъ чертъ его лица и свѣтлые вьющіеся волосы, въ изобиліи разсыпавшіеся у него по плечамъ, придаютъ ему большое сходство скорѣе даже не съ самимъ Римскимъ королемъ, а съ его портретомъ, на которомъ художникъ Изабей, можетъ быть. умышленно нѣсколько состарилъ его; и очень довольный Наполеонъ, добродушно подтрунивъ еще немного надъ докторомъ, отпускаетъ его, сердечно благодаря за любезную готовность, съ которой онъ поспѣшилъ предложить его гостямъ свои услуги, какъ врача.

Тѣмъ временемъ M-me Валевская въ свою очередь показывается на порогѣ домика. Она стала нѣсколько полнѣе чѣмъ была тогда въ Варшавѣ, но фигура ея ничего не потеряла отъ этого, а спокойное, открытое и красивое лицо ея все попрежнему привлекательно. Что касается ея восемнадцатилѣтней сестры, такъ у той прямо «головка ангела», это—одно изъ тѣхъ нѣжныхъ бѣлокурыхъ созданій, нѣжная и юная прелесть которыхъ оставляютъ послѣ себя впечатлѣніе ароматнаго рѣдкаго цвѣтка. Столъ накрытъ подъ каштанами на вольномъ воздухѣ, завтракъ приносятъ совсѣмъ готовымъ изъ Марчіаны, и веселье въ полномъ разгарѣ. Затѣмъ день проходитъ въ бесѣдахъ и прогулкахъ по окрестностямъ. За обѣдомъ Императоръ выражаетъ желаніе, чтобы ребенка, завтракавшаго отдѣльно, посадили бы непремѣнно съ нимъ рядомъ. M-me Валевская протестуетъ, говоря, что ея сынъ черезчуръ большой буянъ, но Наполеонъ настаиваетъ, даже требуетъ; вѣдь самъ онъ въ дѣтствѣ былъ страшнымъ сорванцомъ и сущимъ чертенкомъ. «Я», заявляетъ онъ, «билъ брата Жозефа, да еще заставлялъ его готовить за меня письменные уроки и рѣшать мнѣ задачи. Если меня сажали въ наказаніе на черствый хлѣбъ и на воду, я шелъ тогда къ нашимъ пастухамъ и мѣнялъ свои черствыя корки на ихъ хлѣбъ изъ каштановъ или отправлялся къ кормилицѣ, которая иногда давала мнѣ сосать свою грудь».

Маленькій Валевскій, державшій себя вначалѣ очень смирно и сдержанно, не замедлилъ однако очень скоро освоиться съ своимъ сосѣдомъ и принялся за обычныя шалости. «А, такъ ты не боишься кнута» сказалъ ему Императоръ, «напрасно! Я тебѣ совѣтую его бояться—мнѣ онъ достался всего только разъ въ жизни, и то я о немъ всегда помнилъ». Тутъ онъ разсказываетъ, какъ это вышло: какъ однажды въ дѣтствѣ онъ и сестра Полина посмѣялись надъ бабушкой и какъ жестоко выпорола ихъ за это «maman», не терпѣвшая подобныхъ шутокъ. «Но я же не смѣюсь надъ мамой», отвѣтилъ мальчикъ съ такимъ печальнымъ и обиженнымъ видомъ, что совсѣмъ растроганный Императоръ нѣжно обнялъ его, говоря «Это хорошо сказано!» Но съ наступленіемъ вечера въ 9 часовъ посѣтители уѣзжаютъ, боясь опоздать на корабль. Императоръ провожаетъ ихъ до самаго берега и, въ послѣдній разъ обнимая своего сына, говоритъ про себя: «Прощай, милое дитя моего сердца». M-me Валевская получаетъ отъ Наполеона для расходовъ по путешествію чекъ на 61.000 франковъ изъ личной казны Императора и пріѣздъ ея въ Неаполь является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что въ силу декрета отъ 15-го декабря—король Іоахимъ Наполеонъ готовъ конфисковать всѣ

владѣнія, учрежденныя французскимъ правительствомъ. Одна она получаетъ въ силу новаго декрета отъ 30 ноября прежній маіоратъ для своего сына и еще новый на тѣхъ-же условіяхъ, какія поставилъ самъ Императоръ. Ея пребываніе въ Неаполѣ длится такъ долго, что конецъ марта мѣсяца 1815 г. застаетъ ее все еще тамъ.

Несмотря на всѣ предосторожности, несмотря на ночной пріѣздъ и такой-же отъѣздъ посѣтителей,—слишкомъ много было лицъ, въ разсчеты которыхъ входило знать обо всемъ, что дѣлалъ Императоръ, для того, чтобы этотъ случай прошелъ незамѣченнымъ. Островитяне не замедлили разболтать о томъ, будто незнакомкой была Марія-Луиза; англійскій комиссаръ и Бурбонскіе шпіоны, лучше освѣдомленные на этотъ счетъ, не сомнѣвались, что дѣло шло о любовницѣ; но захотѣли усмотрѣть любовь тамъ, гдѣ были только нѣжность и благодарность, хотя, по совѣсти, одно присутствіе m-lle Лещинской уже устраняетъ самую мысль о происшедшемъ будто бы тогда интимномъ сближеніи между бывшими любовниками. Если и были у Императора на О-вѣ Эльбѣ кое-какія любовныя приключенія, то уже никакъ не съ этой вульгарной интриганткой, графиней де Роганъ, которую ему почему-то упорно приписываютъ и которая являлась къ нему съ неизвѣстно какими разоблаченіями и предложеніями своихъ фантастическихъ услугъ; справедливѣе было бы назвать гораздо болѣе незнакомую и навсегда оставшуюся въ тѣни женщину—а именно Лизу Б., ту самую, что онъ раза три—четыре принималъ у себя въ Сенъ-Клу, въ маленькомъ смежномъ съ оранжереей помѣщеніи и что по собственной волѣ послѣдовала за нимъ въ Порто-Феррайо. Была-ли она въ то время уже женою полковника Б. или же она стала ею на О-вѣ Эльбѣ, какъ бы то ни было, ея преданность такова, что остается лишь пожалѣть о томъ, что до насъ дошло о ней такъ мало подробностей. Она не удовольствовалась тѣмъ, что пріѣхала на Эльбу; въ 1815 году ее видѣли въ Рамбулье, куда она пріѣхала вымолить у Наполеона позволеніе слѣдовать за нимъ въ изгнаніе, и ея непритворное отчаяніе не имѣло границъ, когда тотъ категорически отказалъ ей въ этой просьбѣ. Получивъ отъ него на прощаніе три тысячи франковъ, она, какъ говорятъ, отправилась съ ними въ Соединенные Штаты, гдѣ и поселилась, надѣясь со временемъ встрѣтить его тамъ. Никто, какъ кажется и не подозрѣвалъ того, что Императоръ посвятилъ нѣсколько времени этой незамѣтной женщинѣ. Зато наоборотъ часто и охотно обсуждались вкривь и вкось предполагаемыя письма Наполеона, которыя, презрѣнная креатура

герцога Блякаса, служившій у него на жалованьѣ,—поддѣлалъ для вящаго подтвержденія нѣкоторыхъ памфлетовъ.

Дѣло шло о томъ, что-бы положить нѣчто вродѣ документальнаго основанія тѣмъ грязнымъ анекдотамъ, по которымъ Наполеонъ перебывалъ въ любовникахъ у всѣхъ своихъ сестеръ, а въ послѣднее время состоялъ будто бы въ связи съ сестрой Полиной. Эти анекдоты весьма скоро повлекли за собою цѣлую серію циничныхъ брошюрокъ, какъ это всегда и дѣлается послѣ каждой революціи по отношенію къ павшимъ монархамъ. Даже заглавія вездѣ тѣже самыя у этихъ мерзостныхъ и сальныхъ исторій, даже и ихъ не считаютъ нужнымъ хотя бы подновить и разнообразить; всюду то-же да то-же, то «Любовная исторія», то «Скандалы», то «Ночи», то что-нибудь въ этомъ-же родѣ...

Десять разъ во время своего плѣна Наполеонъ распространялся на тему объ этихъ позорныхъ ругательствахъ и было бы безполезно останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ. На островѣ Эльбѣ Наполеонъ переживалъ все время такъ сказать двойной кризисъ—нравственный и политическій, что требовало отъ него крайней осторожности и огромной сдержанности. Онъ достаточно зналъ Марію-Луизу, чтобы понять, что узнай она отъ кого-нибудь изъ окружающихъ хотя бы о самой ничтожной его невѣрности, это огорчило бы и задѣло бы ее до глубины души. Въ виду этого онъ посылаетъ къ женѣ капитана Юро-де-Сорбэ, супруга одной изъ «красныхъ женщинъ», поручая ему попытаться приблизиться къ ней гдѣнибудь на Эксскихъ водахъ и передать ей его слова; тому удается заручиться кое-какими, довольно смутными, положимъ обѣщаніями на установленіе впредь регулярной переписки между разлученными супругами, и понятно—почему: дѣло въ томъ что нашли, будто теперь еще не время затѣвать скандала. Но время идетъ, а за весь сентябрь хоть бы одно письмо, хоть бы единая вѣсточка дошла до него о ней, или отъ нея;

Наконецъ 10 октября онъ рѣшается написать все тому-же герцогу Тосканскому, на дружбу котораго все еще разсчитываетъ и на котораго не дальше какъ еще 19 апрѣля указывалъ женѣ, какъ на естественнаго посредника между нею и собой.

«Не получивъ отъ Васъ», пишетъ Наполеонъ, «никакихъ извѣстій о женѣ съ самаго августа, а о сынѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, я прошу Ваше Королевское Высочество дать знать мнѣ о томъ, угодно-ли Вамъ будетъ позволить мнѣ каждую недѣлю адресовать Вамъ письмо для передачи Императрицѣ, и въ свою очередь соблаговолите-ли Вы давать мнѣ

отъ себя еженедѣльно извѣстія о моей женѣ, а также пересылать ко мнѣ письма отъ воспитательницы моего сына графини Монтескью, «Я льщу себя надеждой, что, несмотря на событія, измѣнившія столькихъ и столькихъ лицъ, Ваше Императорское Высочество сохранили ко мнѣ дружеское чувство, и если вы захотите убѣдить меня въ этомъ, то доставите мнѣ большое утѣшеніе; если это такъ, то я попрошу васъ милостиво отнестись къ маленькому округу, которымъ я владѣю, и которое вполнѣ раздѣляетъ чувства тосканцевъ къ Вашей особѣ. Да не сомнѣвается Ваше Королевское Высочество въ постоянствѣ тѣхъ чувствъ къ вамъ, которыя вамъ хорошо во мнѣ извѣстны, равно какъ и въ моемъ совершенномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи, съ которыми я отношусь къ Вамъ; напоминайте же иногда обо мнѣ Вашимъ дѣтямъ».

Это не мольба, даже не обращеніе равнаго къ равному. Гордое сознаніе недавняго просвѣчиваетъ въ этомъ посланіи помимо всего остального, но зато съ камимъ искусствомъ, съ какой изобрѣтательностью здѣсь пущено въ ходъ все, что только въ состояніи растрогать этого человѣка, лишь бы у того было сердце въ груди! Вѣдь дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы не отказать въ чисто семейной услугѣ тому, кто говоритъ, что онъ несчастенъ, признаетъ себя падшимъ, а для того, чтобы смягчить своего бывшаго прихлѣбателя; чуть ли не называетъ себя подданнымъ этого принца, стоявшаго нѣкогда въ рядахъ его наиболѣе раболѣпныхъ придворныхъ.

Но отъ него—никакого отвѣта.

Дѣло въ томъ, что драма тогда уже закончилась и что Австрійскій Императорскій Домъ уже радовался въ то время тому, что ему удалось наконецъ навсегда опозорить одну изъ своихъ дочерей, принцессу Австріи и Императрицу французовъ. Знаетъ или не знаетъ объ этомъ Наполеонъ, но никто не можетъ съ увѣренностью утверждать будто ему и тогда все это было уже извѣстно.

Послѣ такого письма, да еще написаннаго такому человѣку—другихъ писемъ онъ не можетъ, не долженъ писать. У него отняли жену, у него отняли сына. Бурбоны не платятъ ему годовой пенсіи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была оговорена въ Фонтенебло. Такимъ образомъ ему придется распустить свою гвардію, лишиться возможности оказать, хотя слабое сопротивленіе своимъ врагамъ и покорно дать убить себя этому мужичью, острововъ, вродѣ, напримѣръ, Азорскихъ, какъ предлагаетъ Талейранъ 13-го октября, потому что, поясняетъ онъ «это въ пятистахъ миляхъ отъ всякой земли».

Итакъ, ему суждено умереть но какъ?—чтобы онъ позволилъ убить себя этимъ подкупленнымъ Брюляромъ бандитамъ, или же далъ увезти себя нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! онъ предпочитаетъ сыграть послѣднюю игру вмѣстѣ съ Франціей и для Франціи. Итакъ, рѣшено, онъ вернется.

XVII.

ОТО ДНЕЙ.

Въ 1815 году въ день новаго года Наполеонъ получилъ отъ Императрицы письмо, въ которомъ та писала ему о сынѣ, говоря, что онъ очаровательный ребенокъ и скоро сможетъ самъ написать отцу. Какъ и зачѣмъ написано это письмо? про то никому неизвѣстно; не угрызеніе ли совѣсти диктовало ей эти строки? какъ знать?! Что бы тамъ ни было, но это письмо, поддерживая связь между нимъ и ею, свидѣтельствовало о томъ, что Марія Луиза не отказывалась отъ мысли послѣдовать за нимъ, а если и молчала объ этомъ, то очевидно по принужденію. Стоило бы ей вырваться на свободу—и она поспѣшила бы пріѣхать къ нему. Стоило бы Наполеону добиться возможности, опять предложить ей корону—и его палачи и тюремщики тотчасъ вернули бы ему свободу. Понимая все это, Императоръ, наполовину убѣдившись въ успѣхѣ своего предпріятія, спѣшитъ уже 12 марта предупредить объ этомъ Марію Луизу; но поступая и на этотъ разъ такъ же, какъ она ранѣе поступала съ письмами, приходившими съ О-ва Эльбы, она и это письмо вручаетъ отцу, а тотъ сообщаетъ его содержаніе «полноправнымъ союзникамъ». Поэтому вновь никакого отвѣта.

Вступивъ въ Парижъ, Императоръ велѣлъ отдѣлать почти по старому комнаты Императрицы и отдалъ приказаніе возможно скорѣе привести ихъ въ полный порядокъ. Черезъ 10 дней послѣ этого, 1 апрѣля, онъ пишетъ Австрійскому Императору оффиціальное письмо начинающееся словами: «Мой братъ и возлюбленный тесть», въ которомъ требуетъ вернуть ему предметы самой горячей его привязанности—т. е. супругу и сына. «Такъ какъ», говоритъ онъ, «долгая разлука, вызванная обстоятельствами, заставила меня испытать самое тяжелое чувство, которое когда-либо ощущало мое сердце, то столь желанное для меня соединеніе является не менѣе желательнымъ для благороднаго нетерпѣнія добродѣтельной принцессы, судьбу которой Ваше Императорское Величество связало съ моей судьбой», и заканчиваетъ такъ: «Мнѣ слиш-

комъ хорошо извѣстны принципы Вашего Величества, я слишкомъ хорошо знаю, какую цѣну Вы придаете семейнымъ привязанностямъ, чтобы не питать счастливой увѣренности въ томъ, что Вы поспѣшите, каковы бы ни были Ваши дальнѣйшія намѣренія и планы Вашего кабинета и Вашей политики, поспособствовать ускоренію момента соединенія жены съ мужемъ и отца съ сыномъ».

Опять никакого отвѣта. Это гробовое молчаніе, которымъ одинаково встрѣчаются его собственныя оффиціальныя письма и тѣ, какими онъ снабдилъ оффиціальнымъ образомъ состоящихъ при Бурбонахъ Австрійскихъ дипломатовъ передъ ихъ отъѣздомъ въ Австрію, убѣждаетъ наконецъ Наполеона въ томъ, что политика продолжаетъ парализовать природное влеченіе къ нему жены и рѣшается добраться до нея иными тайными путями.

Онъ отправляетъ для этого въ Вѣну двухъ своихъ агентовъ изъ самыхъ ловкихъ съ порученіемъ дойти такъ или иначе до Талейрана и Императрицы. Это Фляо и Монтронъ. Одинъ Монтронъ доводитъ до конца свое дѣло, но когда остается только передать Маріи Луизѣ порученное ему для этого письмо, Меневаль, бывшій секретарь кабинета Императора, а съ 1813 г. ставшій секретаремъ Императрицы и, какъ таковой, послѣдовавшій за нею въ Австрію, рѣшительно противится этому. Ему хорошо извѣстно, куда зашла уже исторія въ Нейппергомъ и сжечь теперь это письмо Императора къ женѣ, какъ это сдѣлалъ Меневаль, значитъ оказать ему большую услугу. Меневаль однако не смѣетъ написать обо всемъ одну голую правду. Зная, какой сильный ударъ нанесетъ онъ тѣмъ своему господину, онъ предпочитаетъ предупредить обо всемъ кое-кого, въ неизмѣнную вѣрность котораго онъ по мнѣнію Лавалетта, такъ глубоко и основательно вѣритъ, и для этого прибѣгаетъ даже къ анонимному письму съ измѣннымъ уродливымъ подчеркомъ. Разсчетъ оказывается вѣрнымъ лишь на половину: правда до свѣдѣнія Императора доходитъ содержаніе письма, но если Лавалеттъ еще сомнѣвается, подозрѣвая въ этомъ анонимномъ посланіи новый фазисъ Австрійской интриги, то какъ же Наполеону-то было не усумниться въ томъ же? Скоро однакоже все разъяснится.

На этотъ разъ сомнѣнья уже невозможны: сама Марія Луиза оффиціальнымъ письмомъ отъ 12 марта, отдаваясь покровительству могущественнаго союза Европейскихъ державъ, вызвала этимъ жестокую декларацію, подписанную 13 числа того же мѣсяца конгрессомъ полноправныхъ союзниковъ, въ награду за что ея Нейпперга возвели въ почетное званіе маршала Двора; она же 18 марта согласилась отдать врагамъ му-

жа,—своего собственнаго ребенка, немедленно же разлученнаго съ бывшей своей гувернанткой, М-me Монтескью, и со всею французской прислугой; а при прощаніи съ Меневалемъ она уже лично поручила ему передать отъ нея Императору, что она никогда не будетъ добиваться развода, но однако льститъ себя надеждой, что онъ согласится разстаться съ нею дружески, что такая разлука стала теперь безусловно необходимой, но что тѣмъ не менѣе чувства ея уваженія и благодарности къ нему навсегда останутся неизмѣнными. Итакъ, она рѣшилась, на сей разъ непоколебимо, твердо и безповоротно и готова во что бы то ни стало настоять на своемъ. Самъ отецъ былъ бы не въ правѣ принудить ее вернуться во Францію.

Меневаль былъ вынужденъ прибавить къ своему сообщенію еще и другія подробности болѣе интимнаго характера, такъ какъ теперь уже было не время скрывать голую правду; быть можетъ въ то самое время наступилъ уже первый періодъ одной изъ тѣхъ безконечныхъ беременностей его бывшей жены. Когда акушеръ Дюбуа заявилъ Наполеону послѣ рожденія Римскаго короля, что рожденіе второго ребенка угрожало бы жизнью Маріи Луизѣ, то какъ ни хотѣлъ бы Императоръ имѣть другого сына для Итальянской короны,—онъ запомнилъ себѣ это разъ навсегда и постоянно съ этимъ соображался; М-r Нейппергъ зато не стѣснялся ни въ чемъ и нѣсколько разъ наглядно доказалъ, что и баронъ Дюбуа могъ ошибаться.

Но хотя въ глубинѣ души Наполеонъ не могъ тѣшить себя ни малѣйшимъ сомнѣніемъ, зато съ точки зрѣнія политики было безусловно необходимо, чтобы нація вовсе не знала истинной правды и сохранила неприкосновенными относительно поведенія Императрицы всѣ тѣ иллюзіи, которыхъ уже не было въ Императорѣ. Годъ тому назадъ онъ считалъ, что ничто не могло возбудить народы до такой степени, какъ мысль о томъ, что эта женщина и этотъ ребенокъ находятся подъ охраной Франціи; теперь же этотъ плѣнъ въ которомъ ихъ держали уже столько времени, эта вынужденная разлука, которою спокойно попирались всѣ божескіе и всѣ человѣческіе законы, это наглое посягательство на его супружескія права и въ то же время на его отеческія чувства, все это, казалось, должно было возбудить и затронуть всѣ лучшія и высшія чувства въ сердцахъ людей и патріотовъ. И теперь онъ жадно разспрашиваетъ обо всемъ своего Меневаля, и тотъ говоритъ все, что знаетъ объ горькомъ отчаяніи, испытанномъ Императрицей, когда ее оторвали отъ ея обязанностей, о тридцати ночахъ, проведенныхъ ею безъ сна въ 1814 году, о настоя-

щемъ заключеніи, которое она переносила такъ кротко и вмѣстѣ такъ стойко, о трактатѣ въ Фонтенебло, о негодованіи старой королевы Маріи-Каролины, повторявшей внучкѣ: «Тебѣ мѣшаютъ пройти въ дверь, такъ полѣзай въ окошко, но ступай, непремѣнно ступай скорѣе къ мужу». О бѣдномъ Римскомъ королѣ (или принцѣ Императорскаго Дома, какъ его теперь называютъ), оторванномъ отъ матери, о преданной изгнанной воспитательницѣ M-m Монтескью, дрожащей за жизнь и участь своего питомца,—о, теперь онъ хочетъ все знать, хочетъ, чтобы Меневаль сообщилъ ему до малѣйшихъ подробностей рѣшительно обо всемъ.

Ни разу въ теченіе этихъ «Ста дней», ни разу за всѣ шесть лѣтъ его медленной, но тяжкой агоніи—не вырвалось у него ни единаго слова горечи, упрека или порицанія по адресу любимой измѣнницы: напротивъ, онъ говорилъ о ней всегда съ неизмѣнной любовью, безграничной нѣжностью, кротостью и состраданіемъ. Воспоминаніе рисуетъ ему ея образъ въ самомъ привлекательномъ видѣ, въ блескѣ юности, красоты и свѣжести. Къ тому же, по словамъ его, «это—сама прямота, само благородство!»—«Это воплощенная невинность со всѣмъ ея обаяніемъ». Изъ всѣхъ лицъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его заточеніе, нѣтъ ни единаго, съ которымъ онъ не велъ бы подобныхъ разговоровъ и даже почти всегда въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Узнаетъ ли онъ случайно черезъ какой-нибудь журналъ какой-либо фактъ, относящійся такъ или иначе къ женѣ,—онъ настаиваетъ на томъ, чтобы ему все объяснили, какъ можно подробнѣе, и заставляетъ повторять себѣ разсказъ по 3 и 4 раза къ ряду; бросаетъ ли якорь какое-нибудь Европейское судно на рейдѣ Джемса-Тоцна, и онъ уже увѣренъ, что вотъ-вотъ получитъ оттуда письмо отъ Императрицы, и потому по цѣлымъ днямъ волнуется, нервничаетъ, не работаетъ. Лишаютъ ли его какого-нибудь преданнаго слуги, вродѣ Ласъ-Казеса или О—Меара, и его первая мысль отослать ихъ къ Маріи Луизѣ, какъ онъ это сдѣлалъ со своимъ любимымъ хирургомъ, вручивъ ему для передачи ей записку слѣдующаго содержанія: «Если онъ увидитъ мою добрую Луизу, то я прошу ее позволить ему расцѣловать ея руки».

Въ его завѣщаніи отъ 5-го апрѣля 1821 года стоитъ такая фраза: «Я всегда имѣлъ право гордиться моей дрожайшей супругой Императрицей Маріей Луизой. Я сохраню къ ней до послѣдней минуты самыя нѣжныя чувства. Я прошу ее неусыпно заботиться о томъ, чтобы защитить по мѣрѣ возможности моего сына отъ испытаній, все еще грозящихъ его дѣтскому возрасту», но это ему кажется еще недостаточнымъ;

мало того, что онъ завѣщаетъ ей единственное свое богатство, заключающееся въ дорогихъ кружевахъ,—28-го апрѣля, за недѣлю до смерти, онъ объясняетъ доктору Антоммарка, что долженъ тотъ сдѣлать изъ его сердца, которое онъ завѣщалъ ему вынуть у себя изъ груди, когда его не станетъ: «Вы опустите его», говоритъ онъ, «въ винный спиртъ, вы отвезете его въ Парму къ моей дорогой Маріи Луизѣ. Вы скажете ей, что я ее нѣжно любилъ и никогда не переставалъ любить. Вы разскажете ей все, что видѣли, все, что относится къ моему положенію и моей смерти».

По правдѣ сказать, умно поступилъ Гудзонъ-Лоу, принудивъ Антоммарка положить въ гробъ Императора серебряный сосудъ, содержавшій сердце покойнаго. И въ самомъ дѣлѣ: чтобы изъ него сдѣлалъ г. Нейппергъ?.. По крайней мѣрѣ за исключеніемъ этой женщины, этой чужестранки,—другія (что кому за дѣло—откуда бы онѣ ни явились—изъ Франціи, Польши или Ирландіи...) окружали Императора въ теченіе его послѣднихъ славныхъ дней, трогательнымъ вниманіемъ и нѣжной заботливостью; за все время его короткаго трехмѣсячнаго царствованія, онѣ услаждали его усталыя очи царственнымъ блескомъ своей красоты, радовали его измученное сердце своимъ энтузіазмомъ, своей неизмѣнною преданностью, ради которой даже и наименѣе способныя къ политической миссіи обращались подчасъ въ искусныхъ шпіонокъ, выслѣживая, узнавая, предупреждая и нерѣдко, руководствуясь больше инстинктомъ, чѣмъ разумомъ, давали подчасъ такіе удачные совѣты, которымъ бы стоило слѣдовать, вродѣ тѣхъ напримѣръ, что дала Жоржъ относительно Фуше, и она далеко не единственная. Такъ, m-me Пеллярпа, поспѣшившая пріѣхать изъ Ліона и также уловившая нѣкоторые происки герцога Отрантскаго, m-me Валевская, примчавшаяся изъ Неаполя и немедленно принятая въ Елисейскомъ дворцѣ, передаетъ Императору нѣсколько словъ отъ Мюрата, m-me ***, первая представилась Императору и, властно войдя въ свою прежнюю роль придворной дамы, оказалась въ числѣ самыхъ преданныхъ его почитательницъ, одною изъ тѣхъ, что 20 марта въ ярко освѣщенныхъ залахъ Тюльерійскаго дворца съ нетерпѣливою радостью ожидали возвращенія Императора съ О-ва Эльбы; и еще много другихъ молодыхъ прекрасныхъ женщинъ оспаривали другъ у друга честь и право видѣть его, говорить съ нимъ и нравиться ему.

Въ эту эпоху на нѣкоторыхъ женщинъ Франціи, на ихъ очаровательныя, нарядно убранныя головки—нисходитъ какъ бы вѣяніе самого божества, и оно дѣлаетъ изъ нихъ мученицъ и героинь, внушаетъ имъ высшіе подвиги безпредѣльной пре-

данности и отчаяннаго мужества въ столкновеніяхъ съ самыми нежданными опасностями, возноситъ души ихъ на неизмѣримую противъ средняго уровня высоту.

Всѣ онѣ были на лицо въ теченіе того зловѣщаго рокового періода, за которымъ осталось правдивое названіе «Бѣлаго террора» и ужасы котораго современные историки тщетно силятся затушевать и смягчить: и женщины, эти женщины временъ послѣдней Имперіи, составлявшія нѣкогда украшеніе и радость придворныхъ празднествъ, элегантныя, граціозныя мотовки и самыя ярыя, самыя отчаянныя прожигательницы жизни, какія только когда-либо существовали на землѣ,—онѣ-то и выказали тогда, среди почти что поголовной низости мужчинъ,—такую рѣдкую энергію, такое изумительное присутствіе духа, которыя по праву обезсмертили ихъ имена на страницахъ исторіи. За Сто Дней въ Тюльери, какъ и въ Мальмезонѣ послѣ Ватерлоо онѣ доказали, какъ глубоко умѣли вѣрить и какъ высоко чтили свое благородное горе.

И это относится не только къ извѣстнымъ, знаменитымъ женщинамъ данной эпохи, но и къ никому неизвѣстнымъ скромнымъ героинямъ, вродѣ той, напримѣръ, что послѣ Федераса, подойдя къ Императору, вручила ему, по ея словамъ, свою «петицію»,—съ виду небольшой, тщательно сложенный пакетъ,—а когда Императоръ развернулъ «петицію», изъ нея выпали 25 тысячефранковыхъ билетовъ; или какъ та, что 23 іюня, наканунѣ того дня, когда Наполеонъ принужденъ былъ оставить Елисейскій дворецъ и переѣхать въ Мальмезонъ, пишетъ камердинеру Императора Маршану нѣсколько строкъ, приглашая его явиться въ церковь св. Филиппа дю Руль, имѣя по ея словамъ сообщить ему нѣчто важное. Маршанъ приходитъ на свиданье и видитъ въ указанномъ въ письмѣ мѣстѣ какую-то молящуюся женщину, съ лицомъ хотя и полуприкрытымъ вуалемъ, но не настолько, чтобы нельзя было разобрать сквозь прозрачную ткань правильныхъ чертъ совершенно незнакомаго ему лица изумительной рѣдкой красоты; онъ подходитъ къ ней и спрашиваетъ, чѣмъ можетъ быть ей полезенъ. Съ минуту она стоитъ передъ нимъ молча; затѣмъ, задыхаясь отъ страшнаго волненія, она говоритъ ему, какъ глубоко тронули ее несчастья Императора, и какъ хотѣлось бы ей видѣть его, утѣшить его, преклониться передъ нимъ. Наполеонъ, когда ему передали эту просьбу, улыбается и отвѣчаетъ: «Ну, такое поклоненіе можетъ повести къ любовной интригѣ. Ему не слѣдуетъ давать хода». Но этотъ наивный порывъ восторженнаго сердца именно въ такую минуту, въ такіе дни все же настолько трогаетъ его, что позже онъ нѣсколько разъ вспоминаетъ о прелестной незнакомкѣ

изъ церкви св. Филиппа дю Руль. Нашелъ ли онъ по крайней мѣрѣ тамъ, въ своемъ изгнаніи, хотя одну женщину, способную принести ему то утѣшеніе, посвятить ему тѣ заботы, какія только женщина и въ состояніи дать? Извѣстно коечто по этому поводу о полудѣтскихъ заигрываніяхъ съ нимъ молоденькой миссъ Елизаветы Балькомбъ, за время его пребыванія въ Бріарѣ, можно догадаться объ извѣстной привычкѣ его къ женщинѣ, которой поведеніе во время Имперіи должно было бы, казалось, исключить всякую возможность сближенія между ними, и которая послѣ двукратнаго развода и позорнаго изгнанія изъ дворца однимъ только фактомъ новаго брака принесла непоправимое несчастіе своему третьему мужу. Но если щедроты, относящіяся къ ней въ завѣщаніи Императора, и могутъ пожалуй придать извѣстную вѣскость сообщеніямъ иностранныхъ комиссаровъ, если, что весьма впрочемъ правдоподобно, присутствіе этой женщины и было причиной раздора, возникшаго между приближенными Императора, а отъѣздъ ея, если и былъ одной лишней тревогой и мукой для него среди тѣхъ, которыя пришлось ему вынести эти тяжелые годы, если такъ все и было, то во всякомъ случаѣ объ этой части драмы, разыгравшейся на островѣ св. Елены, намъ вообще слишкомъ мало извѣстно, для того, чтобы имѣть здѣсь право на чемъ либо настаивать. Женщина сыграла и тутъ свою роль, вотъ все, что только можно сказать.

Да и какъ могло быть иначе? Наполеону едва исполнилось сорокъ семь лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ на св. Елену, и всего пятьдесятъ одинъ годъ, когда онъ умеръ.

На островѣ же св. Елены, кромѣ нѣсколькихъ рабынь-мулатокъ, совсѣмъ нѣтъ женщинъ, особенно на такую массу мужчинъ, сразу наѣхавшихъ и оживившихъ этотъ прежде пустынный и ничтожный клокъ земли. Не удивительно что и тѣхъ немногихъ «дамъ»—что имѣются тамъ на лицо, буквально рвутъ другъ у друга. Офицеры Императорской свиты, иностранные комиссары, англійскій сухопутной и морской персоналъ, всѣ сломя голову гоняются за нѣсколькими имѣющимися на островѣ юбками. Возникаютъ дуэли, вызовы, безпрестанныя столкновенія и ссоры: женщина—здѣсь великая, почти единственная злоба дня!

И вотъ рядомъ съ этой недостойной куртизанкой, которую корысть привлекаетъ въ Рошефоръ и удерживаетъ на св. Еленѣ, встрѣчается другая женщина дѣйствительно достойная почтительнаго удивленія, это—графиня де Бертранъ. Счастливая жена и мать она находитъ въ исполненіи своего христіанскаго долга удовлетвореніе собственной совѣсти. Въ

Парижѣ по своей родовитости и родственнымъ связямъ съ Фитцъ-Джемсами она могла бы быть одною изъ первыхъ, какъ при дворѣ такъ и въ цѣломъ городѣ. Но она до конца осталась вѣрной себѣ и, прекрасная, скорбная, строгая, подобно Римской матронѣ сохранивъ незапятнанной свою женскую честь, она тихо и молча слѣдуетъ за похороннымъ шествіемъ, везущимъ несчастнаго плѣнника, окончившаго свое земное странствіе, вплоть до самой долины Гераніумовъ и, какъ какая-нибудь статуя скорби, она, и только она, англичанка по рожденію, плачетъ надъ одинокой могилой того, кого убила ея родная Англія.

XVIII.

НАПОЛЕОНЪ и ЛЮБОВЬ.

Теперь вопросъ: какое мнѣніе можно составить и установить о Наполеонѣ, какъ о феминистѣ?

Такое мнѣніе, если оно безпристрастно, будетъ двоякаго рода. Съ одной стороны—это страсть, одна только животная страсть; съ другой—нравственное влеченіе идетъ объ руку съ физическимъ, причемъ значительно перевѣшиваетъ нравственное.

Чисто банальныя приключенія въ большомъ ходу у разсказчиковъ; съ одной стороны мы ничего не скрыли не потому, конечно, чтобы, изъ подобныхъ разсказовъ, можно было бы вывести какія-либо особыя заключенія о его характерѣ или освѣтить особенно ярко ту или другую сторону или особенность его натуры, но потому что, умалчивая о подобныхъ вещахъ, можно было подать нѣкоторый поводъ думать будто изъ ихъ числа были и нелестные, о которыхъ умалчивается съ умысломъ и изъ пристрастья. Уже потому только, что онъ былъ Наполеономъ, его альковъ не могъ хранить секретовъ. Сколько бы ни хлопоталъ онъ о томъ, чтобы окружить непроницаемой тайной эти случайныя встрѣчи,—все было напрасно: придворныя дамы, камеристки, лакеи, камердинеры, адъютанты, чутко насторожившись на все, что ежедневно совершалось во дворцѣ, не упускали изъ виду рѣшительно ничего, начиная отъ крупнѣйшихъ происшествій и кончая ничего незначащими случаями;—такимъ образомъ всему велся донельзя строгій счетъ, а при такихъ условіяхъ мудрено создать тайну. Вокругъ Тюльерійскихъ покоевъ тѣснились всѣ сильные міра; всякій, кто жилъ—такъ сказать—въ предѣлахъ Правительственныхъ сферъ, добивался повышеній и милостей, а то и просто шпіонилъ безъ особой задней мысли въ погонѣ за свѣжими новостями отъ бездѣлья или ради любопытства.

Изъ всѣхъ легко-доставшихся ему женщинъ онъ не соблазнилъ и не развратилъ ни одной; а если изъ нихъ и попадается нѣсколько невинныхъ дѣвушекъ, то тѣ уже настолько опытны, что сами торгуютъ и собою и своею невинностью, да и можно-ли поручиться за то, чтобы таковыя, дѣйствительно, имѣлись?

На самомъ дѣлѣ: замужемъ-ли онѣ, или нѣтъ, служатъ-ли въ театрѣ. или бываютъ при дворѣ—эти всѣ до одной-проститутки; онъ и платитъ имъ, что слѣдуетъ, а когда бросаетъ—оба квиты. Даже чувственности—и той мало; чувственность—это въ нѣкоторомъ родѣ утонченное сладострастіе, а онъ привыкъ приступать прямо къ дѣлу и, при своей грубоватой наивности, пренебрегаетъ хитросплетеніями и не теряетъ на нихъ драгоцѣннаго времени. О немъ говорятъ, что онъ рѣзокъ и грубъ, тогда какъ онъ только занятъ и спѣшитъ, онъ ведетъ себя въ этихъ случаяхъ такъ же, какъ за столомъ, и если удовлетворяетъ своему сладострастію, то лишь потому, что организмъ его требуетъ, чтобы о немъ въ этомъ случаѣ предусмотрительно позаботились, или просто потому, что представляется удобный случай, но уже никакъ не потому, чтобы онъ объ этомъ думалъ, мечталъ: искалъ этого, привыкъ къ этому, или бы самъ искусственно создалъ себѣ на этой почвѣ нѣчто-вродѣ дѣйствительныхъ потребностей.

Но,—спросятъ—чего добраго, развѣ же это согласно съ правилами чистой морали? Мораль, что это такое? Да разъ она мѣняется сообразно условіямъ жизни, то какъ же ей не примѣняться къ эпохѣ?

Чтобы судить людей Имперіи, а тѣмъ болѣе самого Императора, съ точки зрѣнія лицемѣрной и узкой морали современной буржуазіи, надо было бы сперва поставить тѣхъ и другихъ въ условія существованія этой самой буржуазіи. Въ той же жизни, какую они ведутъ въ дѣйствительности, въ бродячей жизни, бросающей ихъ изъ одного угла Европы въ другой, подъ свистомъ гранатъ и градомъ вражьихъ пуль, вѣчно въ походахъ, на лошади, съ неотступнымъ призракомъ смерти передъ глазами,—при этакой жизни если тайкомъ отъ Императора иные изъ этихъ труженниковъ брани и тащатъ иногда слѣдомъ за собою своихъ любовницъ, то такихъ очень мало, а большинство даже не помышляетъ объ этомъ и въ военное время, подъ своими боевыми доспѣхами обыкновенно остаются цѣломудренными. Если же послѣ долгой войны—дома или при возвращеніи домой—по пути въ родную землю, въ какомъ-нибудь изъ покоренныхъ городовъ потокъ грубой животной долгосдерживаемой страсти бросаетъ и наваливаетъ ихъ на первую подвернувшуюся подъ руку женщину, какова

бы она ни была, бросаетъ съ такою же точно жадностью, съ какой потомъ, погибая отъ голода, они накидывались на корки гнилого и черствaго хлѣба,—то слѣдуетъ-ли изъ этого, что они безнравственнѣе мирныхъ буржуа; и не вѣрнѣе-ли будетъ сказать, что самый почтенный и солидный буржуа, едва-ли нравственнѣе самаго разнузданнаго солдата. И не требуетъ-ли отъ нихъ самое ихъ ремесло, которому они отдались по призванію и которымъ продолжаютъ заниматься изъ честолюбія, извѣстной неразборчивости, распущенности и грубой примитивности отъ ихъ натуры? Да, наконецъ, неужели же, будучи солдатами, они перестаютъ, быть мужчинами, съ тѣми же потребностями, вкусами и аппетитами, какъ и прочіе люди, и должны-ли они ради общаго предубѣжденія къ полигаміи оставаться неизмѣнно вѣрнымп своимъ всегда отсутствующимъ женамъ?

Иные впрочемъ такъ и поступали, и въ это тревожное время насчитывается не мало поразительныхъ примѣровъ глубокой сосредоточенной любви, среди этихъ желѣзныхъ суровыхъ людей такими нѣжными и вѣрными сердцами, какое Древніе приписывали Великому Киру; но въ большинствѣ случаевъ—всѣ эти гарнизонныя приключенія и романы на бивуакахъ—вовсе и въ счетъ не идутъ, равно какъ и тѣ мимолетныя измѣны, которыя они позволяютъ себѣ даже въ Парижѣ, но зато такъ заботливо прячутъ, что каются въ нихъ лишь на смертномъ одрѣ; и на-ряду съ этой животной частью ихъ полудикой природы, которую, разумѣется, необходимо удовлетворять, свободно уживается странная, почти дѣтски наивная сантиментальность и глубокая супружеская нѣжность. Для женъ, на которыхъ они всѣ, или почти всѣ женились по любви и съ полнымъ безкорыстіемъ, ничто въ глазахъ ихъ не дорого, не роскошно, не изумительно; чтобы удовлетворить ихъ желаніямъ, они рвутъ Европу и ея клочки бросаютъ къ ихъ ногамъ; чтобы исполнять ихъ капризы, они пускаются въ такія не свойственныя имъ выжиданія, дипломатическія тонкости, изъявляютъ такую комичную поспѣшность, что не будь въ нихъ уже слишкомъ кровавой подкладки, эти старанья могли бы растрогать, хоть кого.

По части щедрости и заботливости о женѣ, какъ и по части писемъ, подарковъ и огромнаго, составленнаго имъ лично для нея состоянія, Наполеонъ не уступаетъ ни одному изъ нихъ. Но его сантиментальность иного происхожденія, иной субстанціи, нежели ихъ. Они, которыхъ природа не надѣлила врожденной деликатностью и которымъ воспитаніе не привило никакой щепетильности,—считаютъ грабежъ—за честь, добычу—за должное; хотя всѣ эти скороспѣлые герои и вообра-

жаютъ, будто одна шпала уже приравняла ихъ къ ихъ прежнимъ повелителямъ. Извлекать однако эти правила дворянской чести изъ недавняго прошлаго— не мыслимо, семейныхъ традицій—нѣтъ, а брать за обращики высшихъ и опредѣленныхъ понятій объ этой самой чести у Лауцуна и Тилли—имъ не приходитъ даже въ голову: они все еще ненавидятъ тѣхъ, кого замѣнили, а если и добиваются дворянскаго достоинства, то лишь для того, чтобы приравнять себя къ предкамъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. А кто же такое были эти славные предки?—Да рыцари—крестоносцы; это-то и объясняетъ тотъ огромный успѣхъ, какимъ въ эпоху имперіи пользовалось все, что было въ такъ называемомъ «трубадурномъ жанрѣ». Откуда такое направленіе? Литература ли создаетъ въ умахъ такое «трубадурное» броженіе или же напротивъ его вырабатываетъ сама соціальная тенденція? Не все ли равно?

Рѣзче всего въ эту эпоху выступаетъ впередъ то обстоятельство, что никогда еще искусства и литература не удовлетворяли такъ полно тѣмъ запросамъ, какіе къ нимъ предъявляло тогдашнее общество, не оказывали на общественные нравы столь могучаго вліянія, которое сказывалось тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ некультурнѣе были по природѣ умы, ему подчинявшіеся. Собственно говоря въ «трубадурномъ» жанрѣ, за которымъ съ 1806 г. во Франціи пустилось въ погоню рѣшительно все: и романы, и исторія, и театры, и картины, и костюмы,—заключалось меньше трубадурнаго, чѣмъ въ томъ рыцарѣ, что, проповѣдуя культъ своей дамы—за всѣ подвиги совершенные имъ во Святой Землѣ, вродѣ умерщвленій невѣрныхъ, укрощеній драконовъ, разрушенія покоренныхъ городовъ,—украшаетъ себя шарфомъ «ея» цвѣтовъ и считаетъ достаточной наградой благосклонный взглядъ своей богини. Всѣ воины всѣ герои Имперіи изо всѣхъ силъ стараются уподобиться такому идеальному и воображаемому рыцарю; если они и не повязываются шарфомъ цвѣтовъ дамы своего сердца, зато многіе носятъ на шпагѣ вышитаго дракона—работу милыхъ ручекъ, у сердца—женскій портретъ, либо обвѣшиваются въ дни сраженій бездѣлушками, взятыми на память у своей царицы. Наполеонъ, разумѣется, меньше кого-либо другого слѣдуетъ этому «трубадурному» теченію, но хотя онъ вовсе не подражаетъ ему, какъ это дѣлаетъ пасынокъ его Евгеній и нѣкоторые изъ его же маршаловъ, однако окружающая атмосфера все же оказываетъ на него нѣкоторое вліяніе, и въ его отношеніяхъ къ Маріи Луизѣ можно было бы найти настолько явные слѣды этого вѣянія духа времени, что противъ нихъ и возразить было бы нечего.

Но это вѣдь относится почти ко времени паденія Имперіи, т. е. къ той эпохѣ, когда впервые возникаетъ въ немъ такое чувство, какого онъ еще никогда во всю жизнь не испытывалъ, и это чувство захватываетъ его до такой степени властно, что все остальное разомъ какъ-то меркнетъ передъ нимъ и почти что стушевывается. До того времени сантиментальность его не имѣла ничего общаго съ новѣйшей литературой, но зато многое, если не все, съ литературнымъ движеніемъ недавняго прошлаго. Сантиментальнымъ Наполеона создалъ Руссо, и только онъ одинъ. По свидѣтельству самой Жозефины онъ любилъ трехъ женщинъ: ее, М-me *_* и М-me Валевскую; если прочесть его письма къ Жозефинѣ — въ нихъ такъ и сквозитъ Руссо, въ письмахъ къ М-me Валевской—опять тотъ же Руссо, а ужъ про разговорный языкъ и говорить нечего. Не просвѣчиваетъ ли въ нихъ тотъ же тонъ, въ какомъ нѣкогда писалъ свои замѣтки совсѣмъ еще юный лейтенантъ Бонапартъ, не попадаются ли опять тѣ же слова, тѣ же фразы, какими когда-то въ Валенсіи онъ, страдающій, угнетенный жаловался на свою нищету и свое одиночество. Не изъ той же ли глубокой души вытекаютъ эти мысли о неосуществимости счастья и ничтожествѣ всего земного? Не одно ли и то же страданіе три раза въ жизни будитъ въ немъ совершенно однородныя грезы? Неужели же онъ, какъ ученикъ Руссо, до того проникся идеей своего учителя, что она стала какъ бы даже его достояніемъ?

Въ своей безпрестанной погонѣ за такой женщиной, которая бы любила его ради него самого, принадлежала бы только ему, думала бы только о немъ и безпрерывно поддерживала бы между собою и имъ обмѣнъ нѣжныхъ ласковыхъ словъ, объятій и поцѣлуевъ, онъ въ этомъ отношеніи, разумѣется, очень довѣрчивъ, но до какой степени повинуется онъ литературнымъ своимъ воспоминаніямъ, до какой степени удерживается онъ отъ желанія отдаться такимъ чувствамъ, которыя онъ почитаетъ за принадлежащія къ новому и рѣдкому разряду!

Что главнымъ образомъ и заставляетъ думать, будто онъ нѣсколько насилуетъ собственную натуру, такъ это то, что ему все очень скоро надоѣдаетъ; дѣло въ томъ, что онъ получаетъ въ такихъ случаяхъ не то удовольствіе, какое думалъ получить, и параллельно съ этимъ находитъ женщину, которую любитъ или воображаетъ, что любитъ, неизмѣримо ниже того идеала, къ которому стремится, какой-нибудь, ничтожный съ виду случай вдругъ возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе и это одно уже раздражаетъ его до послѣдней степени. Все обрывается разомъ. Сантиментальность, привитая ему воспитані-

емъ, встрѣчается лицомъ къ лицу съ положительностью практическаго человѣка, какимъ онъ есть и всегда былъ по натурѣ; но при первомъ-же удобномъ случаѣ—его неудержимо тянетъ возобновить прежній опытъ, и онъ спѣшитъ, отдаться съ присущею его натурѣ страстностью, этой своей потребности,—и вновь убѣждается, вновь устаетъ и снова злорадствуетъ, потѣшаясь надъ собственною ошибкою—и такъ до безконечности.

Но что всего поразительнѣе въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ,—такъ это его неизмѣнная вѣрность, не чувственная, но сердечная, нравственная. Онъ обманываетъ Жозефину, имѣетъ отъ нея любовницъ, и при томъ настоящихъ такихъ, которыхъ глубоко и искренно любитъ и съ которыми пробѣгаетъ сначала до конца всю гамму разнообразныхъ любовныхъ ощущеній, начиная отъ легкаго почти полудѣтскаго флирта и кончая истиннымъ напряженіемъ могучаго чувства—но вмѣстѣ съ этимъ отводитъ въ своей душѣ совершенно особое мѣсто для той, которая была первой во всей его жизни, первымъ и единственнымъ предметомъ такой огромной нѣжности, такой неподдѣльной привязанности, такого страстнаго желанія, что онъ все забываетъ, все, что она думала, говорила и дѣлала противъ него; онъ не прощаетъ этого, нѣтъ, но онъ какъ-бы все упраздняетъ.

V.

Даже та предосудительная часть ея жизни, о которой онъ не могъ не узнать и гдѣ онъ наталкивается, какъ разъ на то, что должно больше всего возмущать его душу—т. е. любовниковъ, корыстолюбіе и безумную расточительность,—эта жизнь какъ бы перестаетъ существовать для него послѣ того, какъ онъ рѣшилъ простить. Онъ знаетъ одно, что эта женщина, возвеличенная имъ до положенія первой женщины Европы, призванная раздѣлить съ нимъ почести трона, торжественно коронованная по его настоянію, самимъ Намѣстникомъ св. Петра, и принимающая такое близкое участіе въ его неслыханно-блестящей судьбѣ—что эта женщина въ его глазахъ само изящество, воплощенная грація: онъ безсознательно и наивно надѣляетъ ее воображаемыми достоинствами, даже добродѣтелями, мысленно украшаетъ ее всѣми дарами природы, какіе только въ состояніи приписывать юный и пылкій любовникъ своей обожаемой любовницѣ, а если подчасъ и упрекаетъ ее въ безумномъ мотовствѣ, то не заключаетъ въ себѣ тѣ же самые упреки новаго доказательства глубины и силы его чувства, разъ уже онъ далъ ей возможность и средства удовлетворять этой своей расточительности въ столь широкихъ размѣрахъ?

До конца, до самой смерти упорно держится онъ своихъ иллюзій и даже на св. Еленѣ неотступно стоитъ передъ его умственнымъ взоромъ и живетъ въ его преданномъ сердцѣ, въ каждомъ фибрѣ его организма,—обаятельный образъ его Жозефины, той Жозефины, какую нѣкогда онъ, юный генералъ увидѣлъ впервые въ миніатюрной квартиркѣ на улицѣ Шантеренъ, Жозефины временъ Милана и Момбелло, словомъ той женщины, которая всколыхнула въ его могучей натурѣ цѣлую бурю еще спавшихъ страстей, заставила его впервые познать и насладиться ею.

Она и была для него и навсегда осталась любовницей, только любовницей, именно такъ онъ и любилъ ее:—не какъ жену и друга, а исключительно какъ женщину; любилъ не уважая, не довѣряя, любилъ такой любовью, которая не знаетъ сдержанности, не терпитъ противорѣчій, не выноситъ препятствій, не только не боится слезъ, но временами находитъ въ нихъ даже извѣстное удовольствіе, измѣняетъ весьма охотно, а подъ конецъ вырождается въ какое-то подобіе дружбы, въ товарищескія отношенія къ устарѣлой любовницѣ, которую не стѣсняясь просятъ иной разъ пособить разорвать мимолетную любовную интригу съ другой, которую просто, спокойно и безъ застѣнчиво посвѣщаютъ во всѣ любовныя тайны, съ которой, словомъ, чувствуютъ себя свободно, не признавая за нею даже права на ревность.

Она для него до такой степени только женщина, только любовница, что при каждой новой удачѣ, и по мѣрѣ того, какъ растетъ его слава—онъ сознаетъ все яснѣе и яснѣе, что сама судьба повелѣваетъ ему разорвать эту связь, которая въ глазахъ его вовсе не бредъ, не законное супружество, въ полномъ смыслѣ слова, а нѣчто вродѣ узаконеннаго сожительства; онъ понимаетъ, что оно не можетъ длиться вѣчно, что ему все-таки придется когда-нибудь съ этимъ покончить, и устроить иначе свое дальнѣйшее существованіе. Совѣсть его не возстаетъ противъ подобныхъ разсужденій и въ глубинѣ души онъ не считаетъ Жозефину своей женою, а на себя не смотритъ, какъ на женатаго человѣка, тѣмъ болѣе, что они даже не были повѣнчаны церковнымъ бракомъ, а если позже, восемь лѣтъ спустя ихъ союзъ и прошелъ черезъ руки духовенства, то это было сдѣлано лишь по необходимости; если-бы у нихъ были дѣти,—тогда, разумѣется, каковъ бы тамъ ни былъ контрактъ—онъ всякій почелъ бы законнымъ и дѣйствительнымъ.

Тогда обязательство это въ его глазахъ стало бы формальнымъ и правильнымъ. Но разъ дѣтей нѣтъ—нѣтъ и контракта.

Итакъ, отбросивъ на время прочь тѣ чисто чувственныя наслажденія, которымъ съ такою охотою предавался Наполеонъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, служили ему лишь легкими развлеченіями не болѣе, мы находимъ въ Наполеонѣ такую же могучую способность любить, какъ и его способность мыслить и дѣйствовать, и эта новая сторона его богато-одаренной натуры показываетъ въ немъ любовника и супруга настолько же великаго и могучаго въ этой сферѣ, насколько онъ могучъ и великъ, какъ государственный мужъ и завоеватель.

Какъ супругъ, онъ великъ уже тѣмъ, что, желая избавить жену отъ горькихъ порицаній потомства, онъ добровольно умалчиваетъ о своемъ горѣ и ея стыдѣ, и, скрѣпя сердце разыгрываетъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ (1815—1821 г.) необычайно-странную комедію, долженствующую по его соображеніямъ спасти для исторіи честь и доброе имя его бывшей супруги. Будучи нѣжнымъ преданнымъ и почтительнымъ мужемъ, съ нею онъ даже нѣсколько робокъ и какъ будто застѣнчивъ и несмотря на присущую его темпераменту сильную, безумную ревность,—стыдится выдать женѣ это чувство и такъ искусно владѣетъ собою, что она ничего не замѣчаетъ, даже живя подъ одной кровлей съ нимъ.

Когда же безбрежный просторъ океановъ ложится между ними неодолимой и вѣчной преградой,—онъ и тутъ продолжаетъ упорно играть свою великодушную комедію, и доигрываетъ ее до конца, высказывая и подчеркивая свое неизмѣнное довѣріе къ той самой женѣ своей, которая его обманула и бросила.

Какъ любовникъ онъ столь же замѣчателенъ могуществомъ и силою испытываемыхъ ощущеній, сколько безконечнымъ ихъ разнообразіемъ и изумительной изобрѣтательностью въ этой сферѣ. Нѣтъ тѣхъ тоновъ, полутоновъ, аккордовъ и гаммъ во всей музыкѣ человѣческой страсти, которыхъ бы онъ не перебралъ и на которыхъ бы не игралъ съ женщинами, особенно съ тѣми изъ нихъ, кого онъ особенно любилъ, какъ любовницъ. Отдаваясь поперемѣнно и со всею силой своего темперамента, то влажнымъ и жгучимъ порывамъ чисто-чувственнаго влеченія, то глубокому, сосредоточенному экстазу, то ласкающимъ ощущеньямъ безсознательной, но трогательной нѣжности—онъ, такимъ образомъ, переживаетъ послѣдовательно всѣ стадіи истинной страсти, умѣя до безконечности варіировать проявленія и формы своихъ ощущеній на данной почвѣ. Ничто не ускользаетъ отъ него въ области чувствъ, въ ней ничто ему не чуждо, а потому, въ глубинѣ души, онъ какъ мужчина и эгоистъ, можетъ только поздравлять себя съ этимъ умѣніемъ на всѣ лады разнообразить свои впечатлѣнія.

Что же касается женщинъ, то тѣ несомнѣнно судили объ этомъ по своему, и какъ любовникъ онъ доставлялъ имъ такія странныя, изумительныя непріятности, что по всему вѣроятно, ни одна изъ нихъ не любила его. Положимъ, женщина никогда не полюбитъ любовника, въ которомъ чувствуетъ господина и повелителя, желающаго покорить ея волю своей, протестующаго противъ признанія надъ собою ея авторитета, и властно навязывающаго ей свои чувства, не справляясь о ея личныхъ желаніяхъ, даже не сообразуясь съ ея настроеніями. А впрочемъ—кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что любимъ.

Теперь остается еще одинъ пунктъ: выносилъ ли Наполеонъ какъ супругъ и какъ любовникъ женское вліяніе въ вопросахъ политики? Производили ли женщины хотя нѣкоторое давленіе на его политическія убѣжденія, а слѣдовательно и дѣйствія? Собственно прямого, непосредственнаго женскаго вліянія въ этой сферѣ, видимо, не было, ни со стороны любовницъ, ни даже со стороны женъ, но что благодаря извѣстнымъ впечатлѣніямъ, благодаря инымъ разговорамъ, случайнымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ ту или другую любовную связь,—умственный кругозоръ его нѣсколько расширился, давъ мѣсто новымъ идеямъ и упразднивъ кое-что изъ стараго, — то это уже несомнѣнно, и не требуетъ комментарій.

Какъ ни беззавѣтно любилъ онъ Жозефину, она, разумѣется, занимаетъ далеко не первое мѣсто въ разрядѣ тѣхъ женщинъ, которымъ обязаны своимъ происхожденіямъ иныя политическія начинанія и рѣшенія Императора, и жестоко ошибаются тѣ, кто воображаетъ, будто она склоняла его на сторону аристократіи и собирая у себя полу-изысканную полупеструю толпу, доводила его временами до того, что онъ подъ ея вліяніемъ жертвовалъ подчасъ своими республиканскими принципами и традиціями стараго режима. На дѣлѣ она тутъ не при чемъ; онъ самъ заискиваетъ въ аристократіи, рискуя тѣмъ быть преданнымъ и даже проданнымъ или же правда Жозефина вербуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ свой лагерь — но дѣлаетъ это по его же выбору и приказанію. Жозефина же раздаетъ награды и милости—но потому, опять-таки, что онъ воображаетъ, будто изъ ея рукъ онѣ будутъ охотнѣе приняты и произведутъ большій эффектъ.

Онъ уже заранѣе рѣшилъ предоставить Жозефинѣ прощеніе эмигрантовъ, возвращеніе конфискованныхъ имуществъ, прежнимъ владѣльцамъ и всѣ тѣ милости, при помощи которыхъ онъ надѣется заручиться если не благодарнымъ содѣйствіемъ, то хотя нейтралитетомъ старой французской аристо-

Но циклъ этихъ милостей весьма опредѣленно намѣченъ имъ заранѣе, такъ что за исключеніемъ кое-какихъ непредвидѣнныхъ случаевъ, онъ допускаетъ просить себя лишь о томъ, что уже заранѣе рѣшилъ даровать просящему, не будучи королемъ старой крови настолько, чтобы ощущать даже нѣкоторое гордое удовольствіе, отталкивая прочь какую-нибудь рыдающую женщину, которая вымаливаетъ у него пощады для жизни мужа, отца или брата. Извѣстные оттѣнки въ обращеніи, свѣтскій лоскъ, да кое-какія указанія и свѣдѣнія, часто неточныя, а иногда и вовсе сбивчивыя—вотъ и все, что ему удалось позаимствовать у Жозефины.

Ну, а другія? Насколько ощутительнѣе и рѣзче сказалось ихъ политическое вліяніе.

Не потому-ли что м-ll Денюэль-де-ля-Плэнь забеременѣла отъ него онъ рѣшается наконецъ на разводъ съ Жозефиной? Не потому-ли, что м-ме Валевская обѣщаетъ ему стать матерью уже несомнѣнно его ребенка, онъ окончательно приступаетъ къ этому прежде пугавшему его шагу? А вся его политика по отношенію къ Польшѣ,—не является-ли она въ совершенно новомъ свѣтѣ, если вспомнить о томъ, кто былъ его любовницей въ 1807, 1808 и 1809 годахъ? Наконецъ—его необычайная снисходительность по отношенію къ Бернадотту—не зиждится-ли она вся цѣликомъ на воспоминаніи о бѣдной покинутой Дезирэ?

А съ тѣхъ поръ, какъ женившись на Маріи-Луизѣ, онъ вошелъ черезъ нее въ семью Императора Австріи—не смотритъ развѣ онъ на новыя родственныя узы также серьезно, какъ на собственное кровное родство, не этимъ-ли объясняется его безусловная довѣрчивая преданность къ своимъ тайнымъ врагамъ, его упорная трогательная вѣра въ то что новые родственники выручатъ его и не допустятъ его до паденія.

Если семейная традиція такъ глубоко вкоренилась въ его воображеніе, что заставляетъ его считать однѣ родственныя связи за достаточно-прочную гарантію политической солидарности, если эти самые взгляды онъ проводитъ къ своей личной политикѣ къ Баваріи, Бадену и Вюртембергу, а впослѣдствіе и къ самой Австріи,—то въ своей частной, внутренней жизни онъ и подавно является примѣрнымъ семьяниномъ и образцовымъ супругомъ.

Такимъ образомъ, Марія Луиза, не по своему непосредственному давленію на политику мужа, но уже по тому положенію, которое онъ самъ отводитъ ей въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, и по тому престижу, какимъ она пользуется въ его собственныхъ глазахъ,—является помимо

личныхъ домогательствъ крупной величиною, предназначенной для роли совершенно исключительной важности, какъ во внутренней такъ и во внѣшней политикѣ.

А если-бы онъ чувствовалъ и поступалъ иначе—можно ли было-бы назвать его тогда въ полномъ смыслѣ слова мужчиною? и не потому ли, что онъ будучи геніемъ не только сумѣлъ сохранить въ себѣ нетронутымъ все, что есть лучшаго въ натурѣ человѣка, но и отдаться этому лучшему съ беззавѣтной и искренней страстностью.

Хотя съ другой стороны,—если-бы женщина не играла никакой роли въ жизни геніальнаго страдальца,—онъ уже потому самому пересталъ-бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. изумительнымъ образчикомъ воплощенія величайшаго генія въ образѣ вполнѣ здороваго, нормальнаго мужчины. Тогда это было-бы какое-то безполое, исключительное, обособленное существо, не способное интересовать человѣчество хотя-бы потому, что оно чуждо его страстямъ, не слѣдуетъ ни одной изъ его традицій, не испытываетъ не единаго свойственнаго человѣчеству чувства—словомъ не имѣетъ съ нимъ рѣшительно ничего общаго.

Теперь, наоборотъ—будучи тѣмъ, чѣмъ онъ есть, Наполеонъ, котораго исключительная высшая умственная дѣятельность, ставитъ на цѣлую голову выше всѣхъ знаменитыхъ мужчинъ, чья безпримѣрная удача равняется развѣ только необычайной плодовитости его необъятнаго ума, осуществившей величайшую мечту, какая когда-либо грезилась человѣческому воображенію,—не переставая быть геніемъ онъ въ то-же время человѣкъ и мужчина до мозга костей, и ничто человѣческое и мужское никогда ему не было чуждо.

Мужчинѣ свойственно вѣрить въ женщину, любить ее, испытывать черезъ нее и ради нея всю ту серію ощущеній и чувствъ, какую только можетъ возбудить, внушить и дать ему женщина. И все это Наполеонъ позналъ и извѣдалъ во всѣхъ формахъ и видахъ, и въ этой сферѣ, какъ и во всякой другой онъ оказался больше и выше всѣхъ прочихъ людей.

Оглавленіе.

	Стран.
I. Молодость	3
II. Матримоніальные проэкты	12
III. Жозефина Богарне	19
IV. Гражданка Бонапартъ	29
V. М-мъ Фуре	40
VI. Прощенье	49
VII. Грассини	57
VIII. Актрисы	67
IX. Лектрисы	74
X. Госпожа ***	84
XI. Стефанія Богарне	93
XII. Элеонора	99
XIII. М-ме Валевская	106
XIV. Разводъ	136
XV. Марія Луиза	151
XVI. Островъ Эльба	171
XVII. Сто дней	182
XVIII. Наполеонъ и любовь	189

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO $1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

APR 9 1936

AUG 18 1993

AUTO DISC CIRC MAY 25 '93

LD 21-100m-7,'33

YC 75112

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045257331

563247

DC 204
M35

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY